

Идеология

как феномен культуры
и цивилизационный ресурс России

**Родина.
Правда.
Победа.
Личность.
Счастье.**

А.Н.Андреев

А.Н. Андреев

**ИДЕОЛОГИЯ
КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ
РЕСУРС РОССИИ**

Москва
«Снежный Ком»
2023

УДК 130.2
ББК 71
А65

Рецензент
доктор педагогических наук, профессор
Шишов С.Е.

Андреев, А.Н.

А65

Идеология как феномен культуры и цивилизационный ресурс России. — М. : Снежный Ком, 2023. — 302 с.

В предлагаемой монографии исследуется круг вопросов, которые помогают осмыслить феномен идеологии с целью понять, что такое идеология, нужна ли России идеология, зачем России нужна идеология, какая идеология нужна России, что надо делать для того, чтобы у России появилась нужная ей идеология, и что может сделать нужную России идеологию максимально эффективной.

Раскрываются информационная сущность и функции идеологии, выявляется ее триединая структура: Картина мира — Матрица — Технология.

Прослеживается логика противостояния идеологий Запада и России; делается вывод о непримиримости рассматриваемых идеологий. Практический вывод книги заключается в том, что: а) идеология — это цивилизационный ресурс; б) идеологическая война неизбежна; в) понимание законов, помогающих управлять идеологическими процессами, указывает путь к победе; г) Россия обладает всеми необходимыми возможностями для создания эффективной и победоносной идеологии.

УДК 130.2
ББК 71

ISBN 978-5-6050902-6-7

© Андреев А.Н., 2023

© «Снежный Ком» (ИП Штепин Д.В.), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ИДЕОЛОГИЯ	4
1. ЧТО ТАКОЕ ИДЕОЛОГИЯ?.....	4
2. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ЧЕЛОВЕК — СУЩЕСТВО ИНФОРМАЦИОННОЕ.....	23
3. КУЛЬТУРНЫЙ КОД РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ИДЕОЛОГИИ	30
4. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ИДЕОЛОГИИ	49
УСПЕШНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ	61
1. СОЦИОЦЕНТРИЗМ КАК ЭКОСИСТЕМА: ВОСТОЧНЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ	61
2. ИНДИВИДОЦЕНТРИЗМ КАК ЭКОСИСТЕМА: ЗАПАДНЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ.....	75
3. ПЕРСОНОЦЕНТРИЗМ КАК ЭКОСИСТЕМА: РУССКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ	104
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕСУРС РОССИИ	126
1. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАРТИН МИРА....	126
2. МАТРИЦА ИНДИВИДА, МАТРИЦА ЛИЧНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЯ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.	157
3. МАТРИЦА ЛИЧНОСТИ, ДИКТАТУРА КУЛЬТУРЫ И ИМПЕРИЯ	191
4. ИДЕОЛОГИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК СПОСОБ ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕКА.....	212
5. ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ КАК УСЛОВИЕ И МАРКЕР СУВЕРЕННОСТИ	239
6. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СВО	266
7. ИДЕОЛОГИЯ КАК ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ.....	284
ВЫВОДЫ.....	294

ЧТО ТАКОЕ ИДЕОЛОГИЯ

1. ЧТО ТАКОЕ ИДЕОЛОГИЯ?

Актуальность обращения к феномену идеологии определяется тем, что сегодня и политики, и ученые, и практики из разных сфер общественной жизни говорят об исключительной важности именно идеологии, особенно когда вопрос касается суверенности России (а этот вопрос в мировой повестке идет под номером один). Многие убежденно заявляют: *суверенитет (государственный и цивилизационный) начинается с идеологии* (мы также разделяем это мнение). С другой стороны, что такое идеология и почему суверенитет начинается именно с нее, толком никто не знает. В связи с идеологией говорят о мировоззрении, о системе ценностей, о вере, о патриотизме, о воспитании, о культурном коде, о национальной идее, об информационной войне, о генерировании новой идеологии России, о необходимости идеологической пропаганды, о государственной идеологии и т.д. Кто о чем.

Все говорят о том, о чем четкого представления нет у большинства говорящих. При этом чем меньше идеологические ораторы разбираются в идеологии, тем громче и убежденнее о ней говорят. Это тоже, кстати, идеологический феномен.

Возникает если не путаница, то недопонимание, как минимум. Вопрос забалтывается. Повисает в воздухе. Кому выгодна «мутная вода», «мутное» и «подвешенное» состояние вопроса?

Тем, кто говорит об идеологии ради того, чтобы идеологии у нас не было. Идеология чем-то их пугает.

Назрела необходимость системно проанализировать идеологию как феномен культуры, который имеет множество измерений и аспектов, не утрачивая при этом своей сущности.

В рамках предлагаемой работы мы постараемся очертить круг вопросов, которые помогают осмыслить феномен идеологии с целью понять:

- что такое идеология,
- нужна ли России идеология,
- зачем России нужна идеология,
- какая идеология нужна России,
- что надо делать для того, чтобы у России появилась нужная ей идеология,
- что может сделать нужную России идеологию максимально эффективной.

Мы будем говорить об идеологии затем, чтобы она у нас появилась, ибо идеология — это:

- условие выживания России,
- инструмент нашей защиты,
- уверенность в своей правоте, в своей Правде,
- условие нашей Победы.

1. Что такое идеология

У понятия идеология есть множество определений, и спектр определений зависит от избранного аспекта. Разумеется, мы предлагаем свое видение сложнейшего феномена культуры, каким является идеология. Вне конкретной «навигационной системы» (методологии), вне ценностной парадигмы как системы гуманистических координат говорить об идеологии «вообще» не имеет смысла: это наша методологическая установка.

Нас будет интересовать *идеология как тип управления информацией*, следовательно, как область культурологической антропологии, которая, как нам представляется, определяет функционал всех остальных аспектов идеологии: патриотический, воспитательный, познавательный

Предлагаемые нами определения и характеристики корректны в контексте определенной философской антропологии, которую мы называем *персоноцентризм* [1].

Определения будут доказательно обоснованы и научно прокомментированы в процессе изложения материала в нашей книге.

Начнем с главного. Феномен идеологии возникает там и тогда, где и когда появляется *взаимодействие психики и сознания*. Это означает, что перед нами феномен антропологический, аксиологический, когнитивно-психологический. Все наши определения учитывают вот этот антропологический контекст — *взаимодействие психики и сознания*: противоречивое соединение веры и понимания, чувства и мысли, при доминирующей роли одной из сторон противоречивого единства.

Для возникновения идеологии необходимы два условия.

1. Человек должен не просто иметь идеи; каждый человек должен *верить в правоту и состоятельность своих идей*, в свою правду, в истинность своего мировоззрения.
2. Персональная вера вместе с тем должна быть верой в общее, *общественно важное* дело, верой в правду, которая необходима для всех.

У К. Маркса в статье «К критике гегелевской философии права» (1844) сказано то, что и сегодня актуально для понимания сущности идеологии: «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает

ad hominem <...>» [2]. Ad hominem означает: доказательство применительно к данному лицу. Доказательство должно быть убедительно для каждого, к кому оно обращено.

«Теория» — это сумма идей, нечто нематериальное. Идеи вне общественного измерения и контекста — всего лишь умозрительные логические комбинации. Идея (теория) в принципе может овладеть массами и стать субстанцией материальной — вот что по-настоящему важно для идеологии.

Восточная пословица гласит: ищи луну на небе, а не в пруду. Можно сколько угодно спорить о том, где искать луну, на небе или в пруду; но как только ложная идея «луна находится в пруду» овладеет массами (то есть, как только отражение луны массы людей примут за настоящую, подлинную луну, фантом примут за реальность), невежество немедленно превращается в материальную силу, способную менять наш материальный мир. Таким образом, идея сама по себе, какой бы грандиозной она ни была, является лишь «сырьем» для идеологии. В идеологию она превращается тогда, когда идея овладевает народными массами, становясь материальной силой; но чтобы овладеть массами, она должна быть обращена ad hominem (к каждому человеку).

Личное *specto* всегда имеет общественное измерение, и ценность личного измеряется ценностью всеобщего.

Нравственный императив Канта «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» является, в сущности, фундаментальным императивом идеологии (*научной идеологии*: об этом речь впереди).

Объединительный эффект идеологии превращает веру в идеи в материальную силу, в ресурс государства и цивилизации. Борьба за идеологию — это борьба за конкретный материальный ресурс. Она если чем-то и отличается от борьбы за нефть и другие

источники энергии, то только тем, что идеология представляет собой более серьезный материальный ресурс.

Идеи — вера в идеи — вера в *общественно значимые* идеи — вера в общественно значимые идеи *каждого члена общества*: таковы звенья неразрывной идеологической цепочки, единого идеологического дискурса.

Чтобы идеология объединяла всех, она должна убеждать каждого.

Термин «идеология» в научный оборот ввёл французский философ Антуан Дестют де Траси в конце XVIII века. С тех пор количество трактовок этого термина стало запредельным, а качество не поддается внятной систематизации.

Понятие «идеология» образовано от двух греческих слов (греч. *ιδεολογία*; от *ιδέα* «прообраз, идея» + *λόγος* «логос, слово, разум, учение»). Следовательно, этимологически идеология является учением об идеях, о системах идей. Однако, с нашей точки зрения, такое определение в корне искажает сущность идеологии и ее предмет в сегодняшнем их понимании.

Мы будем придерживаться иной трактовки термина идеология. Идеология в нашем понимании — это не учение об идеях или о системах идей, несущих мировоззренческую нагрузку; это отчасти верно, но в целом дает искаженное представление о предмете. Идеология — это нарратив, с одной стороны, про связь личного и общественного, а с другой стороны — про связь двух языков культуры: веры и идей (познания).

Идеология — это *учение о вере в идеи* (истинные или ложные), которые, обращаясь к каждому персонально, способны объединить общество, становясь при этом силой, предназначенной для изменения реального мира.

Вера в идею превращает нематериальную теорию в материальную силу. Грубым аналогом может служить переход одного вида энергии в другой, например, кинетической энергии в потенциальную.

Иначе говоря, механизмом «овладевания массами» (то есть механизмом превращения идеальной субстанции в материальную силу) является вера.

Строго говоря, идеология — крайне неудачное обозначение того предмета, который сегодня охватывается этим термином. Но мы не собираемся ломать научную традицию, вводя новый термин. Это не прояснит, а еще больше запутает суть дела. Заметим лишь, что идеология не ограничивается «учением об идеях»; исследуемая нами «логия» (учение) включает в себя в качестве предмета *взаимодействие психики и сознания* (идеопсихологию), а также взаимодействие индивидуального и коллективного сознания, а также «обмен энергиями», возникающий при переходе идей в статус веры.

В общем и целом идеологию можно трактовать как *тип управления информацией, который позволяет превращать идеи в материальную силу.*

«Учение об идеях» и «тип управления информацией»: почувствуйте и осознайте разницу.

Как происходит удивительный процесс взаимообмена и поглощения одних идей и вер другими?

Здесь мы вступаем в область «окаянных технологий», если так можно выразиться: мы умеем гораздо больше того, что понимаем в своем умении.

Результат есть, а о процессе мы имеем достаточно смутное представление; так человек смог создать «Евгения Онегина» (доказано), но объяснить, как он это сделал, пока не представляется возможным.

Тем не менее, результат технологий (итог перехода теории в практику) налицо, он вполне конкретен и осязаем, и с результатом мы вынуждены считаться. Кажется невероятным, что большие группы людей (массы) могут верить в откровенную ложь и отрицать очевидное. Но технологии делают свое дело, и люди верят в то, что расходится с реальностью. Например, очень многие

на Украине не верят в то, что украинский фюрер Бандера был фашистом (а он был) и верят в то, что очень многие в современной России являются фашистами (на самом деле не являются). Очень многие в США убеждены, что во Второй мировой войне победили США (на самом деле СССР).

Кто-то *видит то, что есть* (видит луну на небе, там, где она в действительности находится; иначе говоря, объективно отражает реальность, опираясь на отношение познания), а кто-то *видит то, что хочет видеть* (видит луну в пруду, субъективно отражает реальность, опираясь на отношение приспособления к своей неспособности познавать). При этом каждый не без оснований считает себя правым, а своего оппонента — заблуждающимся, не доросшим до своей правды. На стороне одного — правда чувств (приспособление), на стороне другого — правда логики и фактов (познание).

Но самое главное во всех этих взаимодействиях заключается в том, что *объективно* прав тот, кто видит реальность, а не выдумывает ее. Луна, нравится нам это или не нравится, находится на небе, а не в пруду. Русские не фашисты. СССР победил в Великой Отечественной войне. Следовательно, есть идеологии правильные, научные (верно отражающие действительность) и неправильные, научно несостоятельные (неверно, ложно отражающие действительность).

При этом массы можно «воспламенить» (овладеть массами) любой идеологией, как правильной, так и неправильной. Вот почему идеологическая война — это война за материальный ресурс, за материальную силу, — война, в которой, как представляется людям недалеким, все средства хороши. На войне как на войне.

На самом деле не все средства хороши; «оправдывать средства» могут только те, кто плохо управляет «целями».

Так или иначе, «процесс воспламенения масс» — это управляемый процесс, чрезвычайно сложный, но управляемый.

Кто это понимает, кто умеет управлять идеологическим процессом (целями и средствами), тот и будет успешным.

И все же главная проблема идеологии не в управлении «воспламенением масс», не в арсенале средств и готовности применить любые средства, а в способности верно обозначить цель — в *мере объективности, в степени научности* идеологии. Кто сумеет создать более объективную «Картину мира» (цель), тот и создаст, в конечном счете, более успешную — скажем прямо: победоносную — идеологию.

А что является критерием объективности (критерием *качества цели*)?

Наука. Отношение познания. Научное, то есть доказательное отношение, основанное на знаниях и управлении знаниями, а не на ощущениях.

А теперь объединим два положения — способность идеологии овладевать массами и предрасположенность идеологии к разной мере объективности.

Для того чтобы идеология успешно функционировала, чтобы она овладевала массами, надо иметь в виду следующее. На технологическом уровне эффективная идеология — это *превалирование отношения приспособления над отношением познания*, бессознательного над сознательным, *хотя кажется, что наоборот*. В этом случае в жертву приносится отношение познания — маскируется *слабость* гносеологического уровня. С какой целью? С целью выдать желаемое за действительное, с целью повышения эффективности идеологии путем обмана «клиента» (манипуляции). Так поступают с детьми, желая им зла.

Это тот случай, когда цель оправдывает средства.

Но есть такая правильная идеология (назовем ее универсальная или научная идеология), которая меняет

правила игры. Универсальная идеология — это *превалирование отношения познания над отношением при- способности, сознательного над бессознательным, хотя кажется, что наоборот.*

В этом случае соблюдается идеальный идеологический баланс: маскируется *сила* гносеологического уровня. С какой целью маскируется? С целью повышения эффективности идеологии — но не ради обмана «клиента», а во имя его же блага. Так поступают с детьми, желая им добра.

Это тот случай, когда средства соответствуют цели.

Потенциальная «материальная сила» правильных (универсальных) идеологий несопоставимо выше идеологий неправильных.

За этот потенциал мы и сражаемся. Мы же сражаемся за материальный потенциал Арктики? Несомненно. Еще как. Да, мы пока вкладываем больше, чем получаем, понимая при этом, что в будущем получим больше, чем вложим. То же и с идеологией. Если вкладываться, то вкладываться надо в лучшую, перспективную, научную, универсальную идеологию. Отдача будет невероятно продуктивной.

«Не бойся незнания, бойся ложного знания. От него все зло мира». Это мысль Л.Н. Толстого. Неправильную идеологию можно назвать «ложным знанием», правильную — «истинным знанием». Но все идеологи убеждены, что их знания не ложны, и зло исходит не от них, а от их противников. Как распознать идеологию правильную и неправильную?

В ответе на этот вопрос и заключается проблема «идеологического строительства». Качество идей (не «ложное знание», а «истинное знание») + степень их «воспламеняемости» (доступность идей для масс) = успешная идеология.

Соответствие цели (высокой, благой) средствам (достойным): вот рецепт успешной идеологии.

Правильная идеология — это инструмент достижения счастья не только для отдельно взятой личности и цивилизации, но и для всего человечества. Суперуспешный идеологический проект — это всегда проект универсальный (глобальный).

Неправильная идеология — это инструмент манипуляции и разрушения здоровой ментальности человека, всей *ноосферы* и самой планеты Земля.

Но и умение разделять идеологию на «правильную — неправильную» не является гарантией правильного подхода к правильной идеологии. У нас, к сожалению для нас и для науки, не получится поставить знак тождества между «правильная идеология» и «научная идеология». Сегодня это не одно и то же — хотя недвусмысленный тренд в сторону «правильный = научный» присутствует определенно. Почему не получится?

Идеология — это во многом *общественный договор* по поводу правильной Картины мира. То, что общество (не наука!) считает правильным, то и воспринимается как научное; какая «идея правильности» овладеет массами, та и пользуется общественным доверием. Зазор между правильностью и научностью — это та «серая идеологическая зона», где возможны самые невероятные спекуляции, чем сполна пользуются те, кто делает ставку на «ложное знание».

Общественный договор на основе идеологии — это мощный консолидирующий фактор (вполне материальная сила), который не может позволить себе игнорировать ни одна цивилизация в мире. Нравится ученым-идеологам или не нравится, приходится договариваться с обществом по поводу «правильности» идеологии, если мы хотим, чтобы она была эффективной.

Таким образом, правильность (научность) идеологии — это одно, а готовность принятия правильной идеологии обществом — это другое.

Иметь в распоряжении правильную идеологию мало, надо правильно ее внедрять в массы.

Строго говоря, установку *маскировать силу гносеологического уровня* (маскировать правильность и научность) следует считать правильной, то есть научно обоснованной стратегией. Несколько упрощая суть дела, можно сказать так: секреты овладения массами, на научном уровне доступные всем и каждому, надо прятать от масс. Надо прятать спички от тех, кто не умеет ими пользоваться. Да, это компромисс, по механизму напоминающий компромиссы возрастной психологии: можно — нельзя, готов — не готов. Наука же компромиссов не знает — наука просто изобретает «спички» (технологии двойного назначения); а в чьи руки они попадают и как используются — эта сфера традиционно считается недоступной научному контролю.

Мы же полагаем, что контроль за использование «спичек» — тоже сфера науки. *Не только цель, но и средства — это тоже забота науки.* Контроль может быть правильным и неправильным. Нравится обществу или не нравится, правильная идеология будет становиться все более и более научной — как со стороны формулирования цели (Картины мира), так и со стороны использования средств (Матрицы).

Так победим.

Поскольку феномен идеологии возникает там и тогда, где и когда появляется *взаимодействие психики и сознания*, он не может быть объективно описан и исследован методом и инструментарием одной науки. Идеология в силу амбивалентности своей природы является объектом исследования, который возникает на стыке наук — общественных, гуманитарных, естественных и точных.

При этом функционирует идеология *не как наука*, а как область, где происходит воздействие на чувства. Это делает идеологию феноменом *амбивалентным*:

культурным (идейным) и природным (чувственно-эмоциональным) одновременно. Идеология не столько доказывает, сколько убеждает. При этом примитивное убеждение может быть эффективнее самых аргументированных доказательств.

Вот почему именно идеологии под силу культивировать зло под видом добра, насаждать невежество под видом знаний, предлагать людям самую наглую ложь под видом истины, воспевать смерть, делая вид, что защищаешь жизнь. И все это работает. Становится материальной силой.

Парадокс нашего времени состоит в том, что *побеждает не тот, кто сильнее в культурном отношении*, а тот, кто *кажется* сильнее. Тот, кто умеет казаться, а не быть. Тот, кто владеет секретами идеологической манипуляции. Тот, кто убедительнее. Неважно, насколько правильна твоя идеология; важно, насколько эффективно она овладевает массами.

Побеждает не тот, кто стремится к благородной, научно и этически обоснованной цели, а тот, кто делает вид, что стремится.

Побеждает тот, кто умеет «казаться», «делать вид» и манипулировать.

А это уже чем-то напоминает договор с дьяволом. Недобросовестный идеолог получает возможность «воспламенить» что угодно и где угодно (овладевать массами).

Многие видят, что король голый, эту сказку читали все; они смеются, но при этом *почему-то* подыгрывают тем, кто громко кричит, что король изысканно одет. Кажется, что мир сошел с ума. А может, это эффект «управляемого хаоса»: кому-то очень надо, чтобы казалось, будто мир сошел с ума?

Что происходит?

Если мы хотим сделать идеологию инструментом Победы добра над злом, торжества счастья и справедливости, нам придется очень и очень постараться. Поставить идеологию на службу нашим идеалам и нашей Картине

мира — задача невероятно сложная. Но выполнимая, если мы разберемся с феноменом идеологии.

А теперь с учетом всего сказанного вдумаясь в предлагаемые определения идеологии (в добавление к уже приведенным). Мы сознательно поворачиваем идеологию разными гранями, чтобы подчеркнуть «калейдоскопичность» феномена, его сопротивляемость универсальным трактовкам, к которым мы, тем не менее, стремимся. Это тезисы, которые мы в дальнейшем развернем и обоснуем.

Идеология — это нарратив про создание «Картины мира» (идеи, понимание, доказательство), переходящий в нарратив про веру в Картину мира («Матрицу») и информационную Технологию перевода понимания в веру.

Идеология — это научный контент, изложенный ненаучным (образным) языком. Суть идеологии — наука; язык идеологии — образы (в пределе — искусство).

Идеология — это рациональное оформление иррационального мотива, это убеждение, замаскированное под доказательство, с целью представить свои убеждения как истинные.

Кажется, что вы имеете дело с торжеством разума, хотя на самом деле всем управляет бессознательное. Кажется одно, а в реальности — совсем другое; но то, что *кажется*, — это и есть реальность идеологии.

Идеология — это фрагмент мироощущения (своей, субъективной правды), который выдается за всю полноту истины с целью представить свою, объективную Картину мира как наиболее успешную.

Идеология — это восприятие своей Родины в свете Правды, что позволяет всем и каждому стремиться к Победе.

Идеология — это способ навязать своему сопернику выгодную вам Картину мира.

Идеология — это способ отстоять право на свою суверенность.

Идеология — это философия патриотизма.

Идеология, в конце концов, — это программа выживания цивилизации.

Идеологическая суверенность — это всегда претензия на глобальное лидерство. Нельзя быть суверенным не имея универсальной картины мира.

Успешная идеология — это инструмент победы над соперниками и навязывания своей разумной воли остальным.

Идеология — это наука побеждать.

Уже из приведенных определений (далеко не полных) следует: чтобы создать научное представление об идеологии, необходимо коснуться вопросов природы ментальности человека, самого механизма выработки и усвоения культурных ценностей, которые существуют в том числе и в идеологическом формате. Что такое психика, сознание, интеллект, разум, рациональное, иррациональное, мотив, цель, мироощущение, мировоззрение, правда, истина, идея, вера, отношение приспособления, отношение познания, картина мира, матрица и т.д. Говорить об идеологии, не затрагивая при этом *природу человека как существа информационного*, природу познания, веры, ценностей, — невозможно.

В этой связи целесообразно говорить о сопоставлении, о сравнительном подходе, о целостно-системном подходе, о диалектическом выявлении взаимосвязей и закономерностей как основном методе нашего исследования.

Какова рыба — такова и снасть. Для нас идеология («рыба», предмет исследования) в структурном отношении является не системой, а целостностью («сетью систем»). Именно поэтому для адекватного восприятия

и постижения идеологии нужен не интеллект (это снасть для системы), а ум (разум), способный за системой увидеть еще более сложные «системы систем».

2. Кому нужна идеология?

- Любому цивилизационному проекту,
- любому государству,
- любому человеку, которого волнуют проблемы мировоззрения, и даже тому, кому *кажется*, что эти проблемы его не волнуют.

Иными словами, вещество идеологии необходимо для функционирования человека, существа социального, когнитивного, психоэмоционального — существа информационного.

Если общество способно создать привлекательную и успешную идеологию, оно имеет шанс превратиться в цивилизацию. Идеология как антропологический базис цивилизации — это проект для мировых игроков. Только великой культуре, за которой стоит цивилизация, по силам создать великую идеологию, то есть глобальную систему ценностей, определяющую мотивации жизнедеятельности людей.

На сегодняшний день мы имеем следующие успешные цивилизационные проекты:

- Западный (индивидуалистический);
- Восточный или китайский (социалистический);
- Русский (персоналистический) в двух вариантах: имперский и советский.

Мы не являемся сторонниками противопоставления современной России ее истории (Российской Империи и СССР). В научном и идеологическом отношении корректнее ставить вопрос следующим образом: антисоветский = антироссийский, антиимперский = антироссийский.

Мы будем говорить в основном о двух идеологических проектах: Западном (индивидуалистическом)

и Русском (персоноцентрическом), поскольку проект социоцентрический (Китайский), несмотря на свою специфику, является модусом индивидуцентрического и обладает всеми сущностными характеристиками последнего.

3. Зачем нужна идеология?

- Чтобы цивилизационный проект состоялся: это условие выживания и развития.

У каждого успешного или частично успешного цивилизационного проекта есть идеология (или так: не бывает успешных цивилизационных проектов без успешной идеологии).

Есть идеология — есть цивилизационный проект.

Нет идеологии — цивилизационный проект не состоится.

- Чтобы государство и общество могли эффективно развиваться.
- Чтобы человек мог осознавать и чувствовать свою причастность к верному ценностному выбору, что дает ощущение счастья.
- Чтобы цивилизационный проект мог защищаться (идеология — это система защиты от атаки); идеология — своего рода крепость.
- Чтобы цивилизационный проект мог себя продвигать (развиваться) и побеждать; идеология — это проект наступательный, позволяющий «брать крепости».

С помощью одной только защиты победить нельзя, осажденная крепость рано или поздно падет; победить можно только с помощью наступления, идеологической инициативы, продвижения собственной идеологической повестки.

Есть научно обоснованная, хорошая, правильная, универсальная идеология как необходимый компонент гибридной войны?

Значит можно переходить в системное наступление по всем фронтам.

Все сказанное напрямую относится к России как к цивилизации и к России как государству, у которого должна быть государственная идеология.

4. Какова идеологическая структура?

С нашей точки зрения, идеологию как целостный, многоплановый и сложно устроенный антропологический нарратив можно с известной долей условности представить как взаимодействие трех уровней.

- Картина мира,
- Матрица,
- Технология.

Под «Картиной мира» (вводим это словосочетание как термин, поэтому пишем его с прописной буквы с целью отделить термин от метафоры) мы подразумеваем систему ценностей личности, сознательно сформированные мировоззренческие установки, которые служат основой для формирования мотиваций и моделей поведения. Языком «Картины мира» выступают абстрактно-логические понятия, системы понятий, системы систем и т.д.

«Матрица» — система ценностей, данная в чувственно воспринимаемой форме (в мироощущении). Языком «Матрицы» (вводим это понятие как термин, отделяем его от метафоры и пишем с большой буквы) выступают образы [1].

«Технология» — инструмент перевода с языка «Картины мира» (мировоззрения) на язык «Матрицы» (мироощущения). В этом качестве «Технология» выступает также термином, поэтому мы пишем и его с большой буквы.

Идеология — это научный контент, изложенный ненаучным (образным) языком. Суть идеологии — Картина мира (наука); язык идеологии — Матрица (образы, высшая степень развития которых — искусство).

Картина мира может стать составляющей идеологии только тогда, когда она «пропущена» через Матрицу. В противном случае Картина мира идеологией не станет. «Капитал» К. Маркса — это научная монография, это труд по политэкономии. Если «Капитал» становится составляющей марксизма, он превращается в элемент идеологии.

Вот почему содержание в идеологии достаточно ощутимо «оторвано» от формы. Картина мира и Матрица достаточно автономны. Эта особенность идеологии зачастую приводит к невероятной путанице.

Без Матрицы говорить об идеологии нет смысла, потому что нет «идеологического предмета»; при этом качество Матрицы зависит от Картины мира.

Матрица, в отличие от Картины мира, уже не научный, а идейно-технологический продукт. Матрица — это «душевное» пространство, созданное в результате информациональной конвертации — с помощью перевода информации с языка логоцентрического (с языка понятий, понимания, Картины мира) на психоцентрический язык чувств и эмоций (на язык чувственно воспринимаемых образов). С языка сознания на язык психики. С языка понимания на язык веры, если совсем просто.

Матрица создается не в рамках научного формата, а в рамках формата *storytelling* (рассказывание историй) — с помощью технического приема (Технологии), который помогает донести информацию через рассказ или историю (через индивидуальный образ, через конкретный пример). *Матрица строится на информации, воспринимаемой чувствами*, — это главное.

Картина мира строится на информации, которая воспринимается, обрабатывается и *управляется*

не чувствами, а сознанием (интеллектом или разумом: несколько позднее мы разграничим эти понятия).

Именно в этой связи актуально определение идеологии как нарратива про переход мировоззрения в мироощущение, про создание *Картины мира* (понимание, которое усваивается через доказательства), про веру в *Картину мира (Матрицу)* и информационную *Технологию* перевода понимания в веру.

Таким образом, идеология обретает определенные информационные контуры. Идеология = Картина мира + Матрица + Технология.

Картина мира связана с формированием цели идеологии.

Матрица и Технология — это средства достижения цели.

Литература

1. Зачем нужны умные люди? Антропология счастья в эпоху перемен / Анатолий Андреев. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 692 с. — (Психология. Высший курс). <https://www.litres.ru/anatoliy-andreev/zachem-nuzhny-umnye-ludi-antropologiya-schastyu-v-epohu-p/chitat-onlayn/>
2. К. Маркс. «К критике гегелевской философии права» https://www.civisbook.ru/files/File/Marks_K%20kriike.pdf

2. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ЧЕЛОВЕК — СУЩЕСТВО ИНФОРМАЦИОННОЕ

Феномен идеологии возникает там и тогда, где и когда появляется взаимодействие психики и сознания. А как конкретно взаимодействуют психика и сознание, чтобы возникла та самая идеологическая искра, чтобы синтезировалась идеологическая составляющая? Чтобы появились предпосылки для «овладевания массами»?

Начнем с простого, как бы очевидного, но несомненно идеологического примера.

«Скажите, пожалуйста, — спрашиваю я у студентов, — какое из двух утверждений вы бы отнесли к идеологическим, а какое — к научным (неидеологическим):

Эта стена оранжевого цвета.

Эта стена *приятного* оранжевого цвета».

Почти всегда безошибочно идеологически промаркированным признают второе.

Изменяю задание. «Какое из двух утверждений является более правильным:

Эта стена *приятного* оранжевого цвета.

Эта стена *неприятного* оранжевого цвета».

Студенты мгновенно ориентируются и подмечают неадекватность вопроса, которая состоит в том, что любой из возможных ответов — будет произволен, *субъективен*, его с равным основанием можно считать правильным или неверным: все зависит от личного пристрастия.

Однако дело вкуса — не дело объективной логики.

Какие выводы мы делаем из простой ситуации, с которой так или иначе сталкиваемся каждый день?

Идеология и правильность (объективность) разводятся как вещи несовместимые. Там, где идеология, — там царит *субъективность*, там следует забыть про объективность.

Там, где царит субъективность, там невозможно говорить про «ложное» или «истинное» знание.

Получается: идеология — дело вкуса, а о вкусах не спорят. Кому-то нравится помидоры, а кому-то огурцы. О чем здесь спорить?

Получается, правы те, кто считает, что идеологические принципы и пристрастия не должны быть прописаны в Конституции, основном Законе нашей страны? Что бы ни было записано в Конституцию из самых благих пожеланий, половина населения будет не согласна с обоснованием *субъективных* идеологических доктрин — также исходя из не менее благих и не менее *субъективных* пожеланий.

Получается, идеология, без которой в жизни почему-то не обойтись, подрывает легитимность Конституции, которая регулирует нашу жизнь?

В жизни идеология нужна всем и каждому, и государству, и обществу и отдельно взятому человеку, а в Конституции ей не должно быть места?

Как понимать этот «конституционный парадокс», связанный с идеологией?

С другой стороны, идеология — это как раз то, о чем спорят. Понятия идеологические споры (дискуссии), идеологическая война (борьба), идеологическое противостояние, идеологическая победа — это клише, с существованием этих понятий никто не спорит.

Никто не спорит с тем, что идеологический спор — это нормально, и даже неизбежно.

Значит, идеология — это больше, чем вкус?

Значит, идеология и объективность в чем-то пересекаются?

В чем же конкретно?

Если мы ответим на эти вопросы, то, возможно, поймем, есть ли идеологии место в Конституции и каким должно быть это место.

Как соотносятся идеология и основной Закон страны?

Это не праздный вопрос, это вопрос действительно нашей суверенности, нашего умения жить по Закону, в соответствии с объективными законами реальности, видеть то, что есть на самом деле, а не то, что хочется видеть.

На этот вопрос мы ответим в конце нашей книги, когда мы разберемся в природе идеологии и ее функциях.

Итак, с одной стороны идеология — дело *субъективного* вкуса, а о вкусах не спорят; с другой стороны, идеология вызывает споры, а в споре рождается истина — то есть, нечто *объективное*.

В идеологии в какой-то не всем очевидной комбинации присутствуют и субъективное, и объективное начала. В какой же?

Идеология — это фрагмент мироощущения (своей, субъективной Правды), который выдается за всю полноту истины с целью представить свою, объективную Картину мира как наиболее успешную, Победоносную.

Иными словами, в идеологии субъективное всегда выдается за объективное, несмотря на то, что таковым не является. Субъективная убежденность в правоте важнее начала объективного, представление о реальности важнее самой реальности.

Это и является прямым следствием взаимодействия психики и сознания. Психика выступает «адвокатом» субъективного начала, а сознание «лоббирует» объективный подход к реальности. В результате такого взаимодействия возникает конфликт.

Как это возможно, почему и какие из этого следует сделать выводы?

Как только начинают говорить об идеологии, тут же вспоминают про *культурный код* как нечто объективное, относящееся к области сознания, хотя и трудноуловимое.

Эти две категории — идеология и культурный код — соотносятся как целое и часть целого, они идут в связке, одна без другой не существуют.

Попробуем именно через категорию *культурный код* подойти к *объективному началу в идеологии*.

Интуитивно мы воспринимаем отношения этих категорий следующим образом: говорим культурный код — подразумеваем ядро идеологии (и наоборот).

Но вот что такое культурный код, как и почему он является сердцевинной идеологии, что такое в этой связи сама идеология, наконец, — эти вопросы требуют прояснения.

Про культурный код доподлинно известно только то, что он существует; но вот что это за «вещь» такая, что за «материя», которая улавливается «локаторами» сознания, — неизвестно. Очень трудно обнаружить в научной литературе что-то определенное или внятное по поводу культурного кода. Здесь мы вступаем в область неизведанного, но такого неизведанного, без которого все разговоры об идеологии превращаются в субъективные импровизации.

Культурный код словно домовый: никто не сомневается, что он существует, но вот что он из себя представляет как «вещество» (материя) и структура — никому толком неизвестно.

Представим свое, авторское видение проблемы отношений культурного кода и идеологии. Мы не собираемся вступать в дискуссию; мы собираемся предложить свою версию как вариант научного дискурса.

Надо быть информационно и методологически готовым к тому, чтобы давать определение культурного кода. Для этого надо определить систему координат, в которой существуют человек, его ценности, сама культура.

Мы будем исходить из следующих принципов.

1. Феномен культурного кода является феноменом гуманитарной науки, которая работает

с объективно фиксируемыми категориями, хотя реализуется он в сфере идеологической, субъективно-объективной, главным образом художественно-религиозной.

2. Ядром гуманитарной науки является *философская антропология*.
3. Ядром философской антропологии является определенная, системно изложенная *трактовка человека как существа информационного*, трактовка возможностей человека, соотнесенных с его настоящим и будущим.

Какой трактовки человека будем придерживаться мы?

Для начала зададимся вопросом: а в каких координатах вообще происходит трактовка человека? В произвольных? Или в более-менее объективных (научных)?

С нашей точки зрения объективность координат предполагает следующее.

Известно, что человек является существом биологическим, социальным, творческим, идеологическим и т.д. Если характеризовать природу человека одним словом, можно сказать, что мы — существа *информационные*. (Под информацией, воспринимаемой человеком, мы будем понимать любое «сообщение», поступившее в психику из внешнего мира. Психика воспринимает информацию и, далее, адресует ее сознанию. Вне психики и сознания понятия «информация», «управление информацией» для человека не существует, поскольку оно никак не материализуется).

Дело не в том, что мы «напичканы» информацией; дело в том, что мы существуем как информационная система. Увы, мы не представляем собой некий священный сосуд, в который можно вложить информацию; мы являемся конфигурацией информационной структуры. Мы есть не что иное как структурированная определенным образом информация. Что бы мы ни говорили о человеке и о его достижениях в любых сферах жизни

(в области научного познания или просто эмоционального существования), мы в принципе не можем обойтись без двух ключевых понятий: 1) *информация* и 2) *управление информацией* (придание ей структуры).

Наше освоение мира — это наше умение получать информацию и управлять ею.

А управление информацией — это уже в чистом виде идеология.

Следовательно, у нас есть все основания сказать: *человек — существо идеологическое*. Из этого и следует исходить в определении природы идеологии. Это означает: все проявления человека так или иначе идеологичны.

Говорить о человеке и не говорить об идеологии попросту невозможно.

На сегодняшний день мы с большой долей уверенности можем утверждать, что человечество обладает *двумя типами управления информацией: бессознательным (психическим) и сознательным*. Чем руководствуется человек, когда принимает решения: эмоциями или рассудком?

Это принципиально важно для понимания природы информационной Картины мира и, следовательно, для понимания предназначения человека.

«Человек эмоциональный» (назовем его *индивид*) выстраивает свои отношения с миром бессознательно (при этом рациональное начало, опирающееся на *интеллект*, может внешне доминировать). Факт и степень участия интеллекта в процессе освоения мира не делает человека существом сознательным (разумным).

«Человек разумный» (назовем его *личность*) начинается там, где возникает сознательное, разумное управление информацией, имеющей отношение, прежде всего, к человеческому измерению (к психике и сознанию). С точки зрения *информационной*, личность понимается как тип управления информацией, где приоритет в выстраивании информационной Картины мира отдается *сознанию*.

NB: мы говорим не о психике и сознании как таковых — мы говорим о двух типах управления информацией, противоречиво функционирующих на базе психики и сознания. Эффективность человека как существа информационного заключается в эффективном управлении двумя типами информации, которые дополняют и обогащают друг друга.

А теперь с учетом всех сложностей природы человека сформулируем вопрос: с какой «человеческой точки зрения» мы смотрим на себя, на культурный код, на идеологию, на мир: с позиций индивида или личности?

Наша картина мира *персоноцентрична* (не *индивидуоцентрична*, и не *социоцентрична*, что принципиально). Она опирается на разум (не на интеллект, что принципиально, ибо интеллект часто выступает как инструмент реализации бессознательного отношения).

Таким образом, можно сказать, что феномен идеологии связан, прежде всего, с *когнитивностью как ценностным качеством эмоций*. Оксюморон «умные чувства» дает представление о сущности идеологии. В этой связи актуальными для нас определениями идеологии становятся следующие.

Идеология — это рациональное оформление иррационального мотива, это убеждение, замаскированное под доказательство, с целью представить свои убеждения как истинные.

Идеология — это фрагмент мироощущения (своей, субъективной правды), который выдается за всю полноту истины с целью представить свою, «объективную» Картину мира как наиболее истинную, успешную, победоносную.

Идеология — это доминирование отношения приспособления над отношением познания, бессознательно над сознательным, хотя *кажется*, что наоборот.

3. КУЛЬТУРНЫЙ КОД РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ИДЕОЛОГИИ

Вернемся к культурному коду, который можно трактовать как своеобразную «гарантию объективного (т.е. научного) отношения к реальности». Следовательно, как «гарантию объективности» идеологии или как защиту от «произвола субъективности».

Культурный код существует не сам по себе, как некая данность непостижимой природы, он является следствием того, что человек — существо информационное (то есть идеологическое). Это означает, что культурный код также следует трактовать как феномен информационно-идеологический.

Культурный код мы понимаем как *формулу отношений человека с миром и самим собой* (следовательно, цивилизации — с миром). Культурный код — это своего рода ключ к интерпретации человека и его возможностей (когнитивных и психофизиологических) с помощью определенного типа управления информацией. Естественные науки способствуют развитию и обогащению культурного кода, но не подменяют его.

Скажи мне, на какой культурный код опирается цивилизация, и я скажу, какое будущее ждет эту цивилизацию. Русский культурный код (*«не в силе Бог, а в Правде»*) реализует *отношение познания*; наш код развивается и совершенствуется в рамках *сознательного* типа управления информацией как *культура управления объективно возникающими в процессе познания смыслами*, представляющими собой истину (вижу то, что есть, а не то, что хочу видеть).

Русский культурный код является разновидностью научной культуры.

Западный культурный код (*«не в правде Бог, а в Силе»*) реализует *отношение приспособления*;

он совершенствуется в рамках *бессознательного* типа управления информацией как *культура манипуляции смыслами*, которые субъективно воспринимаются как истина (вижу не то, что есть, а то, что хочу видеть). Хваленая рациональность (как бы научность) Запада и манипуляция не исключают друг друга; манипуляция как рациональный (интеллектуальный) дискурс — это и есть реализация их культурного кода.

Западный культурный код является разновидностью психологической культуры, а *кажется*, что научной.

Не в силе Бог, а в Правде. Наше представление о «Правде» (высшей, устремленной к истине Правде) подразумевает следующее: грубая сила — неправда. Кто верит в справедливость и добро, тот верит в нашу Правду.

Не в правде Бог, а в силе (правда у того, у кого Сила; что скажет сильный мира сего, то и будет считаться правдой). Это принципиально иной мировоззренческий принцип. Западное представление о Правде состоит в том, что Грубая Сила — это и есть единственная «правда».

Кто верит в Силу, тот верит в «правду» Запада, в их успешность.

Что касается восточного, социоцентрически ориентированного культурного кода (*«не в силе Бог, а в правде, из которой исключены права личности»; «не в правде Бог, а в силе, которая направлена на благо государства»*), то он, с одной стороны, связан с персоноцентризмом, а с другой — с индивидоцентризмом. С персоноцентризмом его роднит культ так называемых «традиционных» (социоцентрических) ценностей (религия, семья, общество); с индивидоцентризмом его роднит неприятие персоноцентрического начала в человеке. Социоцентризм неустойчив, он разделен в себе. В конечном счете, именно *табу на личность* делает социоцентризм духовным

союзником индивидоцентризма в гораздо большей степени, нежели персоноцентризма.

В результате мы имеем два полярно противоположных кода, которые опираются на два типа управления информацией. В познании решающую роль играет сознание (способное воспринимать мир многомерно), в приспособлении доминирует бессознательное (которое с помощью интеллекта воспринимает мир одномерно).

Наш код направлен на постижение и усвоение истины, «Правды» (не в силе Бог, а в *Правде*), то есть ориентированного на объективность (многомерность) познания мира. Наша сила в Правде — мы стремимся называть вещи своими именами. Мы так устроены (*почему* мы так устроены — это отдельный вопрос, генезис культурного кода требует специальных исследований фундаментального характера). Нам важно констатировать: ориентация на Правду, на духовное начало в человеке доказала свою эффективность и стала нашим способом выживания. Нам так комфортно. Нам оказалось выгодно иметь и защищать высшие культурные ценности; отсюда наш культ *традиционных* ценностей, который, как уже было сказано, разделяют также социоцентрически ориентированные цивилизации.

Западный код подменяет отношение познания *приспособлением к невозможности познать человека и мир* (что ими воспринимается как аксиома), поэтому развивается как технология подчинять умы, в широком смысле *подчинять* (подавлять с помощью физической силы, силы воли и интеллекта), доминировать, навязывать свою Картину мира. Не в правде Бог, а в *Силе*. Им культурные ценности не очень нужны, они мешают доминировать; они являются лишними в пищевой цепочке. Западный социум «заточен» на ценности витальные (не на духовные). Они так устроены (для ответа на вопрос *почему* также необходим комплекс исследований).

На основе нашего кода у нас возникла и стала развиваться наша *Картина мира*.

Наша Картина мира оказалась, условно говоря, сократовской, человекоцентричной, христианской — и это, кстати, нас во многом научила Европа (Древняя Греция), являвшаяся также учителем Запада; но с определенного времени (трудно сказать, с какого — очевидно, еще с довизантийского) западный культурный код стал осознавать себя как нечто противоположное человекоцентричности. Сократ и Иисус Христос перестали быть для Запада авторитетом.

Выбор нашей цивилизацией православия оказался решающим для формирования нашего культурного кода.

Сегодня мы уже знаем: то, что начинается как культ силы, заканчивается культом фашизма. Русская цивилизация (Бог в Правде) оказалась глубоко чуждой фашизму. Западная цивилизация (Бог в Силе) оказалась именно фашистской по сути своей.

Таким образом, мы можем констатировать, что *культурный код является информационно-идеологическим по природе своей образованием*. Это культурно-исторически сформировавшееся отношение к миру, которое включает в себя и начало духовное и, конечно, нашу особую природную одаренность — эмоциональную чуткость и склонность к особому рода рефлексии, которая оказалась востребована в словесно-художественном творчестве (но не в философии, отметим справедливости ради). Сам русский язык, «великий и могучий», возник как результат нашего отношения к миру, которое формировалось, в свою очередь, с помощью языка. Язык формирует отношение, отношение формирует язык. Наш слишком богатый только для философии язык оказался слишком бедным именно для философской специализации.

Но это поправимо. Идеология способна это исправить. А у языка есть мощный потенциал, который способен закрыть все потребности познания.

Русский язык — это не просто средство общения и познания; русский язык наряду с созданной с помощью языка русской литературой являются цивилизационным ресурсом России. К этому тезису мы еще вернемся.

В культурном коде много интуитивного, поэтому рано или поздно придется его научно расшифровать в формате Картины мира. Точно так же научная философия начинает понимать и оценивать прозрения Сократа, вписывая его в современный контекст. Культурный код — это не культура, не художественная культура, не наука; это до- или пранаучный принцип жизни, нравственно-философская формула отношения к реальности, которая пытается максимально адекватно отражать свойства реальности.

Основная проблема культурного кода — отношение к человеку, отношение человека к собственным возможностям (или, если угодно, отношение сознания к сознанию). Человек для мира или мир для человека? Человек со своими невероятными ресурсами поставлен в центр мироздания или внешние по отношению к человеку силы, контролирующие его ресурсы?

Наделен ли человек свойствами субъекта в мироздании или ему отведена роль объекта манипуляций?

Ключевым в нашем понимании является следующий посыл Иисуса Христа. Иисус сказал: Царство мое не от мира сего (Иоанн 18.36).

Позволим себе трактовать это следующим образом, в актуальном для нас персоноцентрическом ключе. Человек — это единое целое, состоящее из двух противоположных «царств»: сферы духовной (культурной), где царствуют разум и Правда, той сферы, что «не от мира сего», — и сферы телесно-психологической, природной, где Сила выше Правды, той сферы, что «от мира сего», от мира материального.

На что ориентироваться: на концепцию человека духовного («не от мира сего») или человека телесного («от мира сего»)? В нашей терминологии: на личность или индивид?

Если мы принимаем сторону Иисуса Христа, то идем за ним, «в царство разума и Правды», которое подчиняет себе законы природы; если мы принимаем сторону человека бездуховного, ставящего «дух» ниже «плоти» (ниже *потребления*, как сказали бы сегодня), то мы идем по пути протестантизма, по пути Запада.

«Религией успешности», религией потребительского отношения к жизни стал протестантизм. Запад пошел не за Христом. Запад выбрал не путь реализации возможностей человека, а контроль над ресурсами человека — контроль интеллекта над ресурсами сознания.

Все, что дали человеку философия и Христос, Запад у человека отобрал.

Протестанты все, что «от мира сего», ставят выше того, что «не от мира сего». «Бог любит богатых» (то есть успешных): таково теологическое, моральное, да и просто бытовое обоснование индивидоцентризма.

Универсальность или, напротив, ущербность культурного кода проявляется с течением исторического времени. Наш код доказал свою научно-культурную состоятельность. Он оказался и универсальным (открытым иным цивилизациям), и уникальным. На его основе оказалось возможно построить перспективную Картину мира, которая, в принципе, устраивает всех и каждого. Приоритет духовного (культурного) начала в человеке над началом докультурным — реальность сегодняшнего времени, нравится это кому-то или нет. С этим приходится считаться всем. Не хлебом единым жив человек, а всем исходящим из Уст Божьих живет человек (Второзаконие 8.3) — это аксиома.

У И. Канта это выражено иначе. Приведем популярную аранжировку категорического императива Канта:

«Человек всегда должен быть целью и никогда — средством». Это высший принцип нравственности.

Культурный код еще не Картина мира, но он является тем семантическим облаком-ядром, без которого Картина мира не может появиться. Путем своеобразной кристаллизации культурный код превращается в Картину мира. Культурный код — это Пракартина мира.

Расшифрованный (научно описанный и отформатированный) культурный код становится идеологией, которая, в свою очередь, начинает выполнять *функции культурного кода* на следующем этапе информационного развития общества.

Вот почему мы не можем позволить себе отказаться от развитой идеологии; отсутствие идеологии несовместимо с существованием и человека, и цивилизации.

В западной цивилизации естественные науки развиты сильно — как следствие того, что развитие негуманитарных наук воспринимается как проявление силы, сам научный прогресс воспринимается как проявление силы, как покорение все новых и новых сфер «мира сего» — мира природы, человека и социума. Человек западной цивилизации не познает и осваивает, а именно покоряет, ставит под свой контроль (под контроль интеллекта) все, что удалось познать.

Что касается культурного кода, то он выражен отчетливо, а развит в гуманитарном отношении слабо, потому что все, что не от мира сего, людей успешных не волнует. Культурный код не делает ставку на не изученные еще толком когнитивные и информационные возможности человека. Развитие науки отлучили от развития гуманитарной науки, от «лирики», и человеческие ценности не оказывают решающего влияния на стратегию освоения мира с помощью естественных и технических наук.

Так велит им их Закон Силы, лежащий в основе Закона Успеха.

Цель (Сила, дающая власть над миром) не гнушается никакими средствами, использует любые средства. Любые.

Вспомните Хиросиму и Нагасаки. Из недавнего — Украину. Примерам несть числа, по тысяче на каждый день. Если вы хоть как-то рассчитываете на милость «сильных мира сего», если вы на хоть секунду будете судить о ваших врагах по себе, вы проиграете мгновенно и бесповоротно.

Цель оправдывает средства: это высший принцип безнравственности.

Это ключ к ментальности наших врагов.

И это все, что надо знать о западном культурном коде. Остальное — детали.

Мы сделали ставку на развитие сознания человека (на личность), они сделали ставку на контроль за развитием сознания человека, блокируя в человеке личность с помощью интеллекта.

Мы сделали ставку на ум, на совершенствование нравственности; они — на интеллект, на совершенствование безнравственности.

Homo sapiens (человек умный) против homo intellectualis (человека интеллектуального).

Это решающие ставки в мировой идеологической битве.

Цивилизационные механизмы запущены, изменить что-либо не представляется возможным. На самом деле их цивилизация — предыдущая ступенька к нашей. Совместить цивилизации по «принципу дополнительности» и принципу взаимообогащения теоретически возможно. Но эта теория сегодня не является рабочим идеологическим материалом. Это просто идеи, оторванные от жизни. У них пока нет шансов овладеть массами. Увы. Надо принимать реальность такой, какая она есть.

Когда мы говорим «наше дело правое, победа будет за нами», то в контексте проблематики культурного кода мы декларируем следующее. Человек — цель, а не средство (наше дело правое, наше представление о человеке верное); поэтому наша Картина мира победит.

Наша ментальная Картина мира не просто сильно отличается от Западной; она *принципиально* иная, иная по целям, задачам и средствам. У нас формирование культурного кода в чем-то опережает развитие естественных наук, как ни парадоксально; а главное, мы настаиваем, что естественные науки должны развиваться в рамках культурного кода, «под присмотром» высших культурных ценностей, а не «параллельно» им.

Это наш Закон Правды, лежащий в основе Закона Счастья.

В результате идеологического разделения люди получили то, что должны были получить: императив «не в правде Бог, а в Силе; цель (быть сильным) оправдывает средства» — это зерно, из которого вырос фашизм. Западный мир, ориентированный на Силу как на главный ресурс отношения приспособления, закономерно пришел к абсолютизации силы как способа жизнедеятельности. То, что начинается как культ силы, непременно заканчивается как фашизм, — если не встречает сопротивления культа справедливости (правды, истины). Это стало очевидным. Вот почему западный мир с определенного момента перестал скрывать свою фашистскую («дарвинистскую») суть. Фашизм стал для Запада-Иуды венцом творения или концом истории, как кому нравится. Гитлер их икона, что бы они ни говорили. Молятся они на него или стыдливо прячут его, но он их икона.

Запад получил то, что хотел. А мы получили то, чего не очень хотелось, но чего избежать оказалось невозможно: разгорающуюся на наших глазах войну с фашизмом (в том числе идеологическую войну с западной Картиной мира).

Они относятся к войне как к средству достижения тотального господства. «Цель оправдывает средства» означает: война все спишет, ибо победителей не судят. Мы же относимся к войне как к средству устранить установку «цель оправдывает средства».

Получается: кому война — а кому мать родна.

Мы с Западом ведем разные войны, воюя друг против друга. Даже в расхожее выражение *на войне как на войне* мы вкладываем совершенно разный смысл. Для нас война — неизбежное зло; для них война — мать родна, желательное, любезное зло. Эффективное средство.

Столкнулись две ветви познания мира: гуманистическая (познание ради человека) и антигуманистическая (познание ради познания, умножение силы во имя силы, порабащивающей человека). Два начала. Светлое и темное. Отношение познания и отношение приспособления. Божественное и дьявольское. Храм и пещера. Культура и натура. Сознание и психика. Ум и интеллект.

Все, что люди узнали о человеке и хорошего, и плохого, начиная с библейских времен и кончая нынешним моментом в истории, сегодня сошлось в чистом поле в решающей битве.

Иллюзий ни у кого не должно быть. Нам не простят близость к истине. Справедливости. Близость к Богу.

Мы виноваты уж тем, что они неправы.

Столкнулись две Картины мира. Мы вступаем в войну (мировую, конечно, войну) с отчетливым пониманием того, что обратной дороги нет, есть только путь к победе. Никакого мира отныне не будет, в лучшем случае — перемирие.

Никогда еще в истории человечества война не начиналась *со столь полным осознанием* непримиримых противоречий, лежащих в основе противоборствующих Картин мира. Вот уж поистине: что русскому хорошо, то англосаксу смерть; что англосаксу благо — то нам гибель.

Не стоит себя обманывать, лучше смотреть правде в глаза. Пришло время *называть врага врагом*: это ответственно и по отношению к врагу, и по отношению к самим себе.

У наших врагов есть потрясающий «утиный тест» — тест на очевидность происходящего. Если нечто выглядит как утка, плавает как утка и крикает как утка, то это, вероятно, и есть утка.

Если некто выглядит как враг, относится к нам как враг, ведет себя как враг и думает как враг, то это, весьма вероятно, и есть наш враг.

Кстати сказать, если наш враг назовет врагами нас, это облегчит нам жизнь. Они обожают принцип «око за око» (для них это вообще высший принцип гуманизма). Они не посмеют причинить нам ущерб, рискуя получить в ответ сопоставимый ущерб. Они слишком себя любят. Они считают, что только им есть что терять в этом лучшем из миров, а всем оборванцам земли терять нечего, кроме своих цепей. Вот почему они пока не идут на размен ударами. Пока. Дескать, не царское это дело — с чернью сражаться.

Их ахиллесова пята — они сами, их потенциал элит, над которым они трясутся и которым никогда не рискнут. Пока они не готовы рискнуть. Если бы были готовы, уже бы рискнули.

К несчастью, у ненависти есть свойство становиться метафизической ненавистью. У средств есть свойство превращаться в цель. Все течет, все изменяется. Неофиты-укрофашисты уже ведут войну ради войны. Назло бабушке отморожу уши? Назло русским уничтожим все святое?

Их это не смущает.

Наши враги иррациональны, то есть беспринципны. В отношениях с нашими врагами ни за что нельзя ручаться. Это плохая новость.

Но есть и хорошая. Время работает на нас. У нас есть шанс укрепиться и победить. Это главное.

Строго говоря, мы имеем дело с проблемой сознания. Отношение познания vs отношение приспособления. Казалось бы, академическая, «невинная», какая-то художественная проблема, очень опосредованно связанная с реальной жизнью. Казалось бы.

Но оказалось, что главные проблемы человека связаны именно с сознанием, с Картиной мира. С идеологией. Культурный код — это не нечто эфемерное, существующее как банк мифов или облако смыслов, плывущее над реальностью; это источник реальной мотивации реальных действий. Культурный код реальнее всего реального. Начало начал. Вначале было слово, уже отмеченное культурным кодом. Если культура чего-то стоит, то культурный код является не только зерном, из которого вырастает культура, но и квинтэссенцией культуры; если культура — это блажь, флер, сиреневый туман, отвлечение от реальности, то человек — это животное, обитающее в джунглях.

Культурный код сегодня существует преимущественно в форме и формате Картины мира. Внятный культурный код рано или поздно обретает черты Картины мира.

Картина мира — вот что является объективным началом в идеологии, вот по поводу чего споры и научные дискуссии не только уместны, но и необходимы.

Картина мира — это расшифрованный культурный код: это дуб, выросший из желудя.

Культурный код — это нерасшифрованная Картина мира: это желудь, в котором находится дуб.

Существует колоссальный запрос на то, чтобы прояснить, хотя бы в самых общих чертах, что представляет собой культурный код русской цивилизации не как «общее отношение к человеку», а как содержательное образование, как семантическое ядро, как представление о «добре» и «зле» (о нравственных началах), как дуб (древо познания) — как Картина мира, иначе говоря. Нужна ценностно-смысловая расшифровка нашего кода.

Так или иначе все упирается в вопрос: что мы можем предложить миру, поставив в центр мира человека с его внутренними ресурсами? Насколько наш культурный код (момент Картины мира) универсален?

Фашизм — это зло, и точка. А что может выступить в качестве альтернативы фашизму, кроме благих пожеланий? Кроме метафор наподобие «дуб — желудь»?

Это не простой и не праздный вопрос.

Русский культурный код, воплотившийся в персоноцентризм («дуб»), по нашей версии, имеет три источника, три составляющих части (чем смутно напоминает коммунизм, ни на секунду им не являясь; персона = личность, коммуна (от фр. commune) = община, коллектив; почувствуйте разницу).

1. Православие (корнями — через Византию — уходящее в Древнюю Грецию; именно так: наша культурная почва — Древняя Греция, а не патриархальная деревня).
2. Классическая русская литература. В «Евгении Онегине», по нашему мнению, впервые в мире представлена модель личности (модель «дуба»), которая стала воплощением персоноцентризма. Кстати, Онегин «брал Гомера, Феокрита», то есть читал, изучал Гомера, Феокрита. Интересовался литературой и культурой Древней Греции. При этом он мог жить в деревне («Вот наш Онегин — сельский житель»); более того, именно деревенский период стал временем яркого раскрытия его личности. К чему мы это говорим? Потри русскую патриархальную деревню — найдешь принципы жизни Древней Греции.
3. Классическая немецкая философия (Гегель, Кант), корнями также уходящая в Древнюю Грецию.

Как соотносятся с персоноцентрическим кодом традиционные религии (для нас это авраамические религии

+ буддизм), в частности, православие, где идея личности, свободы личности всегда была в центре внимания?

С нашей точки зрения, Иисус Христос, является идеальной моделью личности, и персонацентризм без большой натяжки можно назвать светской проекцией православного христианства. Ислам, возможно, более социоцентричен, однако он принципиально совместим с предлагаемой нами Картиной мира. Это главное. Мы все за традиционные ценности, и мы все под традиционными ценностями понимаем любовь, семью, патриотизм, уважение к заветам предков, к закону. Если человек исповедует ислам, например, или буддизм, он комфортно чувствует себя в рамках русской цивилизации.

Потому что с нами Бог. Правда. Тем, кто верит в Закон Божий, с нами по пути, а нам — с ними. Мы все так или иначе верим в то, что Закон культуры выше Закона природы.

С теми, для кого «закон тайга, а медведь хозяин», нам не по пути. Либерализм, неолиберализм и либерал-фашизм — наш общий враг.

Мы предлагаем за альтернативой западным ценностям обратиться к русской литературе. Почему — к литературе?

Потому что именно в литературе, а не в философии, был предложен развернутый культурный код, пусть в художественной форме.

Почему — к русской литературе?

Потому что именно в русской литературе, а конкретно А.С. Пушкиным, был сформулирован культурный код, та (в будущем) Картина мира, которая позволила русской литературе XIX в. занять ведущее место в словесно-художественном развитии человечества.

Боюсь, немногие отдадут себе отчет в реальном культурном уровне, который достигла русская литература в своих вершинных образцах.

Обозначим главное. В моей работе, которая называется «Гомер и Пушкин как ключевые фигуры мирового литературного процесса», отмечено следующее [1].

Вспомним, как Спиноза определял назначение философии: не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать.

В общественном сознании за литературой, под которой традиционно понимаются «стихи и проза» (лирика и эпос), закреплена делянка, где «окучивается» сфера чувств. Читать литературу — значит, *плакать, смеяться, ненавидеть*. Сопереживать. Разделять чувства персонажей, направляемых волей и чувствами автора.

Литература заканчивается там, где *понимание* начинает диктовать эмоциям свои правила игры. С этого момента начинается философия — то есть заканчиваются слезы, смех и ненависть. Сопереживание уступает место пониманию. Один дискурс, литературный, фатально не переходит в другой, философский, — потому что по природе своей не может перейти.

Или *переживание* (сопереживание) — или *понимание* (как результат мыслительной деятельности): таково традиционное разделение гуманитарных специализаций. Их можно назвать разными типами управления информацией: *бессознательным* и *сознательным*.

Пушкинский *роман в стихах* «Евгений Онегин» (лирика в эпосе или эпос в лирике) перевернул представление о литературе. Пушкин сделал переживание результатом понимания. Плакать и смеяться, чтобы понимать; понимать — чтобы плакать и смеяться. Тем самым Пушкин воплотил в художественном слове оригинальный русский культурный код: понимание скрестил с переживанием (но, скажем прямо, не отделил одно от другого: перед ним, творцом романа в стихах, не стояла такая задача). После Пушкина литература в полной мере стала способом духовного производства человека: мы первые научились индивида (бессознательное начало человека) превращать в личность (в начало сознательное).

Мы научились управлять информацией в рамках гуманитарного космоса: от индивидуализма к персонизму.

Настало время умной литературы — не интеллектуальной, а умной. Наступил *пушкинский этап* в развитии литературы, мировой литературы. Мы стали лидерами в области идеологии, хотя далеко не сразу осознали это.

Два типа управления информацией как предмет искусства, идеология как предмет романа: до Пушкина такое невозможно было себе представить. Наука и искусство, наука и идеология не просто совместились в романе в стихах, а — что для нас сейчас особенно важно — совместились таким образом, что никто даже не заметил ни шва, ни зазора!

Отношения «писатель — философ» в романе изменены радикально: философская одаренность стала предпосылкой писательской одаренности. Философ на посылках у писателя, при этом первый не унижен, а второй возвышен: такого в мировой культуре еще не было.

Писатель-философ — это идеолог. Именно такая литература нам нужна в будущем. Нам нужна идеологическая продукция высшего качества.

Когнитивность как ценностное качество эмоций: вот невероятно смелая постановка вопроса великим Пушкиным. Вот философские истоки русского культурного кода, который со временем обретает все более объективную научную параметрику (к чему мы с вами здесь и сейчас прилагаем определенные усилия).

Гомер открыл возможности литературы, Пушкин — реализовал их в максимальной степени, показав границы возможного в границах художественного дискурса. Пушкин и Гомер: вот она, связь русского культурного кода с Древней Грецией, в том числе и нашей колыбелью.

Пушкин не просто ввел в литературу новый тип управления информацией; в рамках нового, *сознательного* типа управления информацией Пушкин по-новому, с помощью разума утвердил вечные ценности, такие как истина, добро, красота, свобода, любовь, личность.

Пушкин сделал вечные ценности разумными, а не иррациональными.

Сделанное Пушкиным настолько впечатляет, что хочется назвать это *русским культурно-идеологическим проектом* — возможно, самым существенным вкладом русских в словесно-художественную культуру человечества, а также культуру гуманитарную. Переход от *бессознательного* типа управления информацией к *сознательному*, от индивида к личности, зафиксированный Пушкиным, знаменует собой переход от принципа «не в правде Бог, а в Силе» к принципу «не в силе Бог, а в Правде». От силового управления (венец которому фашизм) к культурному управлению смыслами (венец которому, по нашему мнению, персоцентризм).

С появлением персоцентризма идеология — *учение об управлении информацией* — превращается в особую область гуманитаристики, в особую дисциплину, где научно-философская одаренность сочетается с художественной, где любовь к мудрости (философия) превращается в веру в мудрость (верософию, что ли).

С одной стороны, русский культурный код способствовал появлению феномена Пушкина; с другой стороны, Пушкин в «Евгении Онегине» явил миру культурный код русской цивилизации в версии, которая закрепила за русскими статус мирового культурного лидера.

Пушкин — это *всех все*. Литературу как гуманистическую идеологию, правильную, научную идеологию: вот что дал миру Пушкин.

Мы хотим сказать, что Пушкин смог сформулировать ценности универсальной Картины мира, такой, в которой заинтересованы все цивилизации, государства и люди Земли.

Картина мира — основа духовного развития человека, способ превращения его в личность.

Пушкин — начало персоцентризма как идеологии.

При чем здесь Гегель и Кант? Какое отношение имеют они к русскому культурному коду?

Разобраться в Пушкине, не говоря уже об идеологии, невозможно без диалектики как метода, который разработан был в трудах Гегеля. Универсальные законы диалектики (единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, закон отрицания отрицания) проявляют себя везде и всюду. Попробуйте без категорий диалектики понять смысл выражения «цель оправдывает средства». Попробуйте дать определения добру, злу, любви, патриотизму и т.д. Любая ценность описывается средствами диалектики. Мы уже пытаемся оперировать категориями *тотальной диалектики* (идеология, персонцентризм, целостность, личность, счастье и т.д.). А основа всему — Гегель.

Что касается Канта, то его нравственный (категорический) императив (закон!), восходящий к «золотому правилу нравственности» (правилу поведения, известному еще до античной философии: не делайте другим то, что вы не желаете для себя, и поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы поступили с вами), гласит: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом». В другой формулировке: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда — как к средству».

Нравственный императив имеет непосредственное отношение к персонцентризму. Учение Канта, по большому счету, — это учение о нравственном идеале личности, о «золотом духовном стандарте». И с этим стандартом мы подходим и к человеку, и к цивилизации, и к человечеству.

Невозможно не отметить. Немцы под присмотром англосаксов от нравственного императива Канта пришли к безнравственному императиву Гитлера. Впечатляющая ветвь эволюции. Тупик тупиков.

Таким образом, персонцентризм, в нашем понимании, является магистралью европейской гуманистической мысли, а либеральный фашизм — ее обочиной. Традиционные ценности для нас — это европейские ценности, хранителями которых мы являемся; либерализм отрекся от высоких культурных стандартов, сделав ставку на низменное (природное) начало в человеке.

Как говорится, Бог судья либерализму, а для нас либеральный фашизм — враг. Изощенный варвар, видящий в русской культуре и культуре вообще свою неизбежную гибель.

Итак, уровень развития русской культуры во многом влияет на уровень мировых культурных стандартов. И что это нам дает?

Если культура не пустой звук, если *отмена культуры* действительно отбрасывает нас в варварство, то это дает нам возможность мирового лидерства в сфере, которая толком даже не определена, хотя от нее зависит все остальное. Мы имеем в виду идеологию, конечно. Эту сферу можно обозначить следующим образом: *духовное производство личности*, которое опирается на недостаточно хорошо исследованный информационный ресурс человека — идеологический ресурс.

Персонцентризм (культ личности) становится поддержанием нашего культурного кода и нашей идеологии.

Литература

1. Персонцентризм в классической русской литературе XIX в.: Монография / А.Н. Андреев — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021 — 430 с.

4. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ИДЕОЛОГИИ

Персоноцентризм как *идеологический дискурс* развивается на трех уровнях — на уровне *Картины мира*, на уровне *Матрицы*, которая включает в себя уровень *Технологии*.

Но прежде чем говорить о структуре идеологии (об уровнях дискурса), коснемся вопроса *о языке идеологии*, который связан с типами управления информацией, с взаимодействием психики и сознания.

В рамках принятой нами философской (персоноцентрической) антропологии можно утверждать, что есть два способа регуляции поведения человека как существа информационного (социального, духовного и психологического), два способа управления ментальностью человека: наука (отношение познания) и идеология (отношение приспособления). Наука доказывает (языком понятий), идеология убеждает (языком образов, историй, *storytelling'a*). На уровне массового сознания (или коллективного бессознательного, кому как нравится) идеология играет решающую роль. «Истины» и «законы», которые транслирует идеология через *storytelling*, через художественную культуру, усваиваются проще, быстрее, эффективнее. *Убедить проще, чем доказать*. Путь к истине через сознание тернист и труден, путь к «истине» через чувства и конкретные примеры, картины, иллюстрации, *storytelling* — легкий и соблазнительный.

Несмотря на то, что наука доказывает, а идеология убеждает, у людей, чье сознание «не испорчено наукой», создается впечатление, что идеология — это и есть наука. Более того, создается впечатление, что идеология выше науки. Какая разница, как ты постиг истину, если тебе *кажется*, что ты постиг именно истину?

Чувства есть у всех, а развитое сознание — далеко не у каждого.

Массовое сознание, которое питается мифами (полагает, что луна — в пруду), назначило идеологию на роль науки.

Идеология выполняет роль науки для массового сознания; *идеология выполняет функцию навигационной системы в мире ценностей для сферы бессознательного.*

Вот почему у нас есть основания сказать: для массового сознания идеология — это *превалирование отношения приспособления над отношением познания, бессознательного над сознательным*, хотя кажется, что наоборот.

Когда мы говорим «эта стена *приятного* оранжевого цвета», мы убеждаем себя и других, а *кажется*, что доказываем.

Человек выбирает то, что *кажется* ему приятным и полезным, будучи убежденным, что выбор его основывается на объективном отношении. Он подменяет объективное (научное) субъективным, будучи убежденным, что действует строго наоборот.

Идеологическое отношение — это во многом перевернутое с ног на голову отношение к реальности. Чтобы такое было возможно, человек должен хотя бы отчасти опираться на реальность. Оранжевый цвет стены действительно может восприниматься многими как приятный. Поэтому актуально и такое определение идеологии: *идеология — это фрагмент правды, который выдается за всю полноту истины.*

Оранжевый — значит приятный. И точка. Идеология — это нарратив не про конкуренцию идей и не про постижение истины; он про психологическое манипулирование с целью навязать идеи. С помощью убеждения «протащить» доказательства, «продавить» свою точку зрения, сделать убеждения (пустоту) доказательствами: это и есть идеологический трюк, который идеологические практики называют «прозрением».

Идеологи — «ловцы человеков», а идеологический дискурс — это процесс «заглатывания» (принятия

в качестве своих ценностей) идей на психоэмоциональную наживку.

Вот почему идеологический акт — это акт навязывания своей воли. В известном смысле — акт войны. Поэтому выражение «идеологическая война», к сожалению, отражает суть дела.

В идеологии убежденность (приспособление: верю в то, что *кажется* правдой) важнее того, в чем убежден человек (важнее доказательного познания). Поэтому идеологии стоят друг друга — если оценивать их в плоскости «чья вера крепче».

Другое дело, что идеологии бывают качественно разные, в разной степени объективные и универсальные. Идеологии бывают правильные и неправильные, гуманные и человеконенавистнические. Знания бывают ложными, и истинными. На вопрос «что является критерием правильности/неправильности идеологий?» мы уже ответили: наука.

Научная обоснованность идеологии, научное обоснование культурного кода — это важнейшая составляющая идеологии, которая скрыта от массового сознания. Научной «начинки» в идеологии *как бы нет* (она не видна поверхностному и неискушенному взгляду), но она есть — более того, она-то и является высшим, определяющим уровнем идеологии.

Научный уровень в идеологии представлен Картиной мира.

Идеологии различаются также в субъектном, если так можно сказать, отношении. Кто является субъектом идеологии? Есть идеологии цивилизации, нации, класса, социальной группы, корпорации, индивидуума. Там, где существует система ценностей, там появляется идеология как носитель и инструмент продвижения ценностей.

В своей книге мы говорим о глобальной идеологии мирового уровня, о ценностях русского мира, русской

цивилизации, об идеях, которые способны овладеть массами и стать материальной силой. Что касается идеологии класса, социальной группы, корпорации, индивидуума, то это все позиция «ad hominem» (доказательство применительно к данной частной категории).

Доказательство должно быть убедительно для каждого сегмента социума, к которому оно обращено.

Итак, когда мы говорим об идеологии, мы говорим об идеологии для каждого, и научный уровень в идеологии также касается всех и каждого.

Таким образом, структура идеологии включает в себя три уровня, которые соотносятся по принципу информационной матрицы (более универсальный уровень становится содержанием для менее универсального):

- уровень научного подхода к реальности (показатель объективного отношения, доказательного отношения познания) — *Картину мира*; в общем объеме идеологической продукции он составляет небольшой процент, для наглядности — менее 1/10 (у нас нет объективных данных на этот счет), однако качество идеологии всецело зависит именно от него;

- уровень психоэмоционального отношения (показатель «крепости веры», убежденности, отношения приспособления) — *Матрицу* (более 9/10 от общего объема идеологической продукции — опять же, по нашей оценке; объективными данными, подтверждающими нашу оценку, мы не располагаем);

- уровень технологического обеспечения отношений познания и приспособления, где осуществляется перевод с языка Картины мира на язык Матрицы — *Технологию*.

Что такое идеология как структура?

Это Картина мира + Матрица + Технология.

Картина мира дает содержательность Матрице, а Матрица — Технологии.

Что такое Картина мира?

Это система ценностей, которая характеризует *качество мировоззрения*. Она постигается через способность воспринимать и транслировать ценностное ядро культуры, культурный код, видеть мир как проявление высших культурных ценностей.

Картина мира отвечает на вопросы, которые начинаются с «почему» и «что».

Картина мира — это производство идей (целей, задач) и управление качеством идей (в управлении и сказывается качество мышления). *Картина мира заканчивается там, где начинается идейное «овладевание массами»*. Иначе говоря, Картина мира не заканчивается нигде, просто она продолжает существовать в ином качестве.

Что такое Матрица?

Если Картину мира можно представить как начало мужское, то Матрица — начало женское.

Матрица начинается там, где заканчивается производство идей и начинается идейное «овладевание массами».

Это уже характеристика не мировоззрения (качества идей), а *качества мироощущения*. Это вера в Картину мира, интуитивное восприятие Картины мира как истинной.

Матрица как совокупность средств отвечает на вопросы, которые начинаются с «что» и «как?»

Матрица — это вера (чувства) и управление чувственно-эмоциональной сферой (в чем также проявляется качество мышления).

А почему, собственно говоря, «Матрица»?

Конечно, в термине присутствует отсылка к одноименному фильму тогда еще братьев Ванчовски (сейчас они уже сестры: мужское начало перетекло в женское). Но дело не в фильме, а в точности понятия: то, что мы хотим обозначить, максимально точно обозначается с помощью термина Матрица.

Для нас это именно термин, а не метафора. Матрица в нашем понимании — это некая модель, состоящая из элементов, это таблица элементов, которая состоит из строк (m) и столбцов (n). Она напоминает текст: пересечение горизонталей и вертикалей. Еще больше матрица напоминает сеть (нейросеть): если в матрице переставить хотя бы один элемент, то свойства матрицы изменятся — получится иная матрица с иными свойствами. Описать подобную внутренне противоречивую «модель» сколько-нибудь полно можно только средствами тотальной диалектики.

Матрица может менять свойства: для нас это принципиально важно. Матрица — это своеобразная настройка Картины мира. Настройки можно менять.

Что такое Технология?

Технология — это создание, изобретение способов перевода идей (понимания) на язык веры (чувств) с целью «овладеть массами». Это креативный инструмент формирования, настраивания Матрицы.

Технология не отвечает за содержание; Технология отвечает за *эффективность восприятия* содержания. Технология, с помощью сознания обходя контроль сознания, подводит человека к нужной для Матрицы постановке вопроса.

Картина мира «состоит» из абстрактно-логических идей, воспринимаемых сознанием. Идеи — «вещество» Картины мира.

Матрица «состоит» из образов, воспринимаемых чувствами. Образы — «вещество» Матрицы.

Технология — это способ придания абстрактно-логическим идеям формат чувственно воспринимаемых образов, что превращает «идейно-образный материал» в идеологию. Технология не может быть описана как «вещество»; Технология — это способ конвертации свойств одного «вещества» в свойства другого.

Таким образом, если Матрицу можно рассматривать как функцию управления Картиной мира (идеи — в массы, for people), то Технологию можно рассматривать как функцию *управления качеством Матрицы*.

Мы выделяем Технологию как особый уровень вследствие ее чрезвычайной важности для идеологии.

Теперь поговорим об уровнях идеологии более подробно.

У идеологии как феномена культуры имеется *содержательная* сторона (Картина мира) и сторона *формальная* (Матрица+Технология).

Попытаемся описать содержательное ядро идеологии — Картину мира — как некий автономный фрагмент информационной реальности, понимая всю условность такого подхода (Картина мира, как мы уже сказали, не заканчивается нигде; реинкарнация Картины мира — Матрица). С нашей точки зрения, ключевыми положениями при описании подобного фрагмента являются следующие тезисы.

- В Картине мира логоцентрическое начало преобладает над психоэмоциональным, начало рациональное (сознательное, разумное) над чувственным, начало познавательное над приспособительным.
- Носителем Картины мира выступает преимущественно язык абстрактно-логических *понятий*.
- Высшими культурными ценностями (*ценностным ядром Картины мира*), которые описываются с помощью понятий, являются следующие: истина, добро, красота, свобода, любовь, семья, патриотизм, личность, счастье и т.д. Ряд продолжать можно долго, так как от каждого понятия много производных.
- Культурным форматом ядра нашей Картины мира является наш культурный код,

включающий в себя три источника: православие, классическую русскую литературу, немецкую классическую философию.

- Способом реализации Картины мира является философская антропология (трактовка человека и его когнитивных возможностей).
- Научной методологией в Картина мира выступает учение о двух типах управления информацией (сознательным и бессознательным).
- Культурным результатом научной проработки Картины мира выступают, в частности, категории, описывающие экосистемы («индивидуализм», «социализм», «персонализм»); категории, описывающие персонализм («личность», «индивид», «отношение познания», «отношение приспособления», «счастье» и т.д.); категории, описывающие уровни идеологического дискурса («Культурный код», «Картина мира», «Матрица», «Технология»).
- На основе методологии и с помощью создаваемого категориально-понятийного аппарата осуществляется разработка ключевых положений в философии, во всех гуманитарных науках (истории, психологии, педагогике и т.д.) на междисциплинарном уровне. Картина мира имеет шанс предстать как стройная научная теория, как *учение об управлении информацией*, о законах формирования мировоззрения человека, о законах идеологии.

Ключевыми положениями при описании Матрицы являются следующие тезисы.

- В Матрице принципиально преобладание психоэмоционального начала над разумно-рациональным, веры над познанием. В противном случае Картина мира, даже самая прогрессивная

и убедительная, так и не превратится в Матрицу, следовательно, так и не дойдет до коллективного сознания, не овладеет массами.

- Максима (Закон) Матрицы: вера (убеждение) выше науки (доказательств), мироощущение выше мировоззрения.
- *Вера в приоритет духовного начала* над материальным; вера в Бога (мы рассматриваем только традиционные конфессии), нравственный абсолют или даже «безликий» научный Закон как высшее начало жизни.
- *Вера в Картину мира*, которую принимает человек (сознательно или бессознательно), как доказательство ее истинности.
- *Credo как идеология*. «Не в силе Бог, а в Правде»: это наше персонцентрическое credo. «Не в правде Бог, а в Силе»: это индивидоцентрическое credo наших врагов.

Что касается Технологии, то мы сформулируем ее задачи, обозначим ее носителей и сферы, где реализуется Технология.

Задача: организация пространственно-временного «бытия» цивилизации (Матрицы) с помощью таких инструментов, как, например, календарь праздников и памятных дат (государственных, религиозных, культурно-исторических), когда демонстрируется особо торжественное, священное отношение к знаковым для цивилизации, государства, страны и культуры событиям.

Носители Технологии: чувственно воспринимаемые символы, образы, знаки (главным образом визуальные и звуковые)

Сферы, в которых реализуется Технология:

- Искусство (литература, живопись, скульптура, архитектура, музыка, танец, прикладное искусство, кино, театр), в том числе массовое.

- Государственная и национальная символика (гимн, герб, флаг и т.д.).
- Национальные и семейные традиции, обряды, мифы, предания.
- Медийные (информационные) технологии.
- Педагогические (воспитательно-образовательные) технологии.
- Технологии духовного производства личности.

Сейчас мы отметим весьма важный нюанс, который необходимо постоянно держать в голове, чтобы двигаться дальше.

У идеологии, как мы уже сказали, есть содержательная сторона (Картина мира, свод концепций, идей) и есть форма (Матрица — нарратив, состоящий из мифов, storytelling'a, ритуалов, традиций, которые позволяют получать эмоциональный отклик на «бездушные» концепции). Большинство людей соприкасаются с идеологией через форму, то есть через Матрицу; Картина мира касается их опосредованно.

При этом содержание (Картина мира) и форма (Матрица) в силу своей автономности могут совпадать, соответствовать друг другу, а могут отчасти не совпадать (не соответствовать). Например, мы пытаемся культивировать персоноцентрическую Картину мира (Не в силе Бог, а в Правде), которая сегодня во многом не совпадает с индивидоцентрической Матрицей, навязанной нам Западом и пытающейся доминировать в нашем идеологическом пространстве. Наша Картина мира не имеет продолжения в Матрице Личности. Мы говорим «не в силе Бог, а в Правде», а зачастую живем, к сожалению, по принципу «не в правде Бог, а в Силе».

Наша Картина мира не совпадает с нашей Матрицей.

Это значит, что наши враги с помощью «пятой колонны» (а также шестой, седьмой и т.д. — колонн много) контролируют нашу Матрицу. Это и есть

информационная (гибридная) война в чистом виде. Цель такой войны — уничтожение врага посредством контроля над его Матрицей.

На самом деле идеологическая реальность, в которой мы живем, еще сложнее. Наряду с персоноцентрической Картиной мира в нашем обществе, которое *de facto* находится в состоянии войны с Западом, всюду пропагандируется чуждая нам индивидоцентрическая Картина мира. Мы живем сразу в двух Картинах мира и двух Матрицах. «Когнитивный диссонанс», а попросту говоря «каша» в головах у людей, приводит к кризису идентичности: мы перестаем понимать, кто мы такие, куда мы идем, чего мы хотим — что, конечно же, только на руку нашему противнику. То, что нам представляется как «каша», нашим противникам видится как результат применения тактики «управляемого хаоса».

«Каша» — это конкретный, осязаемый результат информационной войны. «Каша» означает: их идеи овладевают нашими массами, оттесняя наши идеи, которые также овладевают массами. Перед нами не что иное, как модель гражданской войны, когда одни идеи, ставшие материальной силой, противостоят другим «материализовавшимся» идеям. Это ситуация опасная для нас и чрезвычайно выгодная нашим врагам.

«Каша» — идеальная модель для внутреннего раздора, для цивилизационной катастрофы.

«Каша» — это технология идеологического сдерживания. Обратим внимание: в западном социуме «каши» как характеристики умонастроений нет. Все дружно, шеренгами шагают в ногу за подвешенной сочной морковкой, на которой готическим шрифтом выведено: «Не в правде Бог, а в Силе». Именно поэтому эффективность нашей идеологии в целом далеко не такая, какой могла бы быть в идеале. Потенциал нашей идеологии гигантский, беспредельный, а результаты — весьма

скромные. Нам никак не удастся идеологически отмобилизовать общество — потому что нашим врагам удастся нас идеологически дезориентировать, расфокусировать.

Навести порядок в сфере идеологии означает: жестко перераспределить идеологический (материальный!) ресурс в свою пользу. Ликвидировать «когнитивный диссонанс», убрать «кашу». Надо определиться с Картиной мира и последовательно выстраивать свою Матрицу с помощью новейших информационных Технологий. Каждый на своем месте и в своей сфере должен понимать, куда идут все.

УСПЕШНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

1. СОЦИОЦЕНТРИЗМ КАК ЭКОСИСТЕМА: ВОСТОЧНЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

Разобравшись с тем, что представляют собой индивид и личность, поняв, как устроена идеология, мы получаем возможность спрогнозировать, как будет развиваться человек, будучи существом информационно-идеологическим, симбиозом индивида и личности. Развитие человека определяет развитие цивилизации, сопровождаясь «идеологической поддержкой» как инструментом развития.

Развитие отдельно взятого человека является моделью развития цивилизации в миниатюре. Скажи мне, каким ресурсом обладает человек, и я скажу, какой ресурс имеется у цивилизации. Иными словами, социально-экономические модели и формации эволюционируют не только и не столько по своим внутренним «внеантропологическим» законам, сколько в соответствии с законами информационного становления человека — в соответствии с антропологическими законами.

На уровне отдельно взятого человека все достаточно прозрачно: максимум, что может иметь человек, это

Картина мира. Кто не в силах овладеть Картиной мира, тот живет в предложенной ему Матрице.

Это означает: идеи движут миром. Идеи, овладевающие массами, движут миром. Энергия идеалов («идейных идеалов») движет миром. Идеология движет миром. То, что «не от мира сего», движет этим миром. И это не метафора; это закон. Тот, кто относится к закону как к метафоре, тот проиграет. Развитие человека связано с развитием сознания. Развитие цивилизации также напрямую зависит от развития сознания и эффективности мышления.

Социальная энергия является производной от энергии идеалов, от энергии антропологического происхождения (так химическая энергия может преобразовываться в электрическую). Социальные системы не могут эволюционировать сами по себе, без привязки к ресурсам человека.

Эволюция социально-экономических формаций сама по себе ничего не объясняет, потому что не указывает на причину исторических изменений. За социумом стоит личность. За лесом — деревья. Энергия идеалов личности — вот подлинная движущая сила истории. Из капель (точек, узелков Матрицы) складывается океан (социум).

Кажется, что «хлеб и зрелища» движут миром; однако при ближайшем рассмотрении «не хлебом единым жив человек».

Цивилизации создаются по образу и подобию человека (единицы социума), коллективное сознание функционирует по модели сознания индивидуального.

Рассмотрим наиболее успешные цивилизационные проекты, которые так или иначе эксплуатировали определенный ресурс человека. А ресурс человека при всей его сложности и неизученности вполне обозрим: тело — психика — сознание (тело — душа — дух). В варианте Иисуса Христа — психосоматика («царство» «от мира сего»)

и разумно-культурное начало («царство» «не от мира сего»). Материальное и идеальное.

Одним словом — идеология. Иных ресурсов у человека нет.

В основе успешных цивилизаций лежит успешная идеология. Это тоже закон.

С нашей точки зрения, не социальные модели и не прелести «инклюзивного капитализма» следует сегодня обсуждать в первую очередь. Сами по себе социология и экономика не являются ключом к будущему. Таким ключом является антропология — в частности, персоноцентрическая социология, инструмент идеологии, а также персоноцентрическая экономика.

При всей своей очевидности, весомости и убедительности капитализм (не только экономическая, но и идеологическая реальность) — это уже пережиток прошлого. Капитализм пытается отбрасывать тень в будущее, но ни тени, ни будущего не просматривается. Обсуждать проблемы «оптимизации» капитализма значило бы уподобиться делегатам Международной конференции по городскому планированию, которые в 1898 году собрались для того, чтобы обсудить ближайшее будущее городов. Главной проблемой, с которой столкнутся крупнейшие города мира в обозримой перспективе, с точки зрения делегатов, были не проблемы инфраструктуры или разгул преступности; главной проблемой посчитали обилие навоза в городах из-за невероятно возросшей популяции лошадей. В 1894 году было подсчитано, что через 50 лет кучи навоза в Лондоне достигнут высоты 3 метров. В конце XIX века пустыри вокруг Нью-Йорка были завалены кучами, высота которых достигала 12 — 18 метров.

Проблема конского навоза приобрела колоссальный масштаб и характер.

Однако делегаты так и не приняли никаких решений, увязли в спорах, как лошади в навозе, и разъехались по домам. Проблему утилизации навоза так и не решили.

А уже в 1912 году количество автомобилей на улицах Нью-Йорка превысило количество лошадей. Спасение пришло оттуда, откуда не ждали.

Мораль нашего небольшого storytelling'a: сегодняшнее спасение людей не в технологических укладах, как видится многим, а в идеологии. Сегодня, как нам представляется, обсуждать следует не «инклюзивный капитализм», не национальные особенности капитализма, не идеологию капитализма, не постиндустриальное общество, не технологические уклады сами по себе; обсуждать следует не навязанную нашими врагами повестку (ресурс человека — отдельно, постиндустриальное общество — отдельно), а информационный потенциал человека, заключенный в его сознании. Возможно, кому-то это покажется невероятным и не имеющим перспектив. Как же так, капитализм с его идеологическим обеспечением, казалось бы, уверенно контролирует все сценарии будущего.

В конце XIX века, напомним, кучи навоза тоже заслоняли будущее...

Количество глобальных футуристических (и одновременно цивилизационных) проектов, связанных с разным пониманием ресурса человека, на самом деле весьма невелико. На наш взгляд, их всего три. Но различаются они принципиально.

За каждым из проектов стоит своя идеология.

- Социоцентризм (Восточный или Китайский культурный проект).
- Индивидуализм (Западный культурный проект).
- Персоцентризм (Русский культурный проект).

Названия проектов условны, культурная сущность их достаточно определена и, по нашему мнению, может быть описана.

Какой смысл (в самых общих чертах) вкладывается в понятие Восточный (Китайский) культурный проект?

Хотелось бы с самого начала подчеркнуть. Геополитический союз России с великим Китаем мы рассматриваем как наш несомненный актив. Мы будем говорить о Китае как о цивилизации, а не как о великой военно-экономической державе.

В контексте нашего подхода к человеку, идеологии и цивилизации мы рассматриваем социоцентризм как экосистему. Как мы понимаем экосистему?

Экосистема — это совокупность природно-биологических, социальных и идеологических факторов, взаимодействующих друг с другом и с окружающей их средой посредством обмена информацией, веществом и энергией таким образом, что эта система стремится к превращению в целостность, сохраняя устойчивость.

Как китайские архитекторы («кормчие») видят контуры своего культурно-цивилизационного и идеологического Проекта?

Ответом на вызов времени является не технология сами по себе, не абстрактный технологический уклад, а Проект социоцентрической экосистемы, своеобразный Общественный договор как стратегическое представление о будущем. По сути, лидеры Китая предлагают экстраполяцию классического конфуцианского исправления нравов с использованием новых возможностей Интернета и больших данных (Big Data). Любого гражданина Китая экосистема ранжирует в соответствии с его лояльностью китайской власти, китайскому образу жизни и образу мыслей, китайским брендам, что в цифровую эпоху проявляется в сетевой активности гражданина («ad hominem»).

С 1 января 2021 года в Китае начался переход к коммунистическому обществу с национальной ханьской спецификой [1]. В силу вступил первый в истории КНР Гражданский кодекс.

Он узаконивает «Систему социального кредита» (ССК). Это, по сути, в законодательном ключе оформленная идеология, позволяющая выстраивать Матрицу.

Эта система «социальных рейтингов» определяет социальный статус, возможности и перспективы каждого гражданина КНР, исходя из его бытового поведения, законопослушности, соблюдения моральных приоритетов общества и других характеристик совершеннолетней личности.

Как она действует и какие глобальные следствия может принести?

Граждане получают некоторую сумму социальных баллов, которая может увеличиваться или уменьшаться.

Плюсовые баллы начисляются, к примеру, за участие в благотворительности, помощь бедным, поддержку правительства в социальных сетях, хорошую кредитную историю и т. п.

Минусовать баллы могут за нарушение ПДД, участие в митингах протеста против властей, невозврат или просрочку кредитов, распространение фейков в соцсетях, отсутствие заботы о членах семьи, тунеядство и т. д. В Китае начали развешивать «доски позора». Камера фиксирует нарушителя при пересечении улицы в неположенном месте. Далее фото и данные отправляются на билборд («доску позора»), а с карты, которая прикреплена к удостоверению личности, списывается положенная сумма штрафа.

Высокий рейтинг (высокая сумма социальных баллов) открывает доступ ко многим социальным благам — приоритет в образовании или поступлении на престижную работу, сниженным ценам на общественный транспорт или аренду легковых автомобилей, внеочередное или ускоренное получение номеров на личный транспорт (это проблема в КНР), льготные кредиты, продвижение по службе и т. п.

Антирейтинг обуславливает отказ в выдаче лицензий, разрешений на бизнес, исключает получение

высшего образования, усложняет кредитование, ограничивает выезд за границу и пр.

О «низкорейтинговых» гражданах будут проинформированы друзья, знакомые, родственники.

Для членов КПК вводится повышающий коэффициент.

ССК будет действовать на основе глобальной информатизации социальных и экономических процессов, электронных удостоверений личности и электронных партбилетов, интегрированных в единую цифровую сеть.

2. Введение Системы Социального Кредита означает, что Компартия Китая приступила к формированию «нового человека» (назовем его «сознательный член общества»), без которого в соответствии с теорией Маркса — Ленина — Мао невозможно построить коммунистическое общество.

3. В Китае в декабре 2021 года объявили, что в последних девяти округах покончено с бедностью. Средний уровень доходов там почти в три раза превысил национальную черту бедности в 4000 юаней.

Это означает, что в КНР завершили строительство «общества среднего достатка» — аналог советского «развитого социализма».

Следующая цель — построение к 2049 году (году столетия КНР) «китайской мечты» или «общества Великого единения» — синоним коммунистического общества с китайской спецификой [2].

С точки зрения западного «свободного» общества, китайский социум может показаться тоталитарным. Но в данном случае это вопрос терминологии: почему бы не сказать, что перед нами *социоцентрическая экосистема*?

Ведь китайцы добиваются того, чего хотят, и делают это успешно.

Что предлагает миру Китай?

Китай предлагает *китайский культурный проект* — проект, на первый взгляд, глобальный,

футуристический и, конечно, идеологический. Проблемам досуга, занятости и проблемам свободного времени как ресурса для развития личности в этом проекте нет места; складывается впечатление, что они уже решены. Той модели человека, которая заложена в план проекта, эти проблемы не грозят. О какой модели идет речь? О личности?

Нет, об индивиде. Вероятно, благих намерений в проекте больше, нежели видится со стороны. Возможно, «новый человек» — это вовсе не индивид, с позиций идеологов Китая. Но тут следует оценивать не намерения и желания, а подход к возможностям человека. Китайская футурологическая версия придает универсальность, всеобщность конфуцианской трактовке человека (не универсальной и достаточно далекой от европейской гуманистической модели). А в основе конфуцианской трактовки человека — индивидоцентризм.

Китайская идеология предлагает делать ставку на тот тип управления информацией, который мы называем бессознательным. На экосистему, в основе которой лежит бессознательное приспособление. Она предлагает вчерашний день в супертехнологичной оболочке. Она по-прежнему делает ставку на силу и на индивид. На *социоцентризм* (соответственно, на социоцентрически ориентированного индивида, на конфуцианского человека). Перед нами вариант «глобализма с улучшенными нравами», своего рода «инклюзивный социализм». Если кому-нибудь вздумается конкурировать с конфуцианским Китаем по его правилам, то любая страна мира неизбежно превратится в аутсайдера, а сотрудничество с Китаем — в безнадежную гонку за лидером.

Да, Китай выбирает то, в чем он традиционно силен. Идеологическая формула Китая проста: Индивид (под строгим присмотром социума превращающийся в «члена общества») VS Личность — без шансов у последней.

«Член общества» VS Личность.

Это означает только одно: Китай не считает нужным предлагать миру нечто принципиально новое; будущее китайская цивилизация видит как улучшенный вариант прошлого. Китай ни слова не сказал про личность, ее права и потребности.

В чем видит Китай ресурс для своего развития?

Напомним: идеи, овладевающие массами, движут миром. На какие идеи предлагает ориентироваться Китай?

На идею Силы. Не в правде Бог, а в Силе. Это не только про Запад, но и про Китай, который не ставит под сомнение индивидоцентрический принцип. Он лишь *по-своему* (фирменная китайская специфика: те же ворота, только перекрашенные) понимает природу Силы. Если для Запада Силу олицетворяют конкретные фигуры, конкретные хозяева мира (у Силы есть имена, фамилии, кланы, элиты), то для Китая коллективная Сила безлика, сурова, но справедлива.

Во имя чего Китаю нужна Сила, которой должен служить человек? Во имя человека или во имя Силы?

Во имя Силы, но не во имя Силы как таковой. Китайский ответ по-восточному хитроумен и многозначен. Но если перевести с восточного на научный, получим следующее: во имя китайской Силы.

Культурным содержанием китайской Силы является Китай. Процветание Китая является приоритетной задачей. Мир есть мир, а Китай есть Китай, и им не быть вместе?

Мы этого не утверждаем. Во всяком случае, Китай пока не обозначил себя как цивилизацию, которая собирается нести ответственность за весь мир.

При всей его внешней грандиозности китайский культурный проект сложно назвать глобальным. Разумеется, он перерос рамки регионального, но стал ли он глобальным?

В качестве глобального он может рассматриваться мировым сообществом разве что потому, что китайцев

много. Это большой проект, даже гигантский, но не глобальный. Для остального мира такой проект не выглядит безусловно привлекательным, потому что пока неясно, чем Китайский культурный проект отличается от Западного.

Итак, социоцентризм для Китая означает: не индивидуоцентризм и не персоноцентризм. Ни мира, ни войны, армию не распускать, а укреплять. Социоцентризм как «перекрашенный», завуалированный индивидуоцентризм позволяет Китаю сохранить культурное и цивилизационное лицо. Считается, что те же ворота, с нанесенными на них новыми узорами, это уже новые ворота. Не означает ли это, что внутренняя, идейная опора китайской цивилизации — «перекрашенная» цивилизация Запада?

Ворота те же, цвет другой.

Дело в том, что социоцентризм не имеет своего содержания. Нельзя обществу жить ради общества, не бывает силы ради силы. Общество и сила — это средства. А что является целью?

Жить можно либо ради прихотей индивида, либо во имя потребностей личности. Социоцентризм — это инструмент. Социалистическое общество в СССР тоже было социоцентричным, но каждый гражданин СССР знал: «Все во имя человека, для блага человека». Это цитата из Введения к Программе Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), принятой XXII съездом КПСС в 1961 г. Этим документом была объявлена третья Программа КПСС — программа построения коммунистического общества. В частности, в документе заявлялось: «Высшая цель партии — построить коммунистическое общество, на знамени которого начертано: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». В полной мере воплотится лозунг партии: ”Все во имя человека, для блага человека”».

Целью социализма в СССР был заявлен персоноцентризм (который в силу исторической необходимости

существовал в социоцентрическом модусе «коммунизма»), что и позволило социалистической идеологии стать глобальной по своему характеру. А что является целью для социоцентризма в Китае?

Точно не личность. И, вроде бы, не индивид. Что же тогда?

Ни личность, ни индивид. А что?

Если целью социоцентризма является социоцентризм, если средство превращается в цель, то мы получаем следующий ответ: целью для Китая является Китай, и ничто иное. Ни личность, ни индивид, а Китай.

При этом Запад не видит в Китае идеологического соперника. Экономического — видит, цивилизационного — видит. Идеологического врага Запад видит только в лице России, русской культуры, русской цивилизации. Поэтому русскую культуру на Западе отменяют, а китайскую — не отменяют. Цвет не имеет значения?

В Китае субъектом цивилизации является не индивид и не личность; субъектом является «член общества», «один из», плоть от плоти социума, «социальный человек». «Перекрашенный» под цвет социума индивид. Коллективный человек, который сначала думает об обществе, а потом о себе, но никогда не думает о личности в себе. Член общества должен делать то, что ему предписано моралью общества. Не нравственным императивом (Кант — это не Конфуций), а коллективным бессознательным, за которым всегда стоит императив натуры (не культуры).

Девиз социоцентризма: делай то, что выгодно обществу.

Социоцентризм лишает индивида свободы выбора.

Вот почему управлять «членами общества» проще, но в долгосрочной перспективе общество само себя лишает своего главного ресурса — личностного потенциала человека.

По крайней мере так видятся плюсы и минусы социоцентризма с позиций персоноцентризма.

Человек как «член общества» (сначала думай о Родине, а потом о себе) — это нам близко и понятно. Думать о Родине — это мы принимаем. Это совмещается с нашим пониманием Правды и справедливости.

Но что значит «думать о себе»? Думать о себе как об индивиде (мечтать о хлебе и зрелищах), как о личности (мечтать о счастье) или как о представителе великого Китая, который мечтает о процветании Китая (много хлеба? много счастья?), о том, чтобы догнать и перегнать Америку и существует в каких-то иных координатах, нежели «индивид — личность»?

Вот этот непроясненный концептуально-смысловой остаток делает Китайский культурный проект внутренне неустойчивым, как нам кажется здесь и сейчас.

Как государство Китай представляет собой монолитную устойчивую державу. Дружба с Китаем — наш приоритет.

Как цивилизация Китай претендует на некий особый статус, который трудно описать европейским гуманистическим инструментарием.

Не индивид и не личность — а нечто принципиально иное, что находится выше индивида и личности в принципиально другом измерении?

В каком измерении?

Предлагаем рассматривать наши вопросы не как критику цивилизации Китая, а как вопросы, которые не могут не возникнуть у тех, кто собирается строить персонцентрическое общество.

Девиз персонцентризма: *делай что должно*, но *делай это добровольно*. При этом *делай что должно* понимается как императив закона (продукта культуры): *делай то, что предписано высшими культурными ценностями*, например, категорическим императивом Канта. За отказ «*делать что должно*» человека не наказывают, но и от необходимости выбирать не освобождают. Личность дееспособна до тех пор, пока за ней сохраняется

право выбора. Свобода выбора — это фундамент персоноцентризма.

Свобода выбрать закон (несвободу) и сделать его принципом жизни — это высшая свобода.

Личность, живущая своим умом, рано или поздно усвоит мудрость культуры: делай что должно и будь что будет, ибо: не в силе Бог, а в Правде.

Девиз индивидоцентризма: делай что хочешь, если это помогает тебе побеждать. Победителя не судят. За свободным волеизъявлением индивида стоит не закон культуры, а закон природы. Кажется, что индивид выбирает; однако он всегда оказывается в ситуации выбора без выбора. Индивид выбирает в рамках «не в правде Бог, а в Силе». Если индивид выбирает личность, он перестает быть индивидом.

Позиция индивида предпочтительнее позиции «члена общества», но уступает позиции личности. Индивид более свободен (несмотря на то, что является рабом своих хотений). Вот почему социоцентрические общества внутренне тянутся к свободе западного образца, чтобы затем, попав в западную западню, начинать смотреть в сторону персоноцентризма.

К свободе личности путь лежит через свободу индивида.

Уместно задаться вопросом: Китай готовится к будущему как к улучшенному прошлому?

Социоцентризм (модус индивидоцентризма) вывел цивилизацию на пик ее достижений — и вместе с тем довел цивилизацию до того кризисного состояния, в котором она сейчас находится.

Почему Китай, заглядывая вперед, оборачивается назад (если мы правильно понимаем культурную логику Китая)?

Потому что делать ставку на «члена общества», на человека конфуцианского (героического, ставящего

общественное и государственное выше личного) выгодно. И не страшно. Социоцентрической экосистемой, во-первых, можно управлять, а во-вторых, относительно легко управлять. Проверено. Доказано практикой.

Личность — это, по своим историческим и ментальным корням, проект европейский. Не азиатский. Чужеродный для Китая. Отношение к нему настороженное, увы. И честно говоря, понять китайцев можно. Личность — тот же джинн в бутылке. Пусть сначала этот распрекрасный джинн раскроет свои лучшие качества где-нибудь там, в бывшей социалистической России, например. Перенять лучшее легче, проще и, в конце концов, более ответственно и гуманно, нежели создавать лучшее. Слишком много рисков. Перенять и скопировать (перекрасить) никогда не поздно.

Только вот можно ли с помощью экономического процветания отменить персоцентризм как наиболее перспективную экосистему?

Если нельзя, то Китаю придется осваивать новые для него модели мышления и поведения. Наличие конфуцианства не является аргументом в пользу того, что персоцентрическое будущее никогда не наступит.

Литература

1. <https://t.me/russica2/35330>
2. <https://chinanet.lenta.ru/>
<https://chinanet.lenta.ru/chapterthree>

2. ИНДИВИДОЦЕНТРИЗМ КАК ЭКОСИСТЕМА: ЗАПАДНЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

Что касается Запада, то он практически и не скрывает того, что его культурный проект *антикультурен* по сути своей. Запад весьма прозрачно делает ставку на силу — на природное (витальное), эгоистическое начало в человеке. На *индивидоцентризм* как разновидность силовой регуляции. На *индивидоцентрическую экосистему*. На Матрицу Индивида. На интеллект как тип управления информацией.

На то, что цель оправдывает средства.

На то, что человек — средство, а не цель.

На то, что «не в правде Бог, а в Силе».

На «свободу», ограниченную Силой: делай что хочешь, только побеждай.

Делает это, как всегда, красиво и технологично. Убедительно. Продавая свой товар в яркой брендовой упаковке.

Деньги становятся — уже давно стали! — *всеобщим эквивалентом*, в буквальном и точном смысле. Синонимом силы.

В рамках предлагаемой Западом модели будущего (так называемого *суперкапитализма*) мир будет принадлежать тому, у кого в руках сосредоточится *капитал*, — то есть элитам, сильным мира сего; поскольку *трудовых доходов* в безлюдном производстве не предполагается, то всем остальным, собственно, людям светит жить (вполне сносно с позиций существующих прав человека) на пособие. Живи, ни в чем себе не отказывай, только забудь про личностное начало в себе. Это дорогого стоит, поэтому ты будешь получать хорошее пособие в денежном выражении. Ты дорого продашь свою душу и ум. Элиты готовы заплатить за то, чтобы человек не развивался, готовы выкупить право на познание себя.

Человек как цель не продается, зато человека как средство всегда можно купить.

Дьявольская логика, не так ли?

Суперкапитализм органично вбирает в себя черты рабовладельческого строя, превращаясь при этом в «инклюзивный капитализм» как результат «Великой перезагрузки» [1].

Свободное рабство (рабство, которое кажется воплощением свободы): вот суть индивидоцентрической модели социума (экосистемы) [2].

Грядет эпоха, когда технологии, связанные с искусственным интеллектом, будут определять развитие общества. Искусственный интеллект нам в помощь. А чему, собственно, будет помогать искусственный интеллект?

Будет он помогать индивиду превращаться в личность (а возможности искусственного интеллекта в этом плане весьма велики)? «Члену общества» — в индивида?

Человек во имя искусственного интеллекта — или искусственный интеллект во имя человека?

И китайская, и западная модели экосистем занесли этот вопрос в риторические. Тотальный контроль *во имя человека*?

Нет. Смешно даже предположить такое. Человек — не цель.

Во имя группы людей, элиты?

Да. Человек — это средство. И это уже не смешно.

Все дело в том, что и Запад, и Китай ставят знак равенства между индивидом и человеком. Не видят принципиальной разницы между индивидом и личностью. Для них человек-личность, человек-цель, человек из будущего — табу. Не фантом, а именно табу, то есть личность как ориентир социального прогресса нежелательна.

Мы не говорим, что индивидоцентризм — это однозначно плохо. Вообще все, что связано с человеком и «человеческим измерением», не может быть однозначным.

Если бы это было однозначно плохо, то о достижениях цивилизации, плодами которой мы сегодня наслаждаемся, можно было бы забыть.

Суть нашей мысли заключается в следующем: если мы выбираем индивидуализм как стратегию будущего, как ключевые вводные данные для футуристического сценария, сценария больших систем, глобального сценария, надо быть готовыми к тому, что вместе с индивидуализмом мы выбираем идеологию либерализма, суперкапитализм, суперинтеллектуализм, суперуспешность, трансгуманизм, «инклюзивный капитализм», свободное рабство; в конечном итоге суперценность: деньги (силу) как меру всех вещей.

Вот тут следует более подробно разобраться с некоторыми *вещами*, а именно: с деньгами и силой.

Что представляют собой *деньги* как ставка индивида и как платформа для экосистемы?

Деньги — мера всех вещей. Как это следует понимать? Деньги сами по себе? Их количество? Их функции?

Сами по себе деньги не приносят индивиду ощущения «счастья» (клинические аспекты мы не берем в расчет), хотя с помощью денег эти ощущения легко достигаются (приобретаются).

Деньги, следовательно, являются *средством* для достижения цели.

Что же при этом следует считать *целью*?

Целью является получить позицию, которую мы обозначили как *сильные мира сего*: власть плюс контроль над ресурсами (в широком смысле — в том числе над главным ресурсом человека, над сознанием). Цель — контроль над социальным ресурсом, в том числе над представлением о прошлом, настоящем и будущем. Коротко говоря, цель — контроль над идеологией. Принадлежность к сильным *мира сего* («царство» Иисуса, как мы помним, было *не от мира сего*), к элите обеспечит максимум удовольствия от жизни. Поскольку для индивида высшим

удовольствием (благом) является удовлетворение базовых материальных потребностей — потребностей психофизиологических, легко укладываемых в универсальную формулу «хлеба и зрелищ», — то деньги и становятся магическим, почти сакральным средством для достижения цели. Чем больше денег — тем слаще «хлеб» (удовольствия телесные) и изысканнее «зрелища» (чувства и эмоции, так или иначе связанные с «хлебом»).

Чем больше денег — тем выше градус потребления.

Чем больше денег — тем больше свободы (свободы потребления).

Чем больше денег — тем выше качество количества.

Чем больше жизни — тем продолжительнее удовольствие.

А если понятие «продолжительность жизни» станет приближаться к понятию «бессмертие»?

Тогда те, кто имеет деньги, попадают в рай, а тех, кто их не имеет, просто выбрасывают из жизни.

Кладбища — для бедных, для богатых — райские кущи.

Деньги — это святое. Поэтому они, сильные мира сего, освящают денежные знаки (некоторые, избранные, исключительные) знаками присутствия *на* них и *в* них высшего начала. Они пишут на зеленых американских купюрах: *In God we trust*. Мы веруем в Бога. Мы веруем в «царство» не от мира сего.

Казалось бы, при чем здесь God (Бог)? Где Бог и где деньги: это же разные вещи, разные миры, разные «царства». Казалось бы. Но западная цивилизация (индивидуалистическая экосистема) четко прописывает свою систему ценностей (идеологию), которую предлагает считать священной: деньги — сила — Бог.

Бог на стороне силы и денег, чтобы было понятней. Бог любит богатых. Почему?

Потому что деньги — мера всех вещей, абсолютная (читай божественная) точка отсчета. Выше денег в этом

мире нет и не может быть ничего. Абсолютно ничего, чтобы было понятней. А почему, собственно?

Потому что деньги и есть универсальный эквивалент абсолютной силы.

У кого деньги — у того и сила.

Если вы сделали деньги мерой всех вещей, в том числе мерой Бога, то это означает, что Бог не с вами. Когда вы пишете *In God we trust*, то вы врете либо себе, либо другим. Неизвестно, что хуже. Известно только, что Бог не с вами.

Двойная мораль — *пишем то, во что не верим; верим в то, что писать нельзя*, — не приносит счастья, даже если приносит деньги.

Двойная мораль — это от дьявола, ибо есть чистое зло.

Деньги позволяют занимать в пищевой цепочке доминирующие позиции. Позиции колонизатора, контролирующего всю цепочку. Поэтому западная цивилизация развивалась как колонизаторская, агрессивная, делающая ставку на силу, эквивалентом которой являются деньги. Ничего личного. Если бы удовольствия («счастье» на сленге индивида) можно было извлекать из чего-нибудь другого, например, из любви, дружбы, семьи, искусства, понимания свободы, творения добра, поиска истины, то деньги можно было бы направить на обслуживание иных потребностей, не столь откровенно материальных по своей природе.

Тогда деньги были бы хорошим средством.

А сейчас деньги (сила, власть) — средство для сомнительной цели.

Таким образом, главную заповедь цивилизации «деньги — мера всех вещей» следует понимать как результат трактовки человека: человек есть продукт природы, но не культуры. Истина, добро, красота, любовь, свобода, не являясь целью индивида, не становятся

приоритетными точками финансирования, стратегически важными жизненными проектами.

Истина, добро, красота, любовь, свобода — это феномен разумной обработки массива больших данных (Big Data). Феномен, порожденный universal skills. Индивид по простоте своей «не видит эти массивы в упор» (не способен их «видеть» в силу ограниченных возможностей своего мышления) и не понимает их ценности в сравнении с «хлебом и зрелищами».

Правда индивида становится для него важнее истины как феномена культуры.

Или так: истина для индивида заключена в его узко понятой правде. Вижу то, что хочу видеть. Луна находится в пруду.

Все остальное от лукавого. Здесь нечего обсуждать.

Деньги сами по себе не являются злом, они являются инструментом (средством) развития экономики, если можно вынести функции денег за пределы человеческого измерения; но в мире людей все включено в человеческое измерение, в том числе и экономика; поэтому чистая экономика, как и чистые деньги, как и чистое искусство, — это миф; злом является неспособность замечать добро как персоноцентрическое свойство реальности.

Зло — следствие неумения мыслить. Если деньги попадают в руки тех, кто не умеет мыслить, они могут стать (чаще всего становятся) злом. Негодным средством.

Важно понимать, как индивид интерпретирует культ силы.

Зачем индивиду сила? С какой целью он собирается ее употребить?

Если человек не цель, а средство, то что является целью?

Ответ на этот вопрос западная цивилизация дает недвусмысленный. Однозначный. Откровенный.

В сериале о Бессмертных (sic!) «Горец» (1992—1998) ответ содержится в своеобразном эпиграфе (девизе или лозунге, кому как нравится): «В конце останется только один».

Этот девиз, в сущности, является перифразой крылатого выражения Акулы Додсона, персонажа О. Генри из рассказа «Дороги, которые мы выбираем» (1910): «Bolivar cannot carry double» («Боливару не снести двоих»).

Не исключено, что Акула Додсон слышал и такое: «Подтолкни падающего» (Ф. Ницше).

Возможно, Акула Додсон слышал кое-что о рассказах Джека Лондона.

В конце любой битвы или войны, в конце любого эпизода в любом противостоянии должен остаться только один — победитель. Сильнейший. Это принцип жизни, принцип воспитания, принцип карьеры, принцип семьи, принцип социальной организации человечества. Принцип мироздания, ставший культурным кодом.

Каждый на своем месте, на своей позиции стремится стать диктатором (единственным царем горы): такова суть индивидоцентризма. Каждый («ad hominem»).

Если не стремится — что-то пошло не так.

Или победа — или смерть.

Или — или.

«Человек Индивид не для того рожден, чтобы терпеть поражения; человека индивида можно уничтожить, но его нельзя победить» (Э. Хемингуэй).

Такие музыкальные композиции, как «The Winner Takes It All» (Победитель получает все) (ABBA, 1980) или «We are the champions» (Мы чемпионы) (Queen, 1977), стали своеобразными гимнами эпохи победителей, эпохи торжествующей цивилизации.

Культ спортивных состязаний в наши дни — вещь очевидная. Популярность единоборств (силовых, и не только) зашкаливает.

Популярные командные чемпионаты по футболу или хоккею имеют миллиардные аудитории. Звезд

футбола, хоккея, баскетбола, тенниса знают миллиарды. Это идолы и кумиры человечества.

Да, спорт высших достижений — это зрелища. Но какую идею, какой смысловой посыл несут эти супер- и мегазрелища?

Вы не просто выплескиваете эмоции и приятно проводите время, запасшись попкорном; вы не просто развлекаетесь; вы еще и еще раз, в ежедневном режиме, общаетесь к священному принципу: в конце (чемпионата, боя, турнира) остается только один. И он получает все.

Вы разделяете с победителем его эмоции, канонизируя священный принцип.

Жесткий спорт давно стал вариантом «мягкой силы», и страны, которые не умеют побеждать, не обладают авторитетом на международной арене.

Так зачем (с какой целью) индивиду нужна Сила (деньги)?

Чтобы стать победителем. Чемпионом. Сильнейшим из сильных. Зачем?

Чтобы получить возможность править миром.

В конце останется только один.

Если человек не цель, а средство, то целью в таком случае является контроль над ресурсами человека, что дает возможность править миром.

Деньги становятся средством для негодной цели.

Мерой вот таких самоубийственных «вещей» становятся деньги.

Для русских «царь горы» — это игра, забава; для западной цивилизации — это метафора, выражающая принцип жизнеустройства.

Нести в массы принцип «в конце останется только один» давно стало эффективным инструментом распространения западной идеологии. Один из самых ярких и успешных проектов последнего времени (вариант

«мягкой силы») — литературный проект Дж. Роулинг о Гарри Поттере. У книг о Гарри Поттере, конечно, есть литературные достоинства (в целом, я полагаю, это массовая литература, то есть не литература; ставить Дж. Роулинг в один ряд с Шекспиром, Пушкиным, Л. Толстым, то есть писателями-классиками, просто невозможно: все равно что поместить рядом кислое и зеленое); но не они сделали эту сагу, этот триллер и квест для детей фантастически популярным. Что же тогда?

Гарри Поттер является воплощением девиза цивилизации «в конце останется только один». Суть этого триллера и детектива «для детей и юношества» именно в бескомпромиссном противостоянии сил света и тьмы. Победитель получит все. Мирозданию двоих повелителей и чемпионов не снести. Или Волан-де-Морт (Сами-Знаете-Кто), великое воплощение темного начала, бесмертного, на всякий случай, — или Гарри Поттер, Который-За-Все-Хорошее. При этом принцип этот упакован в старом добром английском антураже, в традиционных культурно-образовательных декорациях, в привычном цивилизационном формате, что внушает простодушному читателю мысль о вечном (старом, добром) лидерстве западного (англосаксонского) мира.

Книги про Гарри Поттера на самом деле про то, что у мира может быть «только один» хозяин. Сами-Знаете-Кто. Это книги про однополярность мира как безусловную черту мироздания. Имманентную, божественную черту.

А теперь спроецируем этот принцип на современную политику. О каком многополярном мире можно говорить с цивилизацией, суть и смысл которой в стремлении к однополярности (Гора одна и Царь один)?

Понятно, что с силами тьмы они ассоциируют русский мир.

И дело здесь не в протестантизме и не в колонизаторском характере цивилизации, как полагают многие; это все следствия, а причина, подлинная причина кроется

в антропологической природе, в индивидуализме. В Картинах мира.

Деньги — инструмент силы, а сила — инструмент реализации индивидуалистического потенциала человека (победитель может быть только один). Невозможно «взять и отменить» принцип «в конце останется только один». Почему?

Потому что это концентрированное идеологическое выражение закона индивидуализма, закона *информационной эволюции (закона сохранения и превращения информации)*.

Вы можете отменить заповеди Христа? Конфуция? Пророка Мухаммеда?

Не можете. Никто не может.

То же самое и с индивидуализмом: его невозможно ни отменить, ни изменить.

Невозможно отменить стремление коллективного Запада к гегемонии и однополярному миру (Боливару не снести двоих, не говоря уже о троих); невозможно изменить Матрицу цивилизации; невозможно отменить культ силы и войны; невозможно заставить уважать в человеке личность.

Невозможно жить в Матрице Индивида и делать при этом то, что противоречит природе Матрицы.

Какой вывод напрашивается из всего сказанного?

Индивиду, тягущему культ Силы, Сила нужна не ради Силы, а ради того, чтобы стать *сильными мира сего*. Сила ради силы (Китай ради Китая) им неинтересна. Сила не цель, а средство.

Цель — контроль над ресурсами мира.

Однако надо понимать, что индивидуализм, в отличие от мировых религий, не вечен. Мировым религиям нет нужды опасаться персонализма. Все великие Пророки воплощали в себе личностное начало. Бог не велел писать на мировой (только одной) валюте «In God we trust». Это написано рукой индивидуализма.

Индивидуализм — это не вера в добро, а тип управления информацией. Он сам согласно закону *информационной эволюции (закону сохранения и превращения информации)* породил персонизм, своего исторического преемника, девизы которого гласят: «Пусть всегда будем мы», «Конца не будет», «Каждый имеет право на счастье», «Никто не имеет права диктовать другим свою волю»; «Земле не снести одного Диктатора, а всех счастливых она приютит с радостью».

Индивидуализм выпустил персонизм, эталон информационного джина, из бутылки. «Бутылка», свято место, которое пусто не бывает, — свободно. И неизвестно, кто там окажется — кто будет под контролем.

Индивидуализм уважает силу. А кто сказал, что персонизм — это слабость?

Персонизм пришел не уговаривать, он пришел предъявить права информационного Закона.

Почему индивид неразрывно связан не только с деньгами (силой), но и с либерализмом как идеологией?

Либерализм культивирует понимание *свободы* как вседозволенности — бесконечной свободы, свободы от любых ограничений. Такая свобода необходима индивиду как морально-философское учение, как идеология, которая создает в обществе комфортный климат для получения удовольствий, для потребления как образа жизни, для реализации принципа «в конце останется только один». Победителю надо развязать руки, надо избавить его от правил и законов; победитель должен побеждать *любой* ценой. Ничем не ограниченной ценой. Цель оправдывает средства. Индивид из рук либерализма получает своего рода культурную санкцию, которая «освящает» потребности индивида, делает их законными, цивилизованными.

В английском языке есть очень интересное, с точки зрения русских, слово: *privacy*. В русском нет слова и понятия, выражаемого существительным *privacy*. Оно непереводаемо. Неуклюжее слово «приватность» не вполне

удачная попытка перевода: неясно, что оно означает. Словари выдадут вам такие переводы слова *privacy*: конфиденциальность, секретность, частная жизнь, уединение.

Смысл *privacy* глубоко связан с понятием индивидуализм. В качестве магистрального это слово включает в себя такой смысл: мое первородное право быть индивидом, избранным, наделенность правом побеждать, получать все. Это слово-маркер западной цивилизации. В русском языке и в русской жизни вообще *privacy* пока что не прописалось и не прижилось. Русским непонятен культ индивида. *Privacy* противоречит ценностям русской цивилизации.

Зато в русском языке есть слово *совесть*, которого нет в английском — потому что нет такого понятия. Существительное *conscience* переводится как «сознание». А вот как русские понимают совесть (даю определение в собственной аранжировке): «Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом или конкретным человеком, — поведение, которое должно способствовать победе добра над злом». Если человек не вполне определенно (или недостаточно эффективно) занимает сторону добра, его начинает «мучить совесть» (отсюда устойчивое выражение «муки совести»), он испытывает «угрызения совести». А если «нет совести» — значит, перед вами злодей.

Совестливый — значит сопричастный добру.

Бессовестный — занявший сторону зла.

Нравственный императив Канта является блестящей научной расшифровкой русского понятия *совесть*, которое стало ключевым для нашего культурного кода.

Ключевой герой ключевого произведения для русской цивилизации Евгений Онегин постоянно обращался к понятию *совесть*. «Поверьте (совесть в том порукой), супружество нам будет мукой», — говорит он Татьяне Лариной, которая безответно любит его. В скобки помещена

важнейшая ремарка: совесть не даст соврать, Онегин апеллирует к собственной совести как к высшему судье.

Или вот красноречивое наблюдение автора над поведением своего героя в то время, когда его настиг жестокий мировоззренческий кризис:

*Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а все без толку:
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет.*

Онегин ориентирован на поиски совести в сочетании со смыслом. Совесть + смысл = истина. Это уравнение весьма упрощенно и условно, конечно, однако путеводная звезда Онегина состоит именно из этого ментального вещества: совести и смысла (смысла, замкнутого на совесть).

При этом Онегин вел образ жизни, подходящий под понятие privacy, и его, конечно, мучила совесть. Тут уж или privacy, или совесть.

Совесть и privacy: цивилизационные различия (персоноцентризм и индивидоцентризм) четко просматриваются через эти два ключевых слова.

Онегин выбрал совесть. Русская цивилизация выбрала совесть. В этом выборе заключен наш культурный код.

Бог любит богатых (свободных и сильных) — это уже как вишенка на торте. (Очень похоже на то, что индивидоцентризм и его христианская версия протестантизм не оставили Богу особой свободы выбора.) А богатые любят «перезагрузки». А также либерализм, который в качестве идеологической смазки «дает добро» на плетение бесконечной цепочки «перезагрузок» во имя стабильности и неизменности. Во имя иллюзии прогресса.

Абсолютизация либерализма неизбежно приводит к смерти — но это мало заботит индивида, который искренне убежден в том, что после него хоть потоп.

Будущее для индивида — это категория, которая способна ограничить сегодняшнюю свободу. Поэтому «долой будущее» — это неписанный лозунг «либерального индивида», наивный и беспощадный одновременно.

Что значит «долой будущее»?

Это сакральное «остановись, мгновение», тот самый «конец истории», который провозгласили либеральные философы. И индивид точно знает, когда он даст команду мгновению остановиться: тогда, когда за свои деньги он приобретет бессмертие.

Для тех, кто исповедует культ денег и силы, бессмертие в XXI веке стало новой религией. Идея бессмертия — вот новая смертельная опасность [3].

Гарри Поттер, несомненно, должен нравиться сильным мира сего.

Либеральный индивид — это тавтология, ибо индивид по определению либерален. Его враг — любые берега (ограничения). Понятия «берега» и «русло» несовместимы с либерализмом, концепцией безбрежности.

А теперь складываем пазл. Что обеспечивает неограниченную свободу?

Деньги. Получаем прочнейшую цепь, которой сегодня опутано человечество: индивид — деньги — сила — власть — либеральная свобода. Пентагон. На этих пяти китах держится Картина мира западной идеологии.

Важно отметить, что носителем либеральной идеологии является в первую очередь молодежь. Так было и, судя по всему, будет всегда. Молодежь не испытывает страха перед смертью, как известно; ее скорее пугает дефицит удовольствия. Культ удовольствия так соблазнительно спутать с культом жизнеутверждения. Наркотики — спутать с источником, дающим ощущение свободы. Только вот под либеральным жизнеутверждением скрывается оскал смерти.

Неограниченное желание пожить всласть, патологическое желание личного бессмертия быстро приводят к гибели. Если не изменить природу капитализма, а бесконечно «улучшать неулучшаемое», то мы получим либеральную модель капитализма, еще более либеральную, и еще, далее «инклюзивный капитализм», затем суперинтеллектуальный суперкапитализм (вождеденную «мечту» индивида: здесь ирония в том, что индивид не умеет мечтать).

Наконец, «свободное» рабство.

Но либерализм и здесь последователен — ему все равно: рабство — ведь это перспектива, это будущее. А будущего нет (только не надо путать будущее с бессмертием, которое является инструментом устранения будущего).

Что рабство, что рай — какая разница?

Легко предвидеть примерно такие спичи (либерального толка, разумеется) в защиту индивида.

«Леди и джентльмены! Зачем обрушивать на маленького, безобидного человека, индивида, гигантские массивы больших данных? Все эти ваши истины и культуры? Чтобы раздавить его?

Послушайте, смерть человечества, или как там его... Апокалипсис! — еще не повод казнить маленького индивида, обожающего быть победителем.

Пусть живет в своем простом мире, он никому не мешает, ни на что, кроме чемпионства, не претендует. Да, он эгоцентрист, он считает, что мир крутится только вокруг него, ради него, и что после него — хоть потоп. Да, маленький индивид, который некоторым напоминает «желудок в панаме», является крупным магнатом, и он жаждет бессмертия. За свои деньги. И что теперь, давить его массивами?

Он же ничему и никому не угрожает. Он хочет как лучше. Живет себе своими благими намерениями, пусть даже в корне ошибочно. Зачем противопоставлять

его личности? Если кому-то нравится быть личностью — пусть он ею становится. Оставьте маленького индивида, маленького человека, простого парня в покое.

Он не должен быть личностью.

Он вообще никому ничего не должен.

Он просто живет в свое удовольствие. Чего и вам желает. Аминь».

Смысл спича понятен: если развести человека и культуру — ничего страшного не произойдет. Большие данные в отношении человека — это факультатив, а не императив. Жить в мире больших данных — вовсе не обязательно. Зачем так усложнять жизнь себе и другим?

Зачем?

Хочешь — живи, не хочешь — не живи. Только не мешай жить другим. Не суйся со своим уставом в чужой монастырь.

Живут же черепахи — и ничего, довольны. Живут себе носороги — и все нормально. И зайцы живут, и волки, и снегири. Что не так?

Смысл спича в том, чтобы узаконить природно-растительное существование, признать за ним статус культурного выбора (держим в уме: бессмертие, своего рода вечный двигатель, непрерывный цикл, — это продление растительного существования). Человека приравнивают то ли к зверю, то ли к овощу. Имеешь право быть овощем, *если очень хочется*, ибо «очень хочется» — это и есть квинтэссенция свободы.

Что в этом страшного? Что не так? Это свободный выбор свободного человека. Он живет так, как хочет. Хочет, черт возьми! Наслаждается жизнью: солнцем, воздухом, вегетарианской едой, чемпионством, перспективой бессмертия. Проповедует вегетарианство, не ест млекопитающих, в отличие от некоторых. Хорошо быть кисюю, хорошо собакою: где хочу пописаю, где хочу... — ну и далее по тексту.

Что выбрал «свободный» человек, «безобидный» индивид, когда он выбрал свободу от необходимости жить в сложном мире личности?

Он выбрал не просто солнце, воздух, воду и бессмертие; он выбрал безответственность (под видом свободы, само собой). Он выбрал «хочу» и наплевал на «надо» и «должно». Он выбрал право не быть личностью. Он уклонился от выбора защищать жизнь изящным финтом: сам стал средой обитания наподобие носорога и черепах.

Я часть природы, вот и защищайте меня, если вы такие культурные.

Что будет, если все предпочтут природу культуре?

Будет смерть. Независимо от благих намерений толерантных индивидов.

Белый и пушистый индивид выбрал смерть как будущее, даже если ему кажется, что он «снижает нагрузку на природу», становясь при этом частью природы (то есть в реальности нагрузку увеличивая).

Назад, в пещеру. Прикажете уважать его выбор?

Обратим внимание. Кто выступает адвокатом индивида? Кто поизносит спичи?

Сильные мира сего (нанятые ими интеллектуалы, понятно: не царское это дело — выступать адвокатом мелюзги). Через массмедиа, гигантские вложения и невообразимый креатив. Через деньги. Зачем?

Причины две.

1. Индивидом легче управлять, потому что управлять индивидом — значит манипулировать неосознанными потребностями человека. Вот почему они, сильные, ставят знак равенства между человеком и индивидом. Человек = индивид. А все остальное — от лукавого. Личность выносятся за скобки. Права личности в упор не замечают.

2. Все сильные мира сего — это индивиды. По определению. Та самая мелюзга, только отборная. А что значит отборная? Заточенная на бессмертие. Если ценой

бессмертия будет гибель «простых смертных», можно не сомневаться, что людям конец. Победителей не судят.

Кому выгодно?

Индивиду выгодно: он перекладывает бремя ответственности и заботы о своем будущем на плечи элиты. Так индивид, прячась под крыло патернализма, избавляется от страха.

Элите выгодно: она управляет индивидом. Денег в избытке, информационные технологии отработаны, окна Овертона работают без передышки, информационная война против личности идет успешно.

Всем выгодно, кроме личности. Кроме тех, кто способен принимать самостоятельные решения и отвечать за свою судьбу сам.

Обратим внимание на суть. Что мы имеем в сухом остатке, если расшифровать либеральные словеса, если рассеять дымовую завесу либеральных максим?

Ценности, которые определяются «деньгами» (силой), продаются под брендом «свобода». В этом суть. Становится понятно, почему индивид неразрывно связан не только с деньгами, но и с либерализмом, не так ли?

Такова цена индивидоцентрического проекта будущего, где само будущее рассматривается как нечто невозможное. Как проявление слабости. Будущее — это миф, мираж, иллюзия. Невозможность обойтись без иллюзий — это слабость. Индивидоцентризм как экосистема, как Западный культурный проект — устремлен, как ни странно, в прошлое. Как в книгах про Гарри Поттера. Если цена вопроса устраивает, если не смущает отсутствие перспектив — тогда вперед. Можно прикрыться проверенной (на проблеме с демократией) сентенцией: индивидоцентризм — это, конечно, плохо, однако лучше ничего не придумано. Следовательно...

Вот тут начинаются плохие новости для поклонников культа индивида и либерализма. Уже придумано

нечто такое, что превосходит индивидуализм по всем параметрам. Индивидуализм уже породил своего преемника, вопреки своим намерениям, как водится.

Преемник этот — персонизм, идеология личности, идеология гуманизма и перспективная экосистема.

Да, у персонизма есть один существенный недостаток: он, в отличие от индивидуализма, не прошел испытание социальной практикой. Индивидуализму столько лет, сколько и человечеству. Персонизм молод. Он ровесник Иисуса Христа. Персонизм в известной степени гипотетичен, следовательно утопичен. Мы не знаем его скрытых пороков, как, впрочем, и неочевидных, не разведанных еще ресурсов.

Персонизм — утопия?

Можем резонно возразить: индивидуализм в таком случае — антиутопия. Крайности сходятся. Чем не тема для очередного спича?

И потом. Всем известно: молодость — это недостаток, который быстро проходит.

Иногда я спрашиваю у своих московских студентов: «Скажите, пожалуйста, каким вы видите будущее? Есть ли у вас образ будущего? Какими чертами, по вашему мнению, должно обладать будущее?»

Почти всегда ответы, достойные серьезности вопроса, то есть не шутки, не приколы, не стеб — студенты люди веселые, дай только повод, — так вот, ответы примерно такие: не знаю, никогда не думал об этом, даже не знаю, что сказать.

Не задумываться о будущем — обычное дело. Они, дети своей либеральной эпохи, так воспитаны.

«Ладно, — говорю я. — Давайте поставим вопрос следующим образом. Вы не слишком хорошо представляете, как выглядит будущее, ваше будущее. Вы еще не решили, есть оно у вас или нет. Ничего страшного, время еще есть. Давайте попробуем собрать будущее как пазл.

Мне нужна ваша помощь. Подключайтесь. Вы любите Москву?»

«Да!»

«Что из нынешней Москвы мы возьмем с собой в будущее?»

Задумчивое молчание.

«Хорошо. Начинаем собирать пазл. Вы возьмете с собой в будущее московский Парк культуры имени Горького?»

«Возьмем», — после некоторого раздумья.

«А Кремль?»

«Конечно».

«Москву-реку? Воробьевы горы?»

«Да! Это же природа!»

«Андреевский мост?»

«Возьмем».

«ВДНХ?»

«Обязательно!»

«МГУ?»

«Что за вопрос! Конечно. Наука — это наше будущее».

«Прекрасный ответ. Какую архитектуру возьмем с собой?»

Тут начинаются проблемы. В конце концов, мы приходим к консолидированному мнению, что будущего достойна архитектура, имеющая право называться архитектурой: вписанные в ландшафт здания интересных форм, учитывающие интересы человека, живущего в городе-парке. Исторические и знаковые строения, ансамбли берем безоговорочно: это наше прошлое, без которого в будущем неинтересно. Унылые коробки, унижающие наше чувство прекрасного, безобразные здания-выскочки, уродующие пространство, безвкусную роскошь (архитектуру победителей) мы безжалостно оставляем в прошлом. Есть вещи, которые лучше не брать с собой в будущее.

Мы начинаем понимать, что город и природу (культуру и натуру) мы ценим одинаково и не собираемся их разделять. Мы берем в будущее комфортную

среду города-парка. Эта среда — общественное место. Перед нами уже черты экосистемы. И это не отдельный район Москвы, и не Москва как отдельно взятый город; оказывается, по мнению студентов, вся Земля должна быть такой.

Вся Земля должна быть организована как оптимальная экосистема.

Оптимальная — с чьей точки зрения?

Будущее по умолчанию рассматривается не как рай для богатых и ад для бедных, а как счастье для всех. Это очень важно.

Студенты пока еще бессознательно противопоставляют принципу индивида «деньги есть мера всех вещей» (который искусно маскируется под бескорыстную любовь к безграничной свободе) принцип персоцентризма «мера всех вещей — то, что не измеряется деньгами», а именно: личность, дружба и любовь, семья, родина, человечество, счастье. Именно принцип персоцентризма лежит в основе оптимальной экосистемы.

Вот, оказывается, какой образ будущего студенты готовы рассматривать как наиболее предпочтительный. И этот образ будущего живет и тлеет в их не очень смелом воображении, но они и не подозревали, что это модель персоцентрической экосистемы. Студенты интуитивно ориентируются на совесть и справедливость как идеальные критерии.

«Цифра» как способ сделать нашу жизнь комфортной и содержательной вполне вписывается в такое будущее. «Цифра» + (совесть + справедливость) = будущее.

Так выглядит будущее, увиденное глазами личности.

Этот образ может быть в известном смысле утопичен, как мы уже сказали. При желании можно назвать его фантазией. Но идеальный образ оказывает давление на наши сегодняшние чувства и мысли. Мы находимся под прессингом будущего (либо его отсутствия), осознаем ли мы это или нет. Общество 6.0 будоражит умы тех,

кто строит Общество 5.0. А если не будоражит, значит, что-то пошло не так.

В таком мире нет места примитивному самоутверждению сильных мира сего с их снобизмом и ограниченностью, с их амбициями считать всех рабами, а себя абсолютными прирожденными господами (при этом стыдливо, что характерно, прикрываясь идеалами свободы, истолкованной в либеральном ключе). Они прячут свои идеалы, маскируют их. Почему?

Потому что боятся, что все увидят их примитивную сущность. Сам по себе культ денег (силы) как социальный эквивалент «закона джунглей» (кто силен, тот и прав) является вопиюще антикультурным. Этот «закон» — основа доминирования сильных. Иного источника легитимности у них просто нет.

Если говорить прямо, то либералы-индивидуалисты лишены моральной и нравственной легитимности, культурной легитимности.

Право силы — вот на чем зиждется индивидуализм. Поэтому деньги для доверчивых и свободолюбивых людей надо закамуфлировать, упаковать в фантики идеалов. В качестве такого культурного фантика был избран культ свободы: это самый ходовой товар среди хоть немного соображающих людей. Он позволяет оставаться эгоистом и при этом сохранять чувство собственного достоинства. Дескать, не мы такие — жизнь такая. И рад бы быть не эгоистом, да вот только выбора нет. Такова природа человека. Мы здесь ни при чем.

Принять природу человека, которая загоняет тебя в клетку эгоизма, — вот главный акт «свободного» человека.

Под маркой свободы продают «деньги», инструмент несвободы.

Дурачат людей. А сами боятся того, что их тайные мысли и устремления станут явными. Слишком многим захочется занять их место под солнцем. Боятся силы, конкуренции и свободы, которыми на словах клянутся.

Круг замыкается, будущее становится избыточным звеном в модели жизни, где деньги являются мерой всех вещей.

Интересно было бы посмотреть на образ будущего, который рисуется в умах сильных мира сего. Роскошные замки, разделенные безликими гетто? Острова в океане? Колонии на Луне? На Марсе? На Арракисе? Надо ведь как-то победителям отгораживаться от проигравших. Сказки про свободу (для проигравших) — и при этом мощный репрессивный аппарат, помноженный на возможности «цифры»? Рабы-ученые, за сладкую пайку «хлеба» добывающие эликсир бессмертия на гигантских фабриках, огороженных колючей проволокой?

Кстати говоря, именно такой образ будущего предлагают нам современные западные киношедевры. Кино — самый массовый вид искусства. Успешные фильмы — эффективный инструмент «овладевания» массами.

О чем фильм Д. Вильнева «Дюна» (2021)?

Фильм про ужасное будущее, плохое будущее, про такое будущее, которое ставит крест на индивидуализме как футуристическом проекте. Фильм про феодальное (sic!) мироустройство (барон, герцог), где сильные пожирают слабых.

Человечество расселилось по далёким планетам, а за власть над обитаемым пространством постоянно борются разные могущественные семьи. На пустынной планете Арракис обитают гигантские песчаные черви, а в пещерах еще пока живут скитальцы-фремены (фримены?), но главная ценность планеты — спайс, самое важное вещество во Вселенной. Тот, кто контролирует Арракис, контролирует спайс, а тот, кто контролирует спайс, контролирует Вселенную.

Феодалы (власть избранных), колонизация, культ силы, контроль над ресурсами. Чем отличается высокотехнологичное будущее от настоящего?

Ничем.

О чем фильм Д. Кэмерона «Аватар» (2009) и «Аватар: Путь воды» (2022)?

Перед зрителем разворачивается военный конфликт на планете Пандоре (у которой, кстати, есть владелец, некто Полифем) между людьми-колонизаторами и коренными жителями Пандоры, разумными гуманоидами На'ви. Из-за чего война? Война идет за контроль над ресурсами планеты, а для аборигенов война идет просто за выживание.

Действие второго фильма происходит через десять лет после первого, суть происходящего примерно та же, только уже не на суше, а в Океане.

Колонизация, контроль за ресурсами, уничтожение тех, кто не желает жить по правилам колонизаторов. Кто силен, тот и прав. Ничего нового.

Высокие технологии несут рабство и уничтожение непокорных. Вселенной будет править только один.

Как вам такое будущее?

Наивно относиться к «Аватару» как к самому кассовому фильму, как к коммерчески успешному проекту. В первую очередь — это идеологически успешный проект, внедряющий в сознание «матричан» миф о несокрушимости Западной цивилизации под аккомпанемент слабых, но милосердных ноток.

Наконец, в своей копилке западная цивилизация имеет впечатляющее «высказывание» по поводу природы человека датского режиссера и сценариста Ларса фон Триера (имеются в виду лучшие его фильмы: «Рассекая волны» (1996), «Танцующая в темноте» (2000), «Догвилль» (2003), «Антихрист» (2009), «Нимфоманка» (2013) и др.). Перед нами визуализированные сторителлинги на тему тезисов Ницше. Витальная основа человека *в конечном счете* оказывается сильнее стимулов и императивов культуры. При этом под культурой имеется в виду надстройка над началом природным, смутное семантическое образование, состоящее из христианских

догм и постулатов: вера в добро, милосердие, любовь к ближнему. «Высказывание» фон Триера направлено не против разума и культуры (он не знает, что это такое), а против морали и веры, имеющих иррациональную природу. Одно иррациональное (натура) побеждает другое (культуру) — при этом сила оказывается на стороне Силы.

Безжалостно столкнув натуру и культуру, фон Триер отдает пальму первенства натуре. Вывод прост: человек — скотина, культура не делает его лучше, хотя *кажется*, что делает.

Следовательно, натура всегда побеждает культуру. Кто силен — тот и прав.

А дальше умозаключения напрашиваются сами собой. Если человек скотина, то война — это вполне легитимный способ самоутверждения. Война — инструмент сильного, мир — оружие слабого.

Ларс фон Триер либерал, то есть фанат и, следовательно, жертва свободы, несущий миссию освобождения от всего, что накладывает ограничения. Свобода превышает всего. А что накладывает на человека ограничения, делает его несвободным?

Культура. (То простое и очевидное обстоятельство, что прежде всего культ свободы делает либералов несвободными, они счастливо не замечают: так идеологи становятся первой жертвой идеологии.) Культурные путы и репрессии — экзистенциальный бич для либералов. Следовательно, по их логике, культура является врагом человека и ее надо уничтожить. Гимн во славу природы одновременно становится реквиемом по культуре: вот что «полифонически» исполнил фон Триер и что исполняют все самые талантливые западные художники и мыслители.

Между прочим, это означает следующее: западная цивилизация оказалась не в силах воспользоваться возможностями культуры, которую сама же во многом

и создала. Эффект «парадокса всемогущества» вернулся бумерангом: не уничтожит ли культура Запад, который и создал культуру?

Они на все лады любят закат культуры, который пытаются выдать за рассвет свободы. Рифмовать по смыслу Запад и «закат» стало уже общим местом в культурном дискурсе; но еще не стало общим местом рифмовать Россию и «восход». Видимо, настало время.

Запад ощутил всеми «культурными фибрами», что он не осилит дорогу в будущее, поэтому усиленно разворачивается в прошлое, представляя его единственным возможным Эдемом на земле. Отрефлексировать тему «будущее» не получается: нет понятий, нет терминологического аппарата, нет необходимого качества мышления, с помощью которых будущее может быть описано как реалистический проект в позитивном ключе. Личность, счастье, культура, духовное производство человека, истина, совесть, ответственность — такими категориями западная идеология не оперирует.

А мы предлагаем ответ: персоноцентризм. Да, это сложный ответ — но других ответов у культуры для человека нет. Все ответы в дальнейшем будут все более и более сложными. Рассвет предсказать сложнее, чем увидеть закат. И свободой отвергать сложность уже не обойтись. Хочу и буду: это детский сад в исполнении садомазохистов.

Или сложность — или закат.

Сложность мира — наш козырь, если угодно. И не надо этого стесняться, надо этим умело пользоваться. Сложность нашей Картины мира — наше культурное завоевание. Мы отвоевали свободу у выстроенного на диктатуре законов универсума. Чего тут стесняться?

Вы можете соглашаться с фон Триером или не соглашаться, но через скандальные «высказывания» режиссера, свободного человека, живущего в свободной стране, нам навязывают повестку индивидоцентризма. Сам факт обсуждения его фильмов — это успех их Матрицы.

Цивилизация идет по замкнутому кругу, а кажется, что она мощно устремлена вперед, к звездам, в будущее. Какое будущее? Будущее человека предопределено: оно состоит из «милых и неуклюжих» попыток вечного рванша культуры и вечного торжества природы, грустного торжества для людей с развитым интеллектом, неуместного, как пир во время чумы, — но все же торжества.

Вечный бой, раунд за раундом. А судьбы кто? Интеллект и созданная им ущербная Картина мира. А *кажется*, что арбитром выступает сама Истина.

Что является неопровержимым идеологическим «доказательством».

Люди для элиты или элита для людей?

Элитарный образ будущего в любом случае будет ставить интересы элиты выше наших (маскируясь, естественно, под наши интересы!). Там страхов больше, чем радости. Там счастья нет. Можно не сомневаться. Всякий раб — это побежденный и униженный враг. Люди — враги элит, и держать людей под контролем означает устроить им жизнь рабов.

Это значит — самому всегда пребывать в страхе. Быть рабом страха.

Так элита, которая поделила мир на чемпионов-победителей и побежденных-рабов, сама влачит бесперспективное существование раба. Достойное человека-скотины.

«Завидное» будущее, ничего не скажешь.

Антиутопия.

«Элитарное будущее» всегда будет выглядеть как проект Матрицы Индивида, как индивидуоцентрическая экосистема, как Царство, где будущее для элиты не сулит ничего хорошего будущему людей. Элита мстит людям за свой страх. Поэтому, кстати, элиты избегают самой номинации «образ будущего». Им нечего предложить людям, кроме себя в качестве вечных господ.

Островов в океане. Колоний на Марсе, в пустынной Арракис или благоухающей Пандоре. Кроме денег. А также Силы, которая является формой слабости.

Мои студенты, молодые люди с планеты Земля, с таким сценарием не согласны. Их воображение в качестве протеста создало всемирный Город-парк, условно разделенный разве что на климатические и часовые пояса, где нет места элитным дворцам, элитным островам и гигантским отгороженным территориям, уникальным по красоте и климату, недоступным для простых смертных (то есть *не* сильных мира сего).

Негласный девиз элиты: все лучшее — хозяевам жизни, все худшее — рабам. Ибо: победитель получает все.

И «цифра», можно не сомневаться, усилиями «рабов» превратится в Большой Кнут для «рабов» же.

Студенты, люди будущего, против.

А это значит, что они ориентированы на нашу Картину мира и у них есть запрос на нашу Матрицу.

У студентов есть образ будущего, но их приучили (вот кто, спрашивается, приучил? Матрица Индивида приучила) прятать его глубоко внутри себя, туда, где подаются признаки жизни робкие ростки личности. Студенты, представители людей, по отношению к будущему, своему будущему, ведут себя как элита, крадущая это будущее.

Конечно, назревает внутренний конфликт. Который элита, вне всякого сомнения, будет использовать для того, чтобы направить энергию молодых против своего же будущего. Как?

Не смешите всемогущие технологии Окна Овертона, которые элита рассматривает как распахнутые Ворота в будущее. Которого нет.

Индивидуализм и будущее — несовместимы, если понимаете, о чем я.

Вот почему молодое поколение должно формироваться в нашей Матрице, в Матрице Личности. И делать это надо немедленно.

Почему мы утверждаем, что Окно возможностей изменить образ будущего весьма непродолжительный по историческим меркам отрезок?

Потому что этот отрезок равен времени, которое нужно, чтобы изменить уклад стоящего у нас на пороге Общества 4.0 на уклад Общества 5.0. За этот отрезок времени «цифра» (искусственный интеллект) прочно войдет в нашу жизнь.

Мы моргнуть глазом не успеем, как окажемся либо в Матрице Индивида, либо в Матрице Личности. О которой сегодня говорим как об утопии.

Как гласит китайская мудрость, об этом надо было говорить двадцать лет назад; следующий подходящий срок — сегодня.

Литература

1. https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf
2. <https://news.mail.ru/economics/31540676/?frommail=10>
3. <https://www.forbes.ru/tehnologii/362103-zastyt-v-vekah-chto-pozvolit-lyudyam-stat-bessmertnyimi>

3. ПЕРСОНОЦЕНТРИЗМ КАК ЭКОСИСТЕМА: РУССКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

Персоноцентризм представляет собой развернутое обоснование нравственного императива. Поведение личности (поступки как реализация выбора) обусловлено ответственностью за цивилизацию, идеология цивилизации базируется на ответственности за человечество, в центре внимания человечества — забота о личности.

Любой выбор личности — это выбор с позиций человечества, любой выбор человечества — это выбор в пользу личности. Человек думает за человечество, человечество — за человека. Это и есть закон: выше личности нет ничего (человек — цель, а не средство).

А теперь зададимся вопросом: что если будущее людей — это персоноцентризм?

Не социоцентризм, не индивидоцентризм, а именно персоноцентризм. Что это меняет?

По крайней мере, персоноцентризм способен предложить две вещи: 1) образ будущего, которое является таковым с точки зрения интересов людей планеты Земля; 2) счастье как проект глобальный и одновременно обращенный *ad hominem* (к каждому человеку).

Не так уж и мало по нынешним временам, когда все-сильный индивидоцентризм не видит будущего в упор и загоняет всех и каждого в цифровое рабство.

Персоноцентризм позволяет предложить такое *стратегическое представление о будущем*, которое может быть интересно всем. Персоноцентризм делает ставку на *информационную революцию*, которая позволит обратить внимание на информационный потенциал человека как главный потенциал человечества. Цифровая революция (развитие искусственного интеллекта), как своего рода локомотив, может повлечь за собой

информационную революцию (революцию в умах и душах — смену типов управления информацией).

Это не значит, что цифровая революция неизбежно влечет за собой революцию информационную; это означает следующее: цифровая революция, по-хорошему, нужна не сама по себе, и не для того, чтобы «исправлять нравы с использованием новых возможностей Интернета» и прочей цифири, а для того, чтобы высвободить человеческие ресурсы, чтобы развивать мышление, основу основ прогресса, — чтобы устремиться в будущее, образ которого мы набросали.

Великая цифровая революция дает человеку великий шанс: не исправлять «старые добрые» нравы — а мыслить по-новому. На уровне *universal skills*. Строить персонцентрическую экосистему в интересах всех людей.

Великая цифровая революция в гуманитарном и культурном смысле необходима как инструмент революции информационной.

Для этого нужна личность, ориентированная на совесть. Персона. Персоноцентризм.

В этом случае русский культурный проект, выстроенный с помощью высоких ментальных технологий на базе *universal skills*, сулит России превращение в мировую культурную державу, которая стоит на страже интересов людей (именно поэтому мировую и культурную), а Китаю — в регион с самобытным тоталитаризмом, где интересы Китая выше интересов людей. Ибо: качество «бьет» количество («переходит» в количество и наоборот; ставка на количество, которое не переходит в качество, — это ставка на стагнацию).

Подчеркнем принцип, который чрезвычайно важен для нашей книги: мы, конечно, ни в коем случае не желаем зла ни Китаю, ни Востоку, ни Западу. А также Северу или Югу. Или Луне. Даже Марсу, Маску и Пандоре. Мы говорим о цивилизационных тенденциях. Выбор усилиями своих аналитических центров, контролирующих

коллективное бессознательное, каждая цивилизация делает свой. И мы не считаем Россию и русских пупом Земли, средоточием потенциала и безальтернативным кладезем перспектив для всего человечества. Мы не претендуем на исключительность и мессианство. Мы никого не ставим перед выбором, выкручивая руки.

Да, мы предлагаем свой футурологический сценарий — персоноцентризм. Да, мы предлагаем отнестись к нему серьезно. Кто имеет право отлучить нас от борьбы за выживание человечества?

Каждый имеет право и обязанность бороться за счастье людей. Где здесь мессианство?

Универсальность идеологии — это персоноцентрическая стратегия, а мессианство — это проявление индивидоцентризма («останется только один»). Когда Россию обвиняют в мессианстве, это звучит примерно так: держите вора. Это трюк из арсенала идеологической войны.

Россия — часть целостно устроенного мира, фрагмент сети в сети глобальной. Лучшим надо делиться, худшее, где бы оно ни было, следует отбрасывать, оставлять в прошлом, ибо: колокол всегда звонит *ad hominem*, по тебе, по всем нам. По людям. Не по кому-то чужому и чуждому нам.

Колокол слышно на Земле во всех уголках.

Мир един: это мир больших данных. Big Data. Big Net. Big World. Если звонит колокол, всем надо склонять головы, иначе в один прекрасный день он точно зазвонит по вашу душу. Алло, элиты, вы слышите колокол?

В общем, в нашей книге мы не делим мир людей на врагов и друзей, на чемпионов и аутсайдеров. Мы условно делим информационную целостность «человек» по линии *индивид — личность*. Во имя целостности человека.

Во имя будущего.

А тот факт, что в реальности мир усилиями западных элит поделен в плоскости идеологии, — это не наша вина. Но это общая беда.

Высвобождение с помощью искусственного интеллекта от механической работы (где нет места для раскрытия творческого потенциала разума) порождает не проблему досуга, как это представляется индивиду, озабоченному властью над простыми смертными; она порождает проблему создания *разумных потребностей* человека, если говорить прямо. Проблема *личностного роста* из вечно второстепенной, факультативной превращается — наконец-то! — в главную. Первостепенную. Насущную. В главный пункт повестки дня человечества.

Для индивидоцентризма проблема досуга превращается в проблему перенаселения Земли. Что делать обычному человеку, если он не занят работой? Ему нечего делать. Его функции выполняет искусственный интеллект. Человек как средство перестал быть полезным. В его услугах больше никто не нуждается. Зачем тогда он нужен? Наслаждаться хлебом и зрелищами?

Но это безумно дорого — содержать бесполезную массу людей. Да и зачем? Лучше бы бедному человеку не рождаться вообще. Сильным мира сего не надо так много людей для власти над миром. Зачем 8-10 миллиардов? Хватит двух. Золотых. А остальным, скажем так, не повезло...

Для персоноцентризма с появлением технологий, связанных с искусственным интеллектом, проблема досуга превращается в возможность сделать человека целью развития человечества.

Проиллюстрируем сказанное на примере литературы.

Почему литературы?

Во-первых, потому что нам нужен простой, яркий и убедительный пример из сферы «человеческого измерения»; где его искать, как не в литературе, специализирующейся (уже тысячелетиями) на поведенческих моделях человека.

Во-вторых, потому что литература (в своих вершинных достижениях) представляет собой образец виртуозной работы с массивом больших данных — образец идеологической работы. Великая литература — всегда итог применения *universal skills* (универсальных компетенций, связанных с функционированием ума). Математика, физика и химия — это основа *hard skills* (компетенций, связанных с развитием интеллекта); науки, тяготеющие к гуманитарным (экономика, экология, социология, психология), — основа *soft skills* (интеллектуальных компетенций, связанных с «человеческим измерением»); литература — проявление универсальных компетенций.

Вот почему умение анализировать сложнейшие художественные тексты (то есть идти по следам творца) так важно для развития умственного (не только интеллектуального!) развития.

Образовательный ресурс литературы, созданной величайшими *умами* человечества, в школе, начиная с начальной, просто огромен, чтобы не сказать неисчерпаем.

Чтобы не сказать, уникален и незаменим.

Рискнем предсказать, что нас еще ожидает небывалый культ литературы (не читива). За статус «самой читаемой страны мира» придется бороться.

Самая читаемая страна — значит, самая умная.

Самая умная — значит, самая счастливая.

Скажи мне, что читают в твоей стране, и я скажу, насколько счастливы живущие в ней люди.

Выскажем парадоксальное и, возможно, спорное суждение.

Человечество усилиями творцов, представителями многих стран, народов и цивилизаций, создало великую литературу. Величайшую. Экстра-класса.

Назовем три пика развития мировой литературы.

Античная литература (величайшие образцы трагедий: Эсхил, Софокл, Еврипид).

Литература эпохи Возрождения (еще более великие образцы трагедий: Шекспир, «Фауст» Гете).

Русская классическая литература XIX века (великие образцы преодоленных или почти преодоленных трагедий) [1]. По нашей версии это, прежде всего, Пушкин, Л. Толстой, Чехов; внесем в этот краткий список Достоевского (из уважения перед читателями Запада, считающими трагедию как высшую точку отсчета в культуре). Конечно, можно назвать и плеяду писателей XX века, которые продолжают традиции названных нами корифеев.

Эта литература занимает «золотую полку» человечества. Считается, что это «серьезная» литература «не для средних умов», для «высоколобых», что это элитарная литература, почти философия, что понять ее очень сложно.

«Золотая полка» высоко, она «не от мира сего», обычная жизнь протекает где-то под полкой, и полка не пересекается с жизнью. Может, литература и хорошая, даже гениальная, только вот на жизнь она никак не влияет. Не меняет качество жизни в лучшую сторону.

«Золотая полка» почти ни в каком качестве *индивид не интересуется*.

«Золотая полка», с точки зрения индивида, — деталь интерьера, не более того. Дорого-богато. И на том спасибо.

Не станем спорить с индивидом. Почти все верно: это, при всех оговорках, литература о личности, для личности, созданная личностью во имя личности. Это литература универсальных компетенций. Литература сложная и индивидом почти не востребованная. Индивид переключился на массовую литературу (чтиво), паралитературу, коммерческую литературу, ставшую сегментом рынка развлечений, — то есть на продукцию *soft skills*, только по форме напоминающую литературу, однако к литературе как сложнейшему виду человеческой

деятельности не имеющей отношения. Из чтива ушла даже трагедия. На смену пришла дешевая комедия. Сентиментальная мелодрама, отвлекающая от трагедии. Развлекающая, уводящая от мыслей, ведущих в трагический тупик. Soft skills. Креатив. Не литература.

Двойное значение термина литература (собственно литература (продукт универсальных компетенций) и *массовая литература* (продукт soft skills), как бы литература) вносит путаницу, которая на руку, конечно, массовому чтиву.

Литература, стоящая на «золотой полке» или ориентированная на нее, сегодня не востребована. Почему?

Потому что востребованы soft skills как проявление высшего культурного уровня. Выше soft skills для либерализма нет ничего, поэтому «золотая полка» в их культурной номинации не присутствует. Они создают альтернативную «золотую полку» («платиновую?») — с помощью силовых, денежных инструментов (премий, тиражей, грамотного продвижения на рынке).

То, что востребовано под видом литературы, к литературе не имеет отношения хотя бы потому, что призвано уничтожать, искоренять литературу.

Мы считаем, что настало время человечеству обратить внимание на лучшие образцы литературы, на сокровищницу высших культурных ценностей, где такие понятия, как истина, добро, красота, родились, отшлифовались и закрепились.

Не станем утверждать, что литература была создана затем, чтобы ждать лучших времен, своего «звездного» часа; не станем утверждать, что этот час пробил: цифровая эпоха и литература (и в целом серьезное искусство) нашли друг друга. Не станем подводить к тому, что это чей-то прекрасный замысел или промысел.

Но литература как колоссальный ментальный — идеологический! — ресурс, формирующий универсальные компетенции, может и должна быть востребована

именно сейчас, в цифровую эпоху. Цифровая эпоха и литература (и в целом серьезное искусство) действительно нуждаются друг в друге.

Нефть долго лежала в земле и ждала своего часа. До определенного момента нефть не представляла никакого интереса. Когда появились двигатели внутреннего сгорания и химическая промышленность, пробил час нефти. С помощью нефти человечество совершило колоссальный рывок вперед.

Литература не новая нефть, конечно. Смысл аналогии в другом. Надо дозреть до того, чтобы осознать, что богатство находится буквально «под носом интеллекта», под руками и под ногами. Словно воздух, вода и земля. Как только появится потребность в информационной революции, как только появится потребность в появлении личности как социального ориентира, — как только появится потребность в персонификации, литература превратится в колоссальное богатство. Литература поможет совершить рывок в информационном развитии человечества, в этом нет сомнений.

В качестве примера, иллюстрирующего потенциал личности, мы возьмем литературу русскую. Почему русскую?

В китайской, и даже европейской, подобных примеров попросту нет. По крайней мере, нам они не известны.

Мы намерены говорить о «Евгении Онегине», этой энциклопедии «жизни духа», энциклопедии восхождения от индивида — к личности.

Между прочим, мы сейчас обратили внимание на знаковый нюанс: в мировой литературе книг, подобных роману в стихах А. С. Пушкина, не существует. Это книга о том, как преодолевать трагедию, устремляясь к счастью. Это книга книг, если угодно. Это книга о том, зачем нужны универсальные компетенции в жизни. Это книга о том, зачем нужна идеология и какая идеология нужна.

Если такая книга появилась, значит, это о чем-то говорит. О чем же?

О том, что приходит время личности.

Несколько слов о том, почему «Евгений Онегин» является книгой для всех и каждого на все времена (обозримые).

Книга, как мы помним, о мыслящем человеке, который оказался в трагической, классической для русской литературы «гамлетианской» ситуации «горе от ума».

Вообще анализ ситуации «горе от ума» и поведения попавших в нее исключительных по своим умственным и нравственным данным людей, которых очень быстро называли «лишними» (sic!), — это именно то, что можно назвать выдающимся вкладом русской литературы в мировую культуру.

Этот тот ресурс, то открытие и тот поворот темы, которые позволили русской литературе обрести свое собственное, уникальное культурное лицо, которое затем, в эпоху «все на продажу», утратило свою оригинальность. Сегодня, в XXI веке, русская литература (о чтиве мы не говорим) под видом оригинальных художественных поисков и открытий стремится к художественному трюкачеству, к стилю ради стиля — как все! — и в этом действительно похожа на все иные литературы мира, которые разводят в противоположные стороны человеческое измерение и стиль. Русская литература затерлась, затерялась, заигралась в подражание. В. Пелевин, М. Шишкин, В. Сорокин — неплохо, конечно. Но это не русский культурный масштаб. Это литература третьего-десятого ряда. Это литература ни о чем. Не о личности. Значит, ни о чем. Вчерашний день.

В результате русская литература утратила культурное лидерство. Почему это случилось?

У меня есть свое объяснение. До тех пор, пока главный герой русской литературы — «лишний человек» — воспринимался как либерал, русская литература

охотно рассматривалась как культурный авангард человечества. Грибоедов! Лермонтов! Пушкин! Гоголь! Тургенев! Гончаров! Л. Толстой! Достоевский! Чехов! С ума сойти от этого карнавала «роскоши человеческого общения».

Русская литература утверждала стандарт: умный = либерал.

Сегодня, когда «лишний человек» стал, по сути, консерватором, традиционалистом, а либерализм стал невыносимой средой его обитания, тем самым «болотом», с которым сражались Чацкий, Печорин, Онегин и иже с ними, русская литература отвернулась от своего де-тища. Из либерала сегодня получается не культурный «лишний человек», а элитарный сноб, культивирующий стиль ради стиля.

Русская литература предала свою традицию, свои идеалы, своего героя.

Расплата не заставила себя долго ждать: русская литература стала похожа на литературы «передовых» стран. Стала безликой. Либеральной. Перестала быть.

Но! Традиции можно предать (усилиями креативных литераторов, как водится), однако их невозможно забыть и выкорчевать. Русская литература, конечно, обретет свое традиционное лицо вместе с возвращением к своему герою.

Рискну предсказать: нас ожидает новый расцвет реализма, обогащенного достижениями модернизма, постмодернизма и постреализма. На чем основывается мое предсказание?

Только реализму интересуют феномен персоноцентризма. Все, что не связано с реализмом, так или иначе обслуживает потребности индивидоцентризма.

Именно так: литература будущего — за реализмом, за умной литературой, главный герой которой — личность.

В этом нет сомнений. Только либерализм пока против.

Но он не вечен. И по нему уже вовсю звонит колокол.

Кредо Онегина было жестким и принципиальным: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей» (людей = индивидов, следовательно, и себя, индивида). Однако кредо содержало в себе и такой момент: Онегин тяготился бесцельным существованием, мучился оттого, что никак не мог отыскать главного: за что людей (а значит, и себя) нельзя не уважать. Мучился оттого, что он влачит существование индивида. Его мучила совесть.

Он еще не знал, что именно в этих мучениях рождается личность.

Это ситуация в полной мере экзистенциальная. Трагическая. Универсальная. На все времена. Этим она нам и интересна.

Обратимся к одному из пиковых этапов восхождения Онегина (предфинальному). Напомним: Онегин сполна был наделен дарами судьбы — он был богат, здоров, умен, красив, образован, любим; свободен, наконец. Чего ж вам больше?

Идеально по меркам индивида: деньги, сила, свобода.

Однако какой-то неуловимой «мелочи», какого-то ментального компонента катастрофически не хватало для *счастья*, для выхода из трагического тупика. Дары судьбы не радовали, свобода была «постыла» («Свою постылую свободу я потерять не захотел», — признается Онегин Татьяне). Наступил самый-самый темный час. Который бывает только перед рассветом.

*Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга,
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.*

Вот она, проблема эпохи искусственного интеллекта, увиденная глазами индивида: *чем занять нигде не работающего, ничем не занятого молодого человека?*

На взгляд человека конфуцианского (социоцентрического) и западного (индивидуоцентрического) ситуация с Онегиным демонстрирует идеальный капкан: чем богаче одарен человек, тем больше у него шансов оказаться в ловушке праздности. Онегин в либеральной парадигме воспринимается как «лишний человек» в прямом и точном значении этого слова. Человек-разрушитель настоящего (бог с ним, с будущим, кому оно интересно).

Зачем «мыслителю» ум, если в результате этот несчастный («я думал: вольность и покой *замена* счастью»), двадцати шести лет от роду, оказывается у разбитого корыта — без цели, без трудов, без службы, без жены, без дел, в бездействии досуга, без перспектив?

Ему и свобода постыла, и воля не мила. Не в коня корм.

Следовательно, человека надо занять чем-нибудь, то есть помочь ему избежать губельных соблазнов праздности (досуга, пустых мечтаний). Срочно дать ему зрелищ. Дела. Службу (хлеба много не бывает). Китай, как мы помним, предлагает твердой рукой направлять человека во всем, делая из него героя, то есть человека, ставящего общественное выше личного, беспощадно наступающего на горло собственной песне.

Запад предлагает свободно тешить свое эго, Запад великодушно предлагает быть антигероем, смело ставить эгоистическое начало выше общественного — также не отвлекаясь на познание себя, что очень важно.

В Китае человек (социоцентрический индивид, «член общества») служит обществу Китая.

На Западе индивид служит себе — *кажется*, что себе (а на самом деле служит средством для элит).

Чему служит личность?

Личность служит человеку. Как это понимать?

Онегин, вслед за Чацким, служил общественно важному делу превращения индивида в личность.

Посмотрим на ситуацию глазами личности.

«Служить бы рад, прислуживаться тошно» (А. С. Грибоедов): это именно об Онегине. Для него «служить» обществу во имя эго или «служить» эго во имя индивидуоцентрического миропорядка (Бог любит богатых) означает «прислуживаться».

Чем был занят Онегин, в то время, когда он «ничем заняться не умел»?

«Ничем заняться не умел» — значит, не прислуживался. Он думал, мыслил, был занят поисками истины, Правды. Он отверг принцип «не в правде Бог, а в Силе», именно в рамках этого принципа он «ничем заняться не умел»; но он обнаружил принцип «не в силе Бог, а в Правде».

Онегин сосредоточивался. Имея свободное время, он не бездельничал, он работал, служил, если угодно. Именно служил Правде! Задействовал весь свой информационный ресурс. Думал.

*Я думал: вольность и покой
Замена счастьем. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.*

В конце концов, в результате работы мысли он отыскал рецепт счастья, он нашел смысл жизни. Онегин сумел реализоваться в сфере высших культурных ценностей человека: истина, добро, красота, свобода, достоинство, счастье для него не пустой звук, а каждодневная реальность. Он, благодаря своему служению, вырвался из круга, предначертанного индивиду. Он нашел, за что следует уважать человека: за то, что человек способен занять себя сам, способен прожить жизнь мыслящего существа, жизнь сознательную, а не бессознательную. За то, что человек способен из индивида превратиться в личность. Способен любить.

Онегину помогли не soft skills, а универсальные компетенции.

Пока Онегин находился в парадигме индивидуоцентризма, он был несчастлив. Пока он смотрел на жизнь, на себя, на свой ресурс с позиций интеллекта, все казалось ему лишенным смысла.

Как только Онегин совершил информационную революцию на индивидуальном уровне, как только он стал жить умом, а не интеллектом, он оказался готов к счастью.

Онегин не достиг в жизни полного счастья, это верно; он потерял Татьяну, он слишком поздно стал жить умом. Но он был достоин счастья, что само по себе является счастьем.

Онегин замечательно, хотя и драматично, воплотил в жизнь русский культурный проект. Занятие ничем не занятого, «бесцельно» живущего Онегина, его служение называется *жизнетворчеством*. И Китайский, и Западный проекты изо всех стараются занять человека *жизнью без творчества*, с помощью *soft skills* и *hard skills* (с помощью *хлеба и зрелищ*) отвлечь его от себя, от своих проблем, навязать ему образ жизни и образ мыслей, то есть отвлечь его от самого главного в жизни.

Запад и Китай крадут у человека его ресурс.

Русский культурный проект возвращают человеку его ресурс.

Чему служит личность?

Личность служит человеку — превращает человека в цель для человека. Наша цель — счастье. Способ достичь счастье называется *жизнетворчеством*.

Неслучайно сегодня понятие *творчество* сплошь и рядом заменяется понятием *креатив*. Креативный человек делает свою жизнь занимательной и интересной, избегая при этом творчества.

Креатив — это творчество индивида.

Быть креативным — значит творчески уходить от творческого процесса построения личности в себе, загружая себя *soft skills* и *hard skills*.

Быть креативным — значит изобретательно убивать в себе личность.

Творчество, в том числе жизнетворчество, — это креатив в области универсальных компетенций.

Обратим внимание: *познание себя* либеральная психология подменила понятием *интерес к себе*, любимому. Одно дело познавать себя (жить в соответствии с познанным законом), другое — интересоваться собой (развлекать себя). Интерес не подразумевает ответственности, он подразумевает уход от ответственности во имя кайфа.

Девиз культуры (творческой личности): познай себя (*Nosce te ipsum* — античное изречение, надпись на стене древнегреческого храма Аполлона в Дельфах, где находился Дельфийский оракул; особое значение этому девизу придавал Сократ). Личность для себя — ресурс для счастья.

Девиз натуры (креативного индивида): получи кайф от себя. Индивид для себя — ресурс для удовольствия.

Чего не разглядели тонкий Восток и интеллектуальный Запад в умном и творческом Онегине?

Они оказались не способны увидеть личность как совокупность *разумных потребностей*. Сформированные разумом потребности в один прекрасный момент (с точки зрения интеллекта — *вдруг*, ни с того ни с сего, как-то сказочно!) материализуются в жизнь, которая никому не угрожает, которой война просто ни к чему, ибо негласный девиз Онегина — *познай себя ради счастья*. Свободная личность никому не угрожает и творит добро ради счастья, которое и есть истина. Служит людям.

В Китае социоцентрический индивид служит обществу, уклоняясь от ответственности познания себя.

На Западе индивид служит себе, уклоняясь от ответственности служить обществу.

В рамках представленного русской цивилизацией проекта личность служит и себе, и обществу.

Бессознательные потребности конфуцианского и западного человека, сформированные с помощью определенных информационных технологий, обрекают человека на жизнь под негласным девизом *прислуживай силе (деньгам), побеждай, подталкивай падающего — стремись к покою и наслаждению*. Soft skills и hard skills в помощь.

Забудь про тему «стратегическое управление информацией» — это прерогатива сильных мира сего.

До поры до времени Онегин действительно воспринимался самими русскими как «лишний человек», неуместный, несвоевременный, — то есть человек из будущего, как мы сейчас понимаем. Для сознания индивидо- и социоцентрического он останется вечно лишним, потому что сознание такого типа уже вечно вчерашнее.

Высвобождение гигантского количества людей от нетворческой работы «за-ради хлеба» (от работы, которую способен выполнять искусственный интеллект) порождает невиданную ранее проблему: человек избавляется от необходимости прислуживаться, прятаться за работу, прятаться от себя за soft skills и hard skills; он поставлен перед необходимостью служить высоким целям, находить себя, познавать себя с помощью universal skills (универсальных компетенций). Человек предоставлен самому себе, и проблема смыслов становится проблемой существования и выживания человека.

Креатив (искусство прятаться от смыслов) не спасает. Ради выживания человек вынужден творчески пестовать в себе личность.

Художественно-философская модель под названием «Евгений Онегин» убеждает: *познание себя (в процессе житнетворчества) должно стать работой, служением, каждодневным упорным трудом для человека, трудом не за страх, а в радость*.

Познание себя — это способ социальной мобилизации. Иными словами, это не только личное дело каждого, но и общественно значимое деяние, долг каждого. Высвобождение от рутинной, механической работы порождает не проблему досуга; оно порождает проблему создания личности.

Труд разума и разумный труд должен стать главным трудом человека.

К этому тезису мы еще вернемся.

Почитайте письмо Онегина к Татьяне — письмо умного, тонкого, чрезвычайно одаренного человека. Письмо личности. Такое письмо никогда не напишет ни западный, ни конфуцианский человек. Для них подобный уровень человеческого общения — за пределами роскошь человеческого общения — за семью печатями. Как вход в пещеру в сказке про Али-Бабу, который не умел наживать деньги. Надо знать пароль (культурный код).

И не стоит питать иллюзий: Онегина сегодня на Западе не поймут. Русский культурный проект — не оценят. Отношение индивида (информационная основа которого — интеллект) к личности (основа — разум) сформировано комплексом неполноценности.

Объективного отношения ждать не приходится. Увы.

Итак, персоноцентризм открыто противопоставляет принципу индивида «деньги, эквивалент силы, есть мера всех вещей» (который искусно маскируется под бескорыстную любовь к безграничной свободе) принцип личности «мера всех вещей — любовь, дружба, семья, родина, человечество, счастье».

Обратим внимание. Ценности, которые определяются «деньгами», великолепно продаются под брендом «свобода». Говорите «свобода» (имея в виду вседозволенность) — подразумеваете деньги, говорите «деньги» — подразумеваете *ту самую* свободу быть креативным.

Деньги и свобода (та, которая уклоняется от ответственности) нашли друг друга. Образ монетизированной свободы как высшей ценности (статуя Свободы символически приветствует всех прибывающих в царство капитала) — это сильный идеологический ход. Деньги романтизировать сложно, а сила и свобода словно сотканы из вещества романтики. Простая, как жизнь в джунглях, Западная Картина мира, Западная система ценностей (деньги + сила + свобода) успешно завоевала мир.

Персоноцентризм также является для людей своего рода «товаром», если ты конкурируешь с товаром «деньги (сила) = свобода». Персоноцентризм как ценность вполне можно представить в виде товара, в котором люди заинтересованы, за который они готовы платить немалую цену, готовы отдавать свой ресурс. В таком случае персоноцентризму, который позиционирует себя как некую субстанцию (ценность), которая «выше» денег, ценнее денег, дороже денег, по законам рынка нужен свой бренд.

Говорим личность — подразумеваем... что? Истину? Добро? Красоту? Творчество? Дружбу и любовь, семью, родину, человечество, счастье? Свободу и достоинство?

Безусловно, когда мы произносим кодовое культурное слово «персоноцентризм», то имеем в виду все вышеперечисленное. Все эти ценности — в одном ряду, они усиливают друг друга, создавая мощное энергетическое поле. Названные ценности существуют не сами по себе, а в контексте, каждая отдельно взятая ценность служит условием существования другой ценности. *Персоноцентризм — имя этого ценностного контекста.* Персоноцентризм, представляющий собой суммарную ценность, можно описать как «смысловое облако» или «силовое поле», которые обладают потенциалом энергии идеалов. В персоноцентризме, этом кладезе идей и эмоций, мы черпаем уверенность в истинности наших устремлений, что наполняет нас энергией и мотивирует

к созиданию. Мы непроизвольно улыбаемся, ощущая реальность нашего светлого будущего, реальность энергии идеалов.

Если описать персонцентризм как мироощущение — то это ощущение необходимости и возможности *счастья*. Я бы сказал, ощущение неотвратимости заслуженного счастья.

Персонцентризм — это в каком-то смысле *учение о счастье* человека, о счастье умного человека (фелицитология, если угодно).

Для меня *счастье умного человека* — это и есть бренд.

Персонцентризм = счастье. Счастье — бренд персонцентризма.

Получаем следующий расклад культурно-идеологических позиций:

Деньги (сила) = свобода vs Персонцентризм = счастье.

Деньги и свобода (вседозволенность) не изменят наш мир в лучшую сторону.

Счастье — изменит.

Что выше: свобода (вседозволенность) или счастье?

Может показаться, что *или* здесь неуместно. Разве свобода не является условием счастья? Разве можно противопоставлять эти «райские» понятия?

У Пушкина мы находим великолепную формулу, описывающую отношения свободы и счастья: «Я думал: вольность и покой замена счастью. Боже мой! Как я ошибся, как наказан!» («Евгений Онегин»).

Свобода-вольность — плохая, неравноценная «замена» счастью. Большая ошибка подменять счастье свободой индивида (которая обеспечивается деньгами).

Если у нас есть основания полагать, что главное противоречие нашей эпохи индивидуализм vs персонцентризм, то свобода-вольность vs счастье наглядно отражают это противоречие.

Говорим персонцентризм — подразумеваем счастье. Остается добавить, что персонцентризм предполагает *социально-экономическую модель*, персонцентрическую экосистему, противоположную суперкапитализму и конфуцианскому коммунизму.

Какую?

Это особый вопрос, который не является собственно идеологическим, поэтому мы не будем его рассматривать в рамках книги про идеологию.

Почему мы настаиваем на том, что искусственный интеллект, осознанный как персонцентрически ориентированный проект, является для России не просто приоритетным, но и, так сказать, традиционно российским, русским (не в этническом смысле, а в культурном)?

Во-первых, у России (к сожалению, пока об этом мало говорится) есть колоссальный задел в отношении указанной нами проблемы. Личность, которая становится субъектом в контексте проекта искусственный интеллект, убедительно была воплощена (смоделирована) в классической русской литературе (и не только литературе). Иначе говоря, всей своей культурной историей Россия подготовлена к этому проекту в аспекте гуманитарном. Те же достижения социализма не стоит торопиться списывать в утиль под шумок цифровой революции, стесняясь «первобытного» и потому агрессивного соционцентризма, пытающегося прикрыться идеалами персонцентризма. Для всего западного мира Россия скомпрометировала социализм как таковой, как идею социальной справедливости, идею, в рождении которой явно участвовала совесть; сама же Россия относится к своему опыту несколько иначе: конкретный модус социализма, опыт построения социализма и коммунизма в СССР потерпел неудачу, да что там — с треском провалился. Надо это признать.

Но!

Провалился конкретный опыт социализма, в конкретное время и в конкретном месте; социализм как идея

и как идеал вовсе не скомпрометирован навсегда. Он отложен на время. Положен в копилку жизнеустройств. Поживем увидим.

Во-вторых, сегодняшняя Россия, по нашему разумению, обладает всеми иными условиями для реализации проекта. Под необходимыми условиями мы имеем в виду не только материальные, научно-образовательные и человеческие ресурсы, но и моральный климат в обществе, волевой тонус лидеров, понимание стоящих перед страной задач и общий настрой страны (консенсус) на «переворот технологического уклада»; все это позволяет надеяться, что пилотные проекты, наподобие искусственного интеллекта с персонцентрическим уклоном, могут быть если не успешными, то как минимум резонансными.

В-третьих, время не ждет. *Фактор времени становится критически важным.* Если Общество 5.0 раскроет свой негативный потенциал, Общество 6.0 может не наступить. Вот почему стратегия «дождаться, пока проблема созреет, оформится и будет осознана до степени «пора что-то делать»», недальновидна. Проблема созреет и оформится где-то там, на Западе, как всегда, или в Китае, в соответствии с представлением наших партнеров «о добре и зле», о свободе и счастье; если мы хотим решать проблему в нужном нам ключе, необходимо самым активным образом способствовать ее созреванию в нужном направлении и переводу в плоскость практических решений.

В этой связи обратим внимание на очень важный момент. Фактически Россия получает шанс (либо утрачивает этот шанс) оказаться в авангарде колоссальных изменений информационно-идеологического климата на планете. *Уже само участие в персонцентрическом проекте обеспечивает России, даже с точки зрения имиджа, статус величайшей культурной державы мира, цивилизации с неограниченным ценностным ресурсом, которая продолжает двигаться вперед, не утрачивая культурно-исторических корней.*

Перед нами тот случай, когда участие само по себе — победа. Но главное, конечно, — победа в битве цивилизаций. Одна на всех (в масштабе планеты). Свобода vs счастье. Денег на всех не хватит, а счастья хватит.

Перспективы превращения России в величайшую культурную и технологическую державу мира стоят того, чтобы к ним отнестись серьезно.

Совесть в том порукой.

Литература

1. Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.: Монография / А.Н. Андреев — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021 — 430 с.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕСУРС РОССИИ

1. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАРТИН МИРА

Представление о сущности и структуре идеологии позволяет нам сравнить идеологические потенциалы Запада и России в ключе если не гарантированно объективном, то максимально удаленном от субъективности, — хочется думать, максимально научном (с поправкой на то обстоятельство, что ученые также подвержены идеологическому воздействию).

Сравнивая идеологические потенциалы, мы будем ориентироваться на следующие положения.

- Не все цивилизационные проекты (экосистемы) одинаковы. Цивилизационные проекты бывают лучше, а бывают хуже. Критерием выступают высшие культурные ценности.
- Лучшим мы считаем русский цивилизационный проект (мы ищем правду для всех – следовательно, все выигрывают оттого, что выигрываем мы).
- Западный проект хуже, чем русский, ибо Запад с его англосаксонским ядром ищет выгоду исключительно для себя, выдавая свою правду за универсальную; выигрывают только они,

следовательно, все остальные проигрывают и сходят с орбиты истории, чтобы кануть в Лету.

Антропология как комплекс наук, изучающих человека (гуманитарных и естественных: философия, педагогика, психология, история, этика, эстетика, биология, физика, химия и т.д.), на наших глазах делится на две ветви. Первая изучает ресурс человека (психофизиологический, гносеологический, идеологический) с целью поставить потенциал человека на службу человеку. Мы видим свои возможности, расширяем их, движемся вперед, к счастливому будущему. Тотальный антропологический прогресс мы оцениваем как *движение от индивида к личности* в русле высших культурных ценностей. Человек постигает сам себя, осознавая себя венцом творения, ответственным за получаемое познание. Такое постижением себя осуществляется на основе сознательного типа управления информацией.

Эту ветвь познания и освоения мира мы называем *персоноцентризм*.

Персоноцентризм можно условно назвать «богоугодным» отношением к реальности: мы пытаемся познать существующий мир, создавая технологии, направленные на сохранение жизни.

При этом мы упорно ориентируемся на высшие культурные ценности, которые с большим трудом становятся нормой жизни. Они все еще «царство», которое «не от мира сего».

Персоноцентризм как детище культуры — это «царство не от мира сего».

Вторая ветвь антропологии изучает возможности человека с целью эксплуатации этих возможностей, с целью поставить их на службу не личности, а индивиду, который делает все, чтобы заблокировать возможности личности. Манипуляция познанием приводит к тому, что у человека искажаются представления о своих возможностях и перспективах. Он видит только то, что ему показывают или то,

что он хочет видеть (видит луну в пруду, а не на небе). Под манипулятивный контроль элит берется не только антропологическое познание, но и будущее, и в конечном счете — сама жизнь. Такое, с позволения сказать, постижение себя (интерес к себе) осуществляется на основе бессознательного типа управления информацией.

Эту ветвь познания и освоения мира мы называем *индивидоцентризм*.

Индивидоцентризм можно условно назвать «богоборческим» отношением к реальности, бросающим вызов творцу реальности (Субъекту творения), кто бы это ни был, Бог или Натура: адепты такого отношения познают существующий мир с целью контроля над всеми возможными ресурсами, с целью управлять этим миром так, как хочется, а не так, как велят законы познания.

Вот откуда такая резкая оценка индивидоцентрического отношения: «откровенный сатанизм» и «религии наоборот» [1]. «Наоборот» означает веру в силу разрушения, в силу несозидания, в силу корыстного элитарного паразитизма. Отсюда стремление к «подавлению свободы» и «полному отрицанию человека» (отрицанию человека как цели), то есть к полному отрицанию антропологического потенциала.

Индивидоцентризм — это «царство от мира сего», «царство» неустроенности и бесперспективности, «царство» культа силы, не желающее улучшать этот мир, поэтому индивидоцентризм стал обузой для мира сего.

Персоноцентризм реализует себя через идеологию русской цивилизации.

Индивидоцентризм реализует себя через идеологию культа неолиберальных ценностей западной цивилизации.

Причина нашего противостояния с Западом прежде всего в разногласиях по поводу мироустройства — по поводу того, кому человек вручает свою судьбу: силам «не от мира сего», Богу (Природе, объективно

существующим Законам, Истине) или зарвавшейся «элите», «сильным мира сего», которая возомнила себя ставленниками Бога (Силы) и действует по собственному желанию и хотению.

Цена нашего идеологического противостояния с Западом — жизнь человека на Земле. Ни больше, ни меньше.

Таким образом, когда мы говорим о противостоянии цивилизаций, мы имеем в виду, прежде всего, противостояние персоноцентризма и индивидоцентризма.

Смену индивидоцентрической модели развития на персоноцентрическую следует осознать как *информационную революцию*. Не цифровую, а именно информационную, потому что речь идет о смене типов управления информацией.

Примерно то же самое произошло, когда геоцентрическая модель мира сменилась гелиоцентрической. Старый мир рухнул и ушел в небытие, новый появился в муках.

Смена моделей мышления, человека и социума означает появление колоссальных перспектив в развитии человечества.

Мы готовимся к рывку, и модель развития всего нашего мира на сей раз имеет возможность поменять Россия. Ключи от будущего у России (не путать с мессианством).

Возможности «мира сего» контролирует Россия, которая ориентируется на ресурс «не от мира сего»; при этом *кажется*, что возможности мира контролирует Запад.

Вот что следует осознать.

Нам следует оценить (назвать вещи своими именами) и принять логику вещей, которая навсегда изменит нашу жизнь.

До коллективного сознания коллективного Запада постепенно начинает доходить суровая правда жизни: русская цивилизация оказалась значительно ближе к истине, чем цивилизация западная. Гуманистический потенциал православия (нашей версии веры в Правду, в которой Бог) оказался на порядок выше, чем христианство в западной версии (католицизм и особенно протестантизм).

Почему так произошло — это отдельный разговор. Многое на эту тему верно, достаточно глубоко, хотя и кратко, изложено, например, в работах А.И. Фурсова [2]. Мы же отметим следующее. Наша Картина мира оказалась в состоянии впитывать все лучшее, что предлагает мир, в том числе западная гуманистическая мысль, и такое эффективное информационное устройство нашей Картины мира делает ее тотально устойчивой и развивающейся в направлении Истина — Добро — Красота. Их Картина мира отторгает все то, что ставит под сомнение культ силы, поэтому их Картина мира стагнирует и деградирует.

Возникает парадокс: они (Запад) имеют больше возможностей для развития гуманитарных исследований, которые устремляются за грань «мира сего», но развивать их невыгодно, чтобы не расшатывать свою идеологию, которая позволяет им быть успешными именно в «мире сем». Конечно, они злятся — и на порядок вещей (на диалектику?), и на себя, ставящих свои хотения выше законов, и на нас, делающих серьезную заявку на Победу.

Все это провоцирует не просто комплекс неполноценности. Их сила, с помощью которой они привыкли побеждать всегда и везде (исключение — безуспешная колонизация России), вдруг ощутила противодействие иной силы, — другой, непонятной им природы. Русская цивилизация уже вплотную подошла к иному *качеству мышления*, к целостному (не системному) восприятию мира, к *тотальной диалектике*, с помощью которой мы углубляем свою Картину мира; они же упорно

цепляются за старое «доброе» системное мышление, поддерживающее взгляд на мир как на глобальное игровое поле. Им Гегель с Кантом не указ.

Они продолжают находиться в эгоцентрической Картине мира, хотя уже открыта Картина мира персонцентрическая.

Геополитика — продукт системного мышления, которое опорной точкой видит силу; с позиций целостного подхода к мировым проблемам главный ресурс человечества находится в сознании человека, в возможности персонцентрического развития.

Наши враги фактически контролируют весь мир, все уголки земного шара (а также Пандору с Арракисом) — за исключением России. Но у нас силы с каждым днем прибавляются за счет нашего антропологического, ментального ресурса, который *мы еще даже не начали* как следует эксплуатировать, а у них силы с каждым днем тают на глазах.

Возникает страх — безотчетный, неуправляемый, патологический, иррациональный. Страх как проявление неуверенности в своих силах. На почве такого страха возникает то, что мы пока никак не принимаем как данность: не контролируемая сознанием *метафизическая ненависть* к русскому миру, русской цивилизации, русской культуре, русским как таковым.

Метафизическая ненависть находит адекватную форму: фашизм.

Мы-то оцениваем себя как народ добрый, дружелюбный, вменяемый, адекватный, дружащий со здравым смыслом, и потому склонный к компромиссам. И уж во всяком случае, никак не заслуживающий *метафизической ненависти*. Почему вдруг? За что? С какой стати? *Метафизическая ненависть* по отношению к нам вводит нас в ступор, вызывает у нас *метафизическое недоумение*. Мы начинаем в себе искать причину *их метафизической ненависти*. А это в корне неправильно.

Мы создали «Евгения Онегина»; мы создали культуру русского мира, мы создали персоноцентризм. Теперь мяч на их культурном поле.

Ненависть — это проблема наших врагов, а не наша. Не стоит питать иллюзий: у них нет ресурса избавиться от метафизической ненависти, но у них есть ресурс превратить мир в концлагерь. Враги не простят нам нашу правоту; мы для них навечно виноваты уж тем, что мы правы. Наши знамена для них — словно красная тряпка для быка. Всю силу злости на себя они переносят на нас.

Наше противостояние перешло в плоскость иррациональную, метафизическую, мистическую, патологическую — в такую плоскость, где логос бессилён.

Ненависть наших врагов к нам, увы, в известном смысле становится нашей проблемой.

Важное уточнение. Когда мы говорим о *метафизической ненависти* к нам, то как идеологов этой ненависти, как врагов мы имеем в виду не людей, живущих на Западе, не «золотой» миллиард (да и какой он «золотой», если разобраться: потри американца — найдешь русского, европейца, азиата, африканца); мы имеем в виду англосаксонскую элиту, провалившую проект «Западная Картина мира» и все сделавшую для того, чтобы идейно вооружить русских.

Расплачиваться, конечно, будут люди, миллиарды, но виновата манипулирующая ими элита.

В атмосфере ненависти механизмы культуры, то есть механизмы разумного или хотя бы рационального управления, перестают работать. Поэтому международное право перестало функционировать: наши противники действуют исходя из неких «правил», то есть из права сильного. Пока всеми признанное международное право обеспечивало доминирование сильных мира сего, оно их устраивало; как только баланс сил изменился не в пользу сильных, они мгновенно

перешли к «правилам» — к законам джунглей: прав тот, кто сильнее.

Давно замечено: «Там где правила игры не позволяют выиграть, английские джентльмены меняют правила» (*Томас Карлейль, шотландский писатель и философ, 1795 — 1881*).

Или вот еще одно красноречивое свидетельство. В своем известном памфлете «Мы — англосаксы» (1906 г., перевод Н. Дехтяревой) М. Твен описывает то, как он был потрясен откровением «отставного военного в высоком чине», который на банкете в одном из клубов под бурные овации присутствующих «провозгласил громким голосом и с большим воодушевлением: «Мы — англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет»».

Далее М. Твен комментирует: «Если перевести эту выдающуюся декларацию (и чувства, в ней выраженные) на простой человеческий язык, она будет звучать примерно так: «Мы, англичане и американцы — воры, разбойники и пираты, чем и гордимся»».

«На собрании были представлены наиболее влиятельные группы нашего общества, те, что стоят у рычагов, приводящих в движение нашу национальную цивилизацию, дающих ей жизнь: адвокаты, банкиры, торговцы, фабриканты, журналисты, политики, офицеры армии, офицеры флота. Все они были здесь. Это были Соединенные Штаты, созванные на банкет и полноправно высказывавшие от лица нации свой сокровенный кодекс морали».

М. Твен разоблачает двойную мораль: «Наш девиз: «В господу веруем...» (...) Это наш официальный девиз. Подлинный же, как видим, совсем иной: «Когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет»».

Заканчивает М. Твен философской сентенцией: «Что ж, таков род человеческий. У него всегда в запасе два моральных кодекса официальный, который он выставляет напоказ, и подлинный, о котором он умалчивает».

В этом месте хотелось бы возразить критику нравов англосаксонского мира: не стоит отождествлять «род человеческий» и «англосаксов». Англосаксы не выражают лучших стремлений «рода человеческого»; в своем маниакальном стремлении быть первыми англосаксы ведут род человеческий к катастрофе.

Памфлет, кстати, начинается так: «Не знаю, к худу или к добру, но мы продолжаем поучать Европу. Мы занимаемся этим уже более ста двадцати пяти лет. Никто не приглашал нас в наставники, мы навязались сами. Ведь мы — англосаксы».

Со времени написания памфлета прошло еще почти сто двадцать лет. Ничего не изменилось и вряд ли когда-либо изменится в природе англосаксов.

Но если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе; если англосаксы не меняются, то мир вокруг них меняется. Это для них плохая новость. Мир может поменяться настолько сильно, что двойная мораль уже не спасет.

Представление об англосаксах как о цивилизации, которая не считается ни с чьими интересами, ставя во главу угла интересы свои, сформировалось давно и распространено довольно широко. В доказательство приведем подборку глубоких афоризмов, в которых подмечена природа англосаксов.

«Каждый англичанин уверен в одном: быть англичанином — значит принадлежать к самому элитному клубу из всех возможных».

Оскар Уайльд (1854 — 1900), ирландский писатель и поэт.

«Англичане! Вы великий народ, скажу больше — вы великая чернь. Удары ваших кулаков красивее ударов ваших шпаг. У вас есть аппетит. Вы — нация, пожирающая других».

Виктор Гюго (1802 — 1885), великий французский писатель.

Англичане пишут слова «Я» и «Бог» с большой буквы, но «Я» — с несколько большей, чем «Бог».

Пьер Данинос (1913 — 2005), французский писатель.

«Американец — это Дон Кихот здравого смысла, ибо практичен до такой степени, что совершенно оторван от действительности».

Оскар Уайльд.

«Американская мечта: начать делать деньги, затем делать деньги при помощи денег и, наконец, делать большие деньги при помощи больших денег».

Пол Эрджман (1032 — 2007), американский банкир и романист канадского происхождения.

«Я всегда думал, что если бы фашисты могли рассуждать рационально, они создали государство вроде США. И если бы Нюрнбергский процесс был возможен сегодня, любого из послевоенных американских президентов приговорили бы к повешению».

А. Ноам Хомски (род. 1928), американский лингвист и философ.

Англосаксы устанавливают свои «правила» просто потому, что они англосаксы. Они не способны к стратегическому компромиссу — просто потому, что они англосаксы.

Такова реальность, в которой мы живем. Это не шутки. Англосаксы разбудили в себе зверя, с которым сами справиться не в состоянии. Даже ядерное оружие перестало быть гарантией мира. Они сами себя под мантры о своем небывалом практицизме загнали в угол.

Что может быть опаснее загнанного в угол зверя, который ощущает себя как могучий царь зверей и не понимает, что происходит, почему под ним закачался трон?

Ничего опаснее быть не может. Ему нечего терять, он все поставил на силу — и вдруг мистически проиграл

«лузеру». Они страшны тем, что метафизически выбирают смерть как образ будущего. Они выберут — уже выбрали! — войну. Просто потому, что ничего другого им не остается. Просто потому, что они — англосаксы.

Именно этим они опасны, а не своей тающей на глазах силой.

Такова цена роковой недооценки внутренних ресурсов человека теми, кто все поставил на контроль за ресурсами человека.

Глупо отрицать важность экономики и геополитики. Однако в первую очередь не экономика и не геополитика подпитывают западную цивилизацию; ее подпитывает Картина мира. Энергия идеалов, которая способна овладевать массами. *Экономика и геополитика стали инструментами Картины мира, а не наоборот.* Пусть сколько угодно твердят о «честно заработанных» деньгах, «свободном» рынке и «развивающихся демократиях»: они также являются не самоценными «вещами в себе», а инструментами Картины мира. Наши «партнеры» этого не понимают (или скрывают от самих себя свое понимание) — но мы должны это понимать. Мы находимся в состоянии войны с противником, который *метафизически* будет идти до конца. До гробовой доски. Мир, который наши враги будут нам предлагать, всегда будет вариантом отложенного уничтожения феномена русских как вызова цивилизации Запада. Мир в их понимании = пауза в войне, передышка, перегруппировка сил, создание новой тактики в супергибридной войне. Мир как способ подготовки войны. Иного мира не будет. Их «звериную» ментальную природу не поменять — потому что их Матрицу не поменять.

Потому что они — англосаксы.

Они никогда не примут мир, в котором они окажутся на вторых ролях (а счастье всех — это не их праздник; всеобщее счастье они воспринимают как оскорбительное приглашение полюбоваться счастьем других). Их

девиз — власть над миром или смерть не покорившемуся миру. Элиты с молоком матери впитали императив: править миром будет только один. И никого другого, кроме себя, на эту роль они не рассматривают.

А для нас выжить — это победить.

Это означает, что они относятся и всегда будут относиться к нам как к *метафизическому врагу*.

У Киплинга есть «Баллада о Западе и Востоке», в которой девизом высечены такие строки: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда» (пер. К. Филатова); «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут», пер. Е. Полонской.

Перефразируя Киплинга, идеолога индивидуализма, можно сказать: Индивид есть Индивид, Личность есть Личность, им никогда не быть вместе.

Только надо иметь в виду следующее. Личность относится к индивиду как к своему союзнику и ресурсу; в конце концов, индивид породил личность. А для индивида личность — это метафизический враг. Вот почему им никогда не быть вместе.

Индивид не хочет и не может быть вместе.

Личность хочет и может.

Англосаксы не хотят и не могут быть вместе.

Русские хотят и могут.

Но ответственность за противостояние индивид-манипулятор возлагает на личность. Англосаксы, как всегда, во всем винят русских.

Англичанка гадит. Как всегда.

Ничего личного.

С Китаем Запад *в принципе* может договориться, потому что Китай, в сущности, играет в их игру: кто сильнее, тот и победитель (при этом кажется, что Китай играет в свою игру, уверенно ведет свою партию). Этой игры Запад не боится. Это игра по его правилам. Индивидуализм онтологически сильнее социализма, ибо

первый задает содержание второму. Социоцентризм может быть формой проявления как индивидуоцентризма, так и персоноцентризма. Содержание китайского социоцентризма — индивидуоцентризм «с китайской спецификой».

И только Россия сумела поменять цивилизационные правила игры: «кто сильнее, тот и прав» (индивидуоцентризм) мы поменяли на «кто прав, тот и сильнее» (персоноцентризм).

Поменять правила игры — это заявка на какую-то невероятную силу, на лидерство. Нам этого не простят.

Как вы примирите сатанизм и веру в Бога?

Никак.

Что делать в такой ситуации?

Или мы готовы идти до конца — или не стоит начинать. Зачем нам мир, в котором не будет России? Не будет «Евгения Онегина»? Не будет персоноцентризма? Не будет Бога?

Главное — чтобы мы верили в свою Правду, а не они. Верить в Правду и значит идти до конца.

Можно ли принять их «сатанистское» отношение к нам как неизбежное зло?

Здесь нужно быть точным в словах. Надо принять необходимость борьбы с неизбежным злом, но не само зло. Принять как плохую погоду, например. Или как смерть. Мы же не можем отменить смерть? Не можем. Но это не мешает нам жить и радоваться жизни. Отношение приспособления — это и наш союзник.

Реальность дьявола и лжи не отменяет реальности Бога и Правды — следовательно, не отменяет борьбы с дьяволом и ложью.

И вечный бой, и вечная мобилизация.

И ничего страшного. Это жизнь.

Понятия «экономически выгодный», «политически выгодный», и даже «жизненно важный», теряют свой смысл, потому что они вуалируют императив

«идеологически выгодный». Ситуация с Украиной доказала это со всей очевидностью. В подобной ситуации договариваться о чем-либо невозможно, восстанавливать институт международного права бессмысленно, а сидеть сложа руки — смерти подобно.

Как только к нам придет понимание того, что наша жизнь представляет собой сосуществование со смертельно опасным врагом (и не временно, а постоянно — аналогия с дьяволом здесь абсолютно уместна), это понимание навсегда изменит нашу жизнь.

И тогда мы осознаем, что наше спасение в идеологии.

Еще раз подчеркнем. Идеология — это не про благие намерения, чистые помыслы и правильные лозунги; это программа выживания в мире, где метафизическая ненависть к нашей цивилизации стала идеологией наших смертельных врагов. Витальный ресурс — это идеологический ресурс.

Чтобы выжить, надо победить, а победа — это категория идеологическая, если кратко.

Если посмотреть на мир в широком антропологическом контексте, то сторонами конфликта в рамках СВО являются русский мир с его святой, гуманистической идеологией — и управляющие мощью Запада элиты с их сатанистской (sic!) «религией наоборот», с их верой в то, что деньги (сила, контроль над ресурсами) важнее божественных заповедей.

В рамках этого конфликта украинские нацисты, сами того не понимая, выступают в качестве кукол на стороне кукловодов — на стороне неолиберального фашизма.

Следовательно, необходимо понимать, что доведение до победного конца СВО имеет большое символическое значение: победа над украинским нацизмом — это начало уничтожения глобального фашизма.

При этом наша победа озлобит их и придаст им силы.

Их поражение тоже воодушевит их и придаст им силы.

Но для нас куда важнее то обстоятельство, что наша победа придаст нам силы.

Надо отдавать себе отчет: противостояние неизбежно, и воевать придется. Следовательно, военная и культурная мобилизация неотвратимы.

Вот почему наша идеология, наши мотивации в войне с фашизмом просто обречены быть в центре внимания общества и государства. Это условие нашей Победы.

Персоноцентрическая Картина мира настроена и нацелена на то, чтобы представлять внятные, научно обоснованные аргументы, по логике которых именно Личность находится в центре мироздания; для этого предстоит создать *персоноцентрическую антропологию*. Строго говоря, возможность превращения индивида в личность и означает «не в силе Бог, а в Правде» — означает приговор индивидоцентризму и смерти фашизму.

Наша Картина мира — смерть фашизму как радикальной идеологии доминирования индивидоцентризма.

Картина мира отвечает на вопрос «что?», *Технология* отвечает на вопрос «как?». *Картина мира* — это содержание, *Технология* — это форма.

Сегодня *Картина мира* — это не просто бездумное следование традициям, а сознательный культ того, что заложено в традициях. Следовательно, *Технология* поддерживает «сознательный культ того, что заложено в традициях». У нас появились информационные возможности: мы можем предложить правильную, нужную нам «картинку в твоём букваре», патриотическое стихотворение в учебнике, рассказывать правильные истории с самого первого класса; мы можем показать правильные фильмы и мультфильмы; мы можем правильно организовывать досуг, значимые для нас праздники; березка

под окном (образ родной природы), памятники, бессмертный полк, Z, V, одежда, стиль поведения — все это элементы *Технологии*.

Говоря о технологиях, мы имеем в виду и педагогические технологии, которые должны эффективно работать не только в начальной, но и в старшей школе, и в высшей школе. Однако в рамках болонской системы образования, нацеленной исключительно на совершенствование *hard skills*, наши педагогические технологии эффективно развиваться не могли. Сейчас мы вышли из болонской системы и получаем прекрасный шанс делать то, что надо нам. Наши технологии продвигают *наш культурный код*, а не какую-то абстрактную культуру.

В связи с прояснением структуры идеологии позволим себе вернуться к «Евгению Онегину». В романе представлен весь необходимый русскому миру и русской цивилизации дискурс, представлен ярко, убедительно, лаконично. Это наша книга книг, как мы уже сказали. Если Пушкин действительно «наше все», то потому, что сумел создать такую книгу. Если написан «Евгений Онегин» — фашизму конец. Историю вспять не повернуть. Нет ничего удивительного в том, что Запад отменяет Пушкина и вообще всю нашу культуру; было бы удивительно, если бы они этого не сделали. Они поступают вполне в логике своего идеологического дискурса.

В романе в стихах есть и Картина мира, и Матрица и Технология.

Картина мира формируется и существует на уровне Онегина. Этим уровнем занимается наука, в том числе «царица наук», философия, которая выстраивает систему ценностей. Философия истории, философия литературы, философское богословие, философия нравственности. В рамках принятой нами логики наша Картина мира — персоноцентризм, а не индивидоцентризм.

Пушкин создал сам тип героя (Онегина), творчески выстраивающего Картину мира, исповедующего комплекс «горе от ума»; русская литература впоследствии создала целую плеяду таких героев, «лишних людей», и именно это стало вкладом русской литературы в мировую культуру.

Что такое *горе от ума*? Ум ведь должен приносить счастье, вне деятельности ума сама категория счастья теряет свой смысл. В каком случае ум приносит горе?

Формула Грибоедова заставляет вспомнить библейскую максиму Соломона: во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь (Екклесиаст 1. 17-18).

Ум приносит горе тогда, когда личность (умный человек) способна создать персоноцентрическую Картину мира, но вынуждена при этом жить в Матрице Индивида. Матрица считает «лишнего» сумасшедшим, потому что он не такой, как все нормальные люди, а «лишний» с презрением относится к индивиду-потребителю. Онегин утверждает: «Кто жил и мыслил — тот не может в душе не презирать людей». А почему, собственно?

Да потому что люди, индивиды-потребители, недостойны счастья. Онегин вначале и себя презирает как индивида, как одного из многих. Но он нашел в себе силы стать личностью.

В конце концов, он приходит к выводу: «Я думал: вольность и покой (индивидоцентризм — А.А.) — замена счастью (персоноцентризму — А.А.). Боже мой! Как я ошибся, как наказан!»

Вот о чем он думал! Вольность, покой, счастье — это категории, с помощью которых выстраивается Картина мира, определяющая жизнь человека.

Онегин символически прошел тот путь, который проходит русская цивилизация: от индивида — к личности.

Этот путь проходит и вся мировая культура, и каждый из людей (в той или иной степени).

В русской литературе вслед за Онегиным появилась целая галерея классических героев, которые рискнули управлять смыслами, для того чтобы выстроить Картину мира. Как и Онегин, они *думают*, реализуя отношение познания, и вследствие этого приходят к персоноцентризму (в той или иной версии). Чацкий, Печорин, Болконский, Безухов, Базаров, Обломов, Раскольников, Григорий Мелехов, Мастер. Это наш пантеон. Это наш вклад в сокровищницу мировой культуры. Это вовсе не «лишние люди», как принято считать (они являются «лишними» только с позиции индивида, человека Матрицы, для которого сама Картина мира является лишней, не нужной для жизни). Это наше послание миру, наше «высказывание». Это реализация и масштабирование русского культурного кода.

Если Онегин связан с уровнем понимания, то Татьяна Ларина демонстрирует, как уровень понимания Онегина (Картина мира) связан с душевно-эмоциональным уровнем. Матрица — это уровень Татьяны, которая является продуктом Матрицы. В финальной сцене романа (объяснение с Онегиным) Татьяна сообщает читателю следующее: я не понимаю Онегина, но чувствую, что он прав. Вначале она, обращаясь к Онегину, утверждает: «Как с вашим сердцем и умом быть *чувства мелкого* рабом!» Фактически Татьяна заявляет, что ее избранник ничтожество, раб прихоти, хотя сама она в это не верит. Именно поэтому через минуту она опровергнет свои слова про «мелкие чувства» (и это вторая — и главная — часть ее правды): «Я вас люблю, к чему лукавить».

Невозможно любить ничтожество. Татьяна любит Онегина, догадываясь, что он и только он является носителем той Картины мира, в которой им обоим могло бы быть комфортно.

Такие, как Татьяна, очень тонко и глубоко *чувствуют* персоноцентрическую Картину мира, хотя сами ее

не создают. Такие, как Татьяна, образуют ядро Матрицы и цементируют его.

Онегин и Татьяна: вот соединение двух стихий, познания и приспособления, понимания и переживания, начал мужского и женского.

Лучшим мы считаем русский цивилизационный проект (мы ищем правду для всех — следовательно, все выигрывают оттого, что выигрываем мы).

Татьяна стала родоначальницей того типа героинь, которые поддерживают персоноцентрически ориентированных героев. Наташа Ростова, Марья Болконская, «тургеневские девушки» (Лиза Калитина, Наталья Ласунская), Ольга Ильинская, Катерина Кабанова, Анна Каренина, Маргарита. Этот собирательный образ — составляющая русского культурного кода.

Гармоничными, содержательными отношениями в великой русской литературе являются такие взаимодействия, где носители Картины мира (как правило, это мужское начало) нуждаются в людях Матрицы Личности (женщинах и героях).

Так устроен культурный русский человек, устроена его душа, которая является продолжением его ума.

Обратим внимание: в западной и восточной литературе нет культа личности, нет культа «лишних», нет героев, подобных Онегину. Критика индивидуализма есть (М. Твен, Драйзер, Хемингуэй, Фицджеральд и т.д.), но культа личности нет.

Культ личности не присутствует в культурном коде Запада.

Мы создали великую литературу, причем литературу уже современную, последних двух веков.

О чем говорит сам факт создания великой современной литературы?

О том, что наши storytelling'и повествуют про личность. Великая романическая (от слова роман) литература держится на проблематике личности — на том,

что человек, руководствуясь умом, пытается жить в согласии с высшими культурными ценностями. В центре нашей Картины мира — проблемы становления личности.

В центре Западной Картины мира — проблемы существования индивида. Их великие произведения о том, что жизнь индивида фатально отделена от высших культурных ценностей. Наши писатели создают нарративы про «лишних», которые испытывают комплекс «горе от ума» (горе от наличия ума), — то есть про людей с идеалами, с которыми трудно жить в обществе потребления; писатели Запада создают storytelling'и про «потерянное поколение» — то есть про людей, которые живут без идеалов, вслепую и испытывают комплекс «горе от отсутствия ума» (горе без ума).

Что касается Востока, то социоцентрические storytelling'и — это не про личность, а про среду, где жизнь личности не приветствуется и не имеет значения.

Таким образом, в великих произведениях великих писателей в русской литературе XIX века (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Л. Толстой, Достоевский, Чехов) герои делятся на два типа: одни связаны с производством персоноцентрической Картины мира (умные герои, «лишние люди», испытывающие комплекс «горе от ума»), другие живут в Матрице, чаще всего индивидоцентрической, которая отторгает личностное начало. Отсюда — конфликт Картины мира с Матрицей, конфликт героя с обществом.

Триединство «Картина мира — Матрица личности — Технология» и является нашей идеологией, в которой «растворен» наш культурный код. И это триединство лучше всего воплощено именно в художественной литературе высокого класса: здесь Картина мира уже «упакована» в Матрицу с помощью стиля (Технологии).

Наша идеология является не только средством нашей культурной идентификации и нашей визитной карточкой, но и одновременно нашим образом будущего, планом будущего, нашим ответом на вызов времени.

Наша идеология и есть наше конкретно сформулированное предложение миру.

Это не благое пожелание, это именно план. И есть все предпосылки для его реализации.

Какие выводы следуют из сопоставления Картин мира как элементов идеологического дискурса Запада и Русского мира?

Онегина понять трудно. Еще труднее понять глубину философии, которая стоит за Картиной мира Онегина. Усвоение персонцентрической Картины мира по сравнению с Западной требует даже не больших умственных усилий (хотя это, несомненно, так), но, главное, иного качества мышления.

Мы должны быть умнее, если мы хотим раскрыть преимущества нашей Картины мира.

В двух словах коснемся сложнейшего вопроса о разных потенциалах управления информацией, которыми обладают *интеллект* и *ум* [3]. Этот аспект, казалось бы, не имеющий отношения к идеологии, *в конечном счете определяет качество идеологии.*

Интеллект видит мир как систему; вообще объект своего исследования интеллект может воспринимать только как систему — информационную структуру, где определяющими являются отношения «части» и «целого». Западная Картина мира создана интеллектом, держится на интеллекте, воспринимается интеллектом и управляется интеллектом. Воплощена она в Матрице Индивида. *Западная идеология — интеллектуальный продукт.*

Разум (ум) видит мир как целостность, где все связано со всем. Информационная структура объекта

меняется. Отношения «часть — целое» уступают место сетевым отношениям «момент целого — целое». В одном все, и все в одном. Точка целого (узел сети) промаркирована свойствами целого — в капле «содержится» океан. Поэтому в личности ум видит модель универсума. Наша Картина мира создана умом, держится на уме, воспринимается умом и управляется умом. Воплощена она в Матрице Личности. *Идеология русской цивилизации — продукт ума.*

Мы и Запад имеем разные информационные возможности, потенциал и перспективы. Мы должны быть умнее. Надо это понять, осознать и принять для того, чтобы действовать.

Именно потому, что западная Картина мира проще, им необходимо маскировать примитивность под сложность, необходимо манипулировать идеологической информацией, необходимо хитрить и изворачиваться. Именно поэтому удельный вес Технологии в их интеллектуализированной идеологии значительно выше нашей.

Нам казалось: достаточно сказать правду — и тебя услышат и поймут. Правда сама пробьет дорогу.

Оказалось, мало говорить правду, надо уметь ее доносить (быть технологичным). Мы думали, что правда сама себя защитит, что правду, как солнце, не скроешь, если в Правде Бог. Оказалось, реальность сложнее, чем мы думали. Чтобы донести Правду, нужны развитые информационные Технологии. В технологическом (но не в нравственном и научном!) отношении правда ничем не отличается от лжи, являясь условной единицей информации. Мы доносить правду как единицу информации пока толком не умеем, поэтому разрыв в информационных технологиях между нами и Западом нарастает. Они научились доносить любую информацию так, что она воспринимается едва ли не как истина

в конечной инстанции. Они научились любую ложь выдавать за правду, научились врать на голубом глазу. Они научились строить Матрицу с помощью «окон Овертона», цветных революций, медиатехнологий.

Они научились жить по лжи.

Они сумели перенести идеологическое противостояние в область Технологии, несмотря на то, что в Картинах мира у нас преимущество.

Акцент на Технологии они рассматривают как свою идеологическую победу. Ум, Истина, Правда и Бог их не интересуют. Их интересует Сила в технологичной упаковке.

Их стратегия понятна: сумели навязать Технологию как основной театр идеологических сражений — значит, победили.

Преимущество мышления сказывается в работе с информацией. Становится критично важно собирать, обрабатывать (анализировать), передавать, доносить, усваивать информацию, чтобы принимать решения на основе больших данных, реализовывать решения, контролировать их реализацию — для чего необходимо собирать, анализировать и т.д.

Скажи мне, как ты мыслишь, с помощью ума или интеллекта, и я скажу, насколько эффективно ты работаешь с информацией. Причем качество мышления неизбежно сказывается и в сферах далеких от идеологии, определяя все жизненно важные стратегии человечества (постиндустриальное общество, развитие искусственного интеллекта, био- и нанотехнологий и т.д.).

Качество мышления определяет качество управления информацией — информацией, подчеркнем, из разных областей и сфер, не связанных непосредственно с идеологией. Когда мы говорим «идеология определяет все», мы имеем в виду и этот аспект тотальной информационной зависимости. Возникает эффект мультипликации: качество Картины мира и Технологий «вдруг»

сказывается и в таких не смежных, далеких от идеологии областях знаний и практик, как экономика, педагогика, образование, война (любая: «холодная», «горячая», гибридная и т.д.), спорт, наука — словом, везде и во всем.

Именно идеологическое строительство позволит осуществить прорывы во всех остальных областях общественной и государственной жизни.

Наша Картина мира умнее — и в этом наша сила (счастье от ума).

Наша Картина мира умнее — и в этом наша слабость (горе от ума).

Насыщенный умом дискурс является более сложным материалом для Матрицы. Но при этом наша Матрица будет прочнее и долговечнее.

В общем и целом ум, особенно в длительной перспективе, дает нам культурное и идеологическое преимущество.

Что стоит за нашим девизом «не в силе Бог, а в Правде»?

Мы убеждены, что есть на свете вещи сильнее силы. Есть вещи, которые за деньги не купишь. Которые нас мотивируют, ибо являются *мерой всех вещей*.

Что это за мера?

Это совокупность высших культурных ценностей: Бог, истина, добро, красота, любовь, свобода, семья, личность, достоинство, а также все от них производные. Носитель этих ценностей — личность.

Чтобы усвоить наши ценности, нашу Картину мира, чтобы нашими глазами посмотреть на мир, надо радикально улучшить *качество мышления, поменять тип управления информацией*. Надо усовершенствовать мышление. Надо думать по-другому. Наша Картина мира — это не про веру в силу силы, а про понимание того, что верить в силу надо с умом.

Процесс создания нашей Картины мира начинается с изменения мышления, и *наша Картина мира — это результат нового мышления.*

Мы говорим: ударили по одной щеке — подставь другую.

Но! Не дай ударить.

Иными словами, дай шанс врагу понять твою Правду (не в силе Бог), и только если враг не идет на компромисс, отвечай силой на силу, круши, как они это любят.

Еще в Писании сказано: но вы любите врагов ваших (Лука 6.35). Не сказано — мстите; сказано «любите» — будьте выше природы, выше звериного в вас, живите по законам культуры.

Отсюда наши принципы: прежде чем захватить город, надо предложить врагам капитуляцию во избежание жертв. Война не меняет наших принципов.

У наших врагов все проще: око за око, зуб за зуб (что они воспринимают вне гуманистического контекста: мстите, забудьте про любовь). Стимул — реакция. Будьте проще, ведь вы родом из природы.

Око за око — формула страха.

Любите врагов — формула любви.

Почувствуйте разницу.

Восточная пословица гласит: «Ищи Луну на небе, а не в пруду». Кто-то верит, что Луна в пруду, хотя на самом деле она на небе. Проще верить в то, что видишь здесь и сейчас своими глазами, в отражение (лучше один раз увидеть, чем сто раз понять); сложнее верить в то, что неочевидно, но тем не менее реально — в то, что Луна на небе, например, в то, что Земля круглая.

Наша Картина мира — это сложный культурный продукт (цепь сложнейших умозаключений и доказательств), а их культ силы — это простейшая бессознательная природная установка как результат не критического

восприятия информации, представленной чувствами, но не прошедшей проверку разумом.

Их Картина мира проще, их внутренний мир проще — и надо признать, что в определенном смысле — это их сильная сторона (с позиций предложенной нами идеологической структуры). Упрощенная Картина мира (верю в то, во что хочу верить) позволяет создать устойчивую Матрицу Индивида и ее информационное обслуживание. В целом это дает идеологическое преимущество — на короткий отрезок исторического времени, но не на длительную перспективу, не «вдолгую». С помощью информационных технологий, в которых они дьявольски сильны, они создали Матрицу Индивида, где люди верят даже в то, во что они и не верят.

Наша Картина мира сложнее (мы видим то, что есть, а не то, что хотим видеть), соответственно, нашу Картину мира сложнее донести до сознания массового человека. Матрицу Личности создать сложнее, нежели Матрицу Индивида. Надо принять это как часть нашей правды. И информационные технологии, обеспечивающие функционирование Матрицы Личности, должны быть куда более креативными и творческими по сравнению с западными технологиями.

Главная проблема идеологии — мера объективности. Кто более объективен, тот и будет, в конечном счете, более успешен. Наше преимущество в том, что наша идеология в целом гораздо объективнее оценивает реальность, нежели западная идеология. Именно это позволяет нам достаточно уверенно смотреть в будущее. Наша Картина мира рассчитана на долгую жизнь человечества, жизнь, где Правда будет сильнее Силы. Именно это деморализует Запад.

Да, нашу Картину мира сложнее усвоить и принять, потому что необходимо более высокое качество мышления, но счастье людей связано именно с нашей Картиной

мира. Рано или поздно большинство это поймет, а если не поймет, то почувствует.

Вот почему у людей, находящихся под пятой «силового» мировосприятия, существует скрытый и явный запрос на нашу Картину мира и на нашу Матрицу личности, где Правда выше Силы. Но нашу Картину мира надо уметь преподносить. С миром надо говорить на его языке — на языке, к которому их приучил интеллектуальный, технологичный, но умственно не очень развитый Запад.

Мы пока этого должным образом делать не умеем.
Мы должны будем быстро этому научиться.

Как мы оцениваем соотношение наших идеологических потенциалов?

Сам факт того, что наша Правда объективнее, сложнее и перспективнее их примитивной «правды про силу», говорит о том, что мы обладаем серьезным преимуществом.

Создание Матрицы Личности задача очень сложная, но она гораздо более реалистичная, нежели неподъемная задача Запада: с ресурсом Матрицы Индивида завоевать (sic!) будущее.

Площадка для старта в будущее — Матрица Личности, и *Гимн Земли будет создан на наши слова*. Не на их.

А что делать Западу?

Мы стали наследниками лучших традиций Европы. Наша цивилизация европейская по своему генезису, никакого азиатского культа тотального социоцентризма у нас нет. Персоноцентрическая ориентация — это европейская традиция, которая во многом именно нашими усилиями существует как традиция.

Теперь пришел черед индивидуоцентрического Запада приобщаться к сохранным и усовершенствованным нами европейским традициям. Если, конечно, будущее их в принципе интересуется.

Не стоит заблуждаться: масштабной войны идеологий как битвы цивилизационных гигантов пока еще не было; война идеологий нам еще только предстоит, вот почему так важно быть к ней готовым.

Чтобы оценить степень идеологической изощренности нашего врага, оценим их коварную методологию.

«Я никогда не умру за свои убеждения, потому что могу ошибаться».

Бертран Рассел (1872 — 1970), один из наиболее влиятельных западных философов XX века, — либеральных, разумеется, философов.

На первый взгляд, в словах Рассела можно усмотреть честность исследователя, готового идти в бескомпромиссном познании до конца. Он готов называть вещи своими именами, не считаясь с нравственными издержками. Такая позиция, казалось бы, вызывает уважение. Однако если вдуматься в его слова, то в переводе с языка либеральных смыслов на язык смыслов объективных они означают: я никогда не умру за свои убеждения, потому что у меня нет и не может быть твердых определенных убеждений. Я человек без убеждений — следовательно, я вне идеологии.

Так ли это? Можно ли позволить себе «роскошь и привилегию» быть вне идеологии?

На самом деле это краеугольный камень либеральной Картины мира. Абсолютизация относительности называется.

Это уже из репертуара Матрицы индивида. В идеале у индивида нет убеждений, он вполне может без них обойтись; у него есть только потребности. Какие потребности?

Если нет культурных потребностей, если нет потребности иметь убеждения (которые складываются в идеологию), значит человеком правит потребность жить в предлагаемых обстоятельствах, жить не по уму, а по инстинкту — жить по законам природы. А законы природы известны: кто силен — тот и прав.

А это уже идеология. Тот, кто не собирается умирать за свои убеждения, все равно их имеет. Просто таким убеждениям грош цена, за них умирать точно не стоит.

Потребность становится идеологией — пусть скрытой от сознания индивида, но идеологией. Таков «пещерный» алгоритм формирования индивида. Обратим внимание: потребителю не нужна культурная идеология, ему вообще не нужна культура. Культ потребления обнуляет потребность в культуре и идеологии.

Так современный человек мгновенно оказывается человеком докультурным. А если человека лишить энергии (электричества), он буквально в одночасье может оказаться в положении человека пещеры.

Это, конечно, пугает. Поэтому идеалы индивида полны страхов. Поэтому и будущего он не видит. Поэтому личность его бесконечно раздражает — как воплощение того, чему он проигрывает. Рядом с личностью индивид испытывает комплекс неполноценности.

Человек, имеющий внятную Картину мира, готов умереть за свои убеждения, даже если они в чем-то несостоятельны или не могут быть обоснованы со стопроцентной убедительностью. Вера в гуманистическую, научно обоснованную Картину мира — обязательное условие существования человека культурного. Неуверенность в своих когнитивных способностях и возможностях, неумение отделять «истину» от «ошибки» (или, если угодно, умение «истину» превращать в «ошибку», а «ошибку» в «истину») — это признак не силы, а слабости, лишаящей человека воли к познанию, воли к идеологии.

Коротко говоря, относительность познания не отменяет познавательного отношения как такового; наоборот — предполагает. Глупо не замечать того, что сделал и может сделать человек, хотя это и не означает, что человек может познать мир абсолютно.

Абсолютно — не может.

Но относительно — может.

Чтобы лишить нас идеологии, англосаксы готовы пойти на все — даже на то, чтобы «лишить» себя идеологии.

Ни одному их слову верить нельзя. Англичанка гадит даже тогда, когда убеждена в обратном. Привычка врать — их вторая натура.

Я не отношу свои слова персонально к Б. Расселу: у меня нет ни оснований, ни желания оскорблять конкретного человека. Я отношу свои слова к природе, к культурному коду англосаксов, которые сказываются в их Картине мира.

Мы — англосаксы.

Да, вы такие.

Нам предстоит сделать то, что кроме нас никто в мире делать не может и не хочет, и это совсем не то, что делает Запад.

Нам предстоит идти не в фарватере Запада, наша задача не усовершенствовать то, что придумали другие, а самим придумывать нечто принципиально новое. Одно дело импортозамещать, делать свое по чужим лекалам, и совсем другое изобретать лекала, делать то, что еще никто не делал.

Идеология — это история не про импортозамещение, а про экспортоориентированный эксклюзивный продукт.

Адаптировать их повестку к новым условиям — это стратегия защиты, это мы умеем. Теперь пора перестать подражать Западу, пора переходить в наступление. И надо отдавать себе отчет: готовых сценариев и рецептов у нас нет.

Это принципиально новая социокультурная ситуация.

Мы — и неизвестное. И надо туда идти.

Кто, если не мы?

Никто, кроме нас.

Картина мира — это то, что постоянно совершенствуется. Создать и поддерживать на высоком уровне Картину мира — это амбициозная задача для всего человечества.

Матрицу построить легче, потому что здесь задействован не столько умственный, сколько интеллектуальный потенциал. И делать это надо немедленно. Одно поколение — срок достаточный для построения нашей Матрицы Личности.

Литература

1. Полный текст обращения Владимира Путина 30 сентября 2022: стенограмма выступления <https://www.kp.ru/daily/27452.5/4655517/>
2. Фурсов А.И., Вернадский И.В., Вандам А.Е. Русские. О главном противнике. — М., Издательство Наше завтра. — 480 с.; Фурсов А.И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты — М., Издательство «Книжный мир», 2017
3. Зачем нужны умные люди? Антропология счастья в эпоху перемен / Анатолий Андреев. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 692 с. — (Психология. Высший курс). <https://www.litres.ru/anatoliy-andreev/zachem-nuzhny-umnye-ludi-antropologiya-schastya-v-epohu-p/chitat-onlayn/>

2. МАТРИЦА ИНДИВИДА, МАТРИЦА ЛИЧНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЯ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

«Матрица» культивирует бессознательное отношение к миру; «Картина мира» — сознательное. При этом важно понимать, что качество «Картины мира» (качество системы) напрямую не определяет качество «матрицы» (качество интуитивного восприятия системы). Определяет *в конечном счете*, но не обязательно здесь и сейчас.

Качество «Матрицы» может быть как выше, так и ниже качества «Картины мира».

Вот этот зазор между уровнями идеологии критически важно иметь в виду, когда мы сравниваем идеологический потенциал Запада и России.

Подробнее поговорим о Матрице. Она того стоит.

Матрица имеет непосредственное отношение к закону общения — закону передачи, восприятия и управления информацией.

Матрица — это история про два типа управления информацией, которые функционируют на уровне психики и на уровне сознания (интеллекта, ума). Если вы умеете грамотно управлять информацией — вы эффективны в общении, если нет — вас не понимают, вы не доносите ту информацию, которую хотели донести, вы не контролируете процесс управления информацией.

Закон общения гласит: если коммуникация была неэффективной, всегда виноват тот, кто говорит, кто доносит информацию, а не тот, кто слушает (воспринимает).

Таким образом, идеология на уровне Матрицы и Технологии имеет прямое отношение к искусству общения, искусству донесения ценностей от субъекта к объекту.

Что значит идеологическое управление информацией?

В сфере идеологии управлять информацией — значит «переводить» с языка понятий (языка сознания) на язык образов (язык психики), и наоборот. С языка Картины мира на язык Матрицы. С языка доказательств на язык убеждений. Тот, кто умеет это делать, тот становится властелином душ и умов огромного количества людей, тот владеет вниманием аудитории, «овладевает массами», даже если масштаб аудитории — планета Земля.

Общаться — значит подбирать ключ к интеллекту, уму и душам людей. Этим и занимается Технология. Кстати, навык «перевода», конвертации информации с логоцентрического формата в образный (чувственно-воспринимаемый) лучше всего отрабатывать на материале художественной литературы. Почему?

Потому что в литературе, особенно великой, всегда присутствуют два пласта: Картина мира и Матрица (о чем мы уже говорили). Понять литературу — значит перевести информацию с языка Матрицы на язык Картины мира (и наоборот). Наслаждаться литературой — значит воспринимать ее «в целом», одновременно и со стороны Матрицы, и со стороны Картины мира. Эстетическое наслаждение имеет отношение к Технологии — к «качеству перевода» с языка Матрицы на язык Картины мира и наоборот.

Литература — пища для ума и души одновременно; именно в процессе восприятия художественной литературы происходит тот самый «катарсис»: читатель учится понимать, делая это с удовольствием (при этом понимание увеличивает удовольствие).

Здесь срабатывает еще один закон: чем качественнее литература, с которой работают сознание и «душа» читателя, тем совершеннее становится навык «перевода» у читателя, — следовательно, выше становятся его шансы на лидерство в общении, в эффективности донесения нужной ему информации.

Русская литература не имеет себе равных в мире, это величайшая на свете литература. Соответственно, наши

шансы воспитать поколения, подготовленные к восприятию нашей сложной Картины мира, велики.

Наша великая литература — наше великое преимущество.

Честно говоря, не очень понятно, как Запад без такой литературы, как наша, собирается быть лидером в построении прогрессивной Картины мира?

Скорее всего, Запад не ставит перед собой такой задачи. Он ставит задачу победить Картину мира матричной картинкой. Он собирается и дальше манипулировать общественным сознанием.

Он собирается врать и врать, истребляя гуманистическое начало на корню.

А каким образом получилось, что мы владеем великой литературой, которая предоставляет нам великие возможности? Великая литература — это продукт нашей особой информационной одаренности (умственной) или следствие нашей устремленности к достижению великих целей?

Конечно, без одаренности в деле создания литературы не обойтись. Но не литературный талант как таковой делает нашу литературу великой. Мы стремимся к великой цели, мы осваиваем Картину мира в великом формате «не в силе Бог, а в Правде». Нацеленность на Правду (Истину) сделала нашу литературу великой. Какова рыба — такова и сеть.

Великий принцип — великая литература — великое преимущество — великие возможности в деле управления информацией.

Картина мира в формате «не в правде Бог, а в Силе» ограничивает возможности литературы и снижает возможности управления информацией.

Поскольку Матрица и Картина мира относительно автономны, возникает окно невероятных возможностей

для манипуляций. Что бы мы ни говорили про Онегина и Татьяну, в их сложных отношениях присутствует и момент автономии: каждый из них по-своему прав. Матрица убеждает (воздействует на чувства), Картина мира доказывает (воздействует на интеллект и ум). Обладая технологиями убеждения (технологиями замещения реальности образами выдуманной реальности), мы имеем возможность заставить поверить в ту правду, какую посчитаем нужной.

Вот этот зазор (величина автономности) между Картиной мира и Матрицей дает возможность тем, кто не обладает сложной, научно обоснованной Картиной мира, выстроить устойчивую Матрицу, где *кажется*, что ты прав.

Термин Матрица не содержит в себе оценочное суждение, как мы уже отмечали. Чтобы было понятнее, что мы имеем в виду под Матрицей, приведем аналогию. Существуют ядерные технологии, и сами по себе они не промаркированы значком «добро» или «зло». С помощью ядерной технологии можно изготовить атомную бомбу, оружие массового поражения — и тогда ядерная технология, особенно в случае неоправданного применения, как это было в Хиросиме и Нагасаки, служит злу (войне). А можно создать атомную электростанцию, которая обеспечивает людей дешевой и экологически чисто энергией — и тогда ядерная технология (мирный атом) служит добру (делу мира).

Матрица, как и ядерная технология, сама по себе нейтральна, она будет обслуживать ту систему ценностей, которую предложит ей Картина мира.

Матрица — это своеобразная «тень» от Картины мира. Матрицы не бывает без Картины мира; однако путать Матрицу и Картину мира — всё равно, что путать божий дар с яичницей. Это две разных, относительно автономных, информационных реальности, которые существуют в неразрывном единстве.

Закон Матрицы гласит: если человек формируется не в нашей (персоноцентрической) Матрице Личности, значит, он формируется в чужой (индивидоцентрической) Матрице Индивида. Ничьих Матриц не бывает, следовательно, не бывает нейтральной по отношению к индивидоцентризму и персоноцентризму ментальности.

Либо — либо. Либо наш, либо чужой.

Идеология либо работает, либо не работает. Задача идеологии в целом может считаться выполненной, а цель достигнутой тогда, когда *каждый* понимает, что ему делать.

Матрица — это уже идейно-технологический продукт. Матрица — это информационное пространство, созданное в результате информационной конвертации, — созданное с помощью перевода информации с языка логоцентрического (с языка понятий, понимания, картины мира) на язык чувств и эмоций (на язык чувственно воспринимаемых образов). С языка сознания на язык психики.

С языка понимания на язык веры, если совсем просто.

Матрица создается не через научный формат, а через формат *storytelling* (рассказывание историй) — с помощью приема, который помогает донести информацию через рассказ или историю (через индивидуальный образ, через конкретный пример). Матрица строится на информации, воспринимаемой чувствами, — это главное.

Картина мира строится на информации, которая воспринимается, обрабатывается и управляется не чувствами, а сознанием (интеллектом, разумом).

Матрица — это про бессознательное.

Картина мира — про сознательное отношение.

Качество Картины мира (качество системы) напрямую не определяет качество Матрицы (качество интуитивного восприятия системы).

Качество Матрицы может быть как выше, так и ниже качества Картины мира.

Итак, мы производим и воспринимаем информацию или в формате *storytelling* — или в формате абстрактно-логических словесных формул, выражающих закон.

В идеале усвоение словесных формул происходит через *storytelling*. Этот информационный закон является законом идеологическим.

Давайте посмотрим, как этот закон «работает» в литературе.

В связи со всем вышесказанным обратимся к рассказу А.П. Чехова «Дома» (1887) [1], чтобы лучше понять особенности языка Матрицы.

Рассказ интересен нам тем, что в нем ярко и доходчиво показано, как функционируют и сосуществуют два языка культуры: язык Картины мира (*язык абстрактно-логических понятий*) и язык Матрицы (*язык чувственно воспринимаемых образов*).

С помощью первого выстраивается Картина мира.

При помощи второго Картина мира адаптируется к сознанию Матрицы; образы становятся «строительным материалом» Матрицы.

Возникает впечатление, что между Картиной мира и Матрицей — непреодолимая пропасть. И тот быстрее и надежнее выстроит свою Матрицу, кто сумеет навести мосты между Картиной мира и Матрицей.

Рассказ построен как беседа, как диалог двух сознаний: папы, прокурора Евгения Петровича, и его семилетнего сына Сережи. Воспитателя и воспитанника. Поводом для нравоучительной беседы послужил проступок мальчика: он курил табак, который без разрешения взял из кабинета отца. Отец-прокурор пытается вразумить сына, что курить вредно, напирая на то, что Сережа взял чужой табак.

«— Во-первых, ты не имеешь права брать табак, который тебе не принадлежит. Каждый человек имеет право пользоваться только своим собственным добром, ежели же он берет чужое, то... он нехороший человек! («Не то я ему говорю!» — подумал Евгений Петрович.) (...) Ведь правда? У тебя есть лошадки и картинки... Ведь я их не беру? Может быть, я и хотел бы их взять, но... ведь они не мои, а твои!

— Возьми, если хочешь! — сказал Сережа, подняв брови. — Ты, пожалуйста, папа, не стесняйся, бери!»

Брать чужое — это одно, а курить — это другое. Мальчик не понимает, почему папу так расстраивает то, что он покурил всего-то два раза. Чужое брать нехорошо, мальчик с этим согласен. А вот по поводу курения... Информацию о вреде курения мальчик не воспринимает как реальное руководство к действию, как мотив поведения.

«— Во-вторых, ты куришь... Это очень нехорошо! Если я курю, то из этого еще не следует, что курить можно. Я курю и знаю, что это неумно, браню и не люблю себя за это... («Хитрый я педагог!» — подумал прокурор.) Табак сильно вредит здоровью, и тот, кто курит, умирает раньше, чем следует. Особенно же вредно курить таким маленьким, как ты. У тебя грудь слабая, ты еще не окреп, а у слабых людей табачный дым производит чахотку и другие болезни. Вот дядя Игнатий умер от чахотки. Если бы он не курил, то, быть может, жил бы до сегодня».

Но аргументы не произвели на мальчика ровно никакого впечатления.

Маленький Сережа — человек Матрицы, аргументы логического свойства он не воспринимает. Тогда Евгений Петрович меняет способ подачи материала. Тот же посыл (курение вредит здоровью, следовательно, курить надо бросать) он «упаковывает» в формат сказки, формат storytelling.

«Евгений Петрович подумал и продолжал:

— У старого царя был единственный сын и наследник царства — мальчик, такой же маленький, как ты. Это был хороший мальчик. Он никогда не капризничал, рано ложился спать, ничего не трогал на столе и... и вообще был умница. Один только был у него недостаток — он курил...

Сережа напряженно слушал и, не мигая, глядел отцу в глаза. Прокурор продолжал и думал: «Что же дальше?» Он долго, как говорится, размазывал да жевал и кончил так:

— От курения царевич заболел чахоткой и умер, когда ему было 20 лет. Дряхлый и болезненный старик остался без всякой помощи. Некому было управлять государством и защищать дворец. Пришли неприятели, убили старика, разрушили дворец, и уж в саду теперь нет ни черешен, ни птиц, ни колокольчиков... Так-то, братец...

Такой конец самому Евгению Петровичу казался смешным и наивным, но на Сережу вся сказка произвела сильное впечатление. Опять его глаза подернулись печалью и чем-то похожим на испуг; минуту он глядел задумчиво на темное окно, вздрогнул и сказал упавшим голосом:

— Не буду я больше курить...»

Евгений Петрович добился своего: он донес до сознания мальчика, какую опасность таит в себе курение.

Но каково же было при этом изумление Евгения Петровича: он-то своего добился, но *как* он это сделал — он и сам не понял. С помощью сказки, невнятных картинок он добился того, чего не сумел добиться с помощью точно сформулированных мыслей.

Этот простой пример демонстрирует нам закономерность, над которой следует задуматься. Сложность Картина мира не усваивается, если воспринимающее сознание не в состоянии принять степень этой сложности.

Возникает эффект непонимания: ваш собеседник вас не понимает. Слишком сложно. Не в коня корм.

Надо искать способы достучаться до сознания, которое на порядок ниже вашего уровня, и вот тут на помощь приходит технология Матрицы. Оказывается, можно доносить идеи через переживание, мысли — через чувства, Картину мира — через Матрицу.

Можно, оказывается, доносить мысли с помощью того, что мысли, казалось бы, никак не может доносить. С помощью огня заморозить лед.

Матрица и пользуется этой информационной возможностью.

Итак, есть Картина мира и есть Матрица. Где здесь место Технологии, и каковы ее функции?

Технология — это способы и приемы создания Матрицы, то есть среды обитания и «способа существования» людей Матрицы, таких, как Татьяна или Сережа. Как проявляет себя Технология?

В художественной литературе она проявляется как стиль. Однако применение Технологии не ограничивается областью художественной литературы.

Ценностные установки незримо присутствуют в вере, народных «свичах и обычаях», традициях, в окружающей природе, образе и укладе жизни, привычках, общественной морали («я вас люблю к чему лукавить; но я другому отдана, я буду век ему верна»), светских и религиозных праздниках, в литературе (storytelling), в образовании (которого не бывает без воспитания) — во всем том, что можно почувствовать, ощутить, что воспитывает человека в духе определенной идеологии.

В чем слабость нашей идеологии на сегодняшнем этапе?

В отсутствии качественного storytelling'a. На девяносто процентов в Технологии.

Еще раз вспомним их удачный пример сегодняшней реализации принципа «не в правде Бог, а Силе». Storytelling «Гарри Поттер». Принцип эгоцентризма и индивидоцентризма побеждает красиво и убедительно.

Где наш ответ? Где удачная реализация принципа «не в силе Бог, а в Правде»?

Когда-то удачной моделью стал бестселлер «Тимур и его команда». Сегодня он уже устарел, перестал быть актуальным и перестал работать. Детям это текст читать неинтересно. Надо найти свой ответ. Это задача Технологии. Принцип персоноцентризма (личность+коллективизм) пока не воплощен. Эта ниша в нашей Матрице пуста. Вот почему ее так легко занимает «Гарри Поттер».

Их слабое место — образ будущего, точнее, отсутствие такового.

Наше сильное место — образ будущего.

Но что мы видим в реальности? Их слабый образ будущего формирует повестку по будущее. Почему?

У них есть фильмы «Дюна» и «Аватар», в которых представлена модель ужасного будущего, повергающего в шок мыслящего человека.

У нас есть фильм «Гостя из будущего» (1984). Наш фильм про хорошее будущее, светлое будущее.

Но их фильмы, весьма слабые по содержанию, сняты и сделаны очень креативно — так, что их хочется смотреть и пересматривать, а художественное качество нашего правильного фильма, как говорят в таких случаях, оставляет желать лучшего.

Их фильмы — по-своему шедевры, а наш производит впечатление «сделанного на коленке», наспех, без творческого вдохновения.

Зритель делает вывод: они креативнее, изобретательнее, они художественно инициативны, наступательны, они задают тренд — следовательно, они успешнее.

Их Матрица и Технологии успешнее, а кажется, будто их Картина мира сильнее. Вот как работает Матрица.

Художественное «высказывание» Ларса фон Триера мы уже комментировали. С режиссером невозможно согласиться. Но его мастерство, его *креативность*, умение пользоваться сложным языком кино, возможностями кинематографа в деле построения Матрицы служат «доказательством» правоты фон Триера и стоящей за ним успешной и *креативной* цивилизации.

Матрица воспроизводит Матрицу, маскируя слабость Картины мира.

Кто посмотрит фильмы Кэмерона и фон Триера и сравнит их с нашими, тот встанет на их сторону, потому что все воспринимают очевидное: их культурный продукт круче, следовательно, западная цивилизация успешнее, ибо сильнее, и правда на стороне сильных. Что и требовалось доказать.

Такова цена технологии, умения создавать стиль.

Излишне говорить о том, что фильмы снимать мы умеем. Но указанная нами ниша (образ будущего) в нашей Матрице пуста, и ее заполняют западные, хорошо сделанные фильмы.

А теперь спросим себя: где наши фильмы и книги про семью — про семью как воплощение нашего принципа «Бог в Правде и Любви»? Про семью, где воспитываются «вещи», которые не купишь за деньги: дружба и любовь? Про семью как высшую ценность? Про мощь разума и культуры, наконец?

Не просто забавные и развлекательные, а выполняющие конкретную идеологическую нагрузку. Сделанные так, чтобы всем захотелось иметь семью. Надо же смотреть хотя бы на шаг вперед: талантливых, креативных фильмов про разрушение семьи сейчас будет море, про размытую гендерную идентичность — пруд пруди,

про «родителя № 1 и родителя № 2» — валом вали, про семьи полиаморные и гомосексуальные будут слагать саги, ставить на поток триллеры и верстать сериалы. И что будет смотреть молодежь, если не будет наших талантливых фильмов про семью?

При этом надо не просто отвечать или даже достойно отвечать; надо перехватывать инициативу и формировать семейную или футурологическую повестку.

Их Матрица проникла в нашу жизнь в такие поры, что мы даже не замечаем этого. Вот показательный пример. Дети празднуют день рождения. На подобные праздники принято приглашать аниматоров, массовиков-затейников, которые развлекают детей популярными персонажами и сюжетами, связанными с этими персонажами. Что выбирают дети сегодня?

Наиболее популярные персонажи — Леди Баг и Суперкот, которые при помощи особых талисманов «квами» творят чудеса; ну, и Гарри Поттер, само собой, вместе с магической шляпой, волшебной палочкой и шрамом на лбу. Все дети знают, откуда взялся этот шрам. Все обсуждают приключения Гарри.

Леди Баг, Суперкот и Гарри Поттер — это персонажи из Матрицы Индивида, которые являются символами победы и успеха наших врагов. Их символы, взятые из их мультиков, воспитывают наших детей. Наши дети вырастают в их Матрице. К чему это приводит?

К разрыву между нашей Картиной мира и нашей Матрицей, к тому, что выросшие на Гарри Поттере дети покидают Родину тогда, когда надо ее защищать.

Где наши мультики? Никто не приглашает на день рождения Чебурашку, при всем уважении к этому милому существу. Хочешь победить — воспитай детей врага. Мы это знаем, они это делают.

Зайдите в любое кафе (фаст фуд, бургеры, маффины...), в любой торговый центр (джинсы, леггенсы,

байки, худи...), в любой салон. Там всегда звучит фоновая музыка, причем музыка всегда и только западная. Днем, вечером и ночью. Сложите паззл: наши потребительские предпочтения (шоппинг, кайф, бездумное времяпровождение) ненавязчиво (круглосуточно) формируются под сопровождение западной музыкальной культуры, закрепляя рефлекс: они всегда и во всем успешнее нас.

День влюбленных многие еще празднуют в день святого Валентина, 14 февраля (католический праздник), а не 8 июля, в день памяти святых Петра и Февронии (праздник православный). Сколько надо снять фильмов и написать книг, чтобы вернуть нам наш день влюбленных и сделать этот миф инструментом нашей идеологии?

Какие надписи на футболках носим мы, вступившие в войну с Западом?

На наших футболках красуются их девизы, бренды или знаки их успешности. Мы первыми полетели в космос, но футболки наши украшает NASA (логотип Национального аэрокосмического агентства США). Почему не ГАГАРИН?

С точки зрения бизнеса, продают то, на что есть спрос. А спрос всегда имеется на желание и потребность выглядеть успешным. Вот мы и подражаем им, ибо считаем их более успешными, чем мы.

Казалось бы, чистый бизнес, никакой идеологии. Но бизнеса без идеологии не бывает. *Идеология присутствует во всем.* Наш бизнес обслуживает их идеологию, а должен обслуживать нашу.

Нам буквально вбивается в голову, что они успешнее. Через книги, фильмы, мультфильмы, музыку, кафе, магазины, майки, джинсы — буквально через все, что нас окружает. 24/7.

Что нам надо делать?

Их Матрица — реальность, наша Матрица — в стадии проекта.

Мы не почувствовали еще вкус нашей Матрицы. Как живет человек в нашей персонцентрической Матрице?

Мы не знаем. Как на Марсе. Возможно, хорошо. Но мы там не были, точно сказать не можем. Они художественно могут воплотить свои Технологии в реальность. Пример — Украина. За двадцать-тридцать лет появилась новая Матрица. Их Матрица позволяет жить по определенным правилам, нравятся они кому-то или нет.

Наш потенциал ясен малому количеству людей, а Матрица — это каждодневная среда обитания всех. Нам тоже нужно, в сущности, немного, лет двадцать — но мы отчетливо должны понимать, что мы собираемся строить.

И наше понимание должно транслироваться «из каждого утюга». 24/7.

Пока они будут продавать свою цивилизацию как более успешную, их знаки успешности будут востребованными во всем мире более наших.

Нам нужно не просто круче, чем у них; нам нужны прорывы. Нам нужно не подражать, не идти в фарватере, а диктовать, пролагать свой фарватер.

Вот Пушкин был прорыв, Чехов был прорыв. Стравинский, Рахманинов, Прокофьев, космос, балет, наука. Опыта прорывов у нас предостаточно. Надо диктовать моду, а не следовать ей.

Но инициатива пока у них. То гендерные проблемы навязывают миру, то VLM, то «культуру отмены», то очередной «закат» мира, истории и цивилизации в версии Фукуямы все обсуждают, то моду на русофобию введут, то рэп, джаз, фэнтези, хорор, моду на худых, моду на полных и т.д.

Уже не важно, что обсуждать; важно, что они контролируют повестку. Если они говорят глупость, но вы ее

обсуждаете (опровергаете, доказываете, что это глупость, удивляетесь их глупости), то инициатива у них. Вы пляшете под их дудку. Так работает Технология.

Победить, повторим, можно только наступлением. Мировой этап нашей эшелонированной обороны закончился. И надо не Берлин или Париж брать, это все акты оборонительные; надо Москву делать столицей Матрицы Личности.

Мы не перехватили повестку, они диктуют повестку, и это повестка индивидоцентризма. И все воспринимают ее как проявление успешности. Можно сколько угодно ругать «высказывания» Ларса фон Триера, но сам факт обсуждение его фильмов и даже предания их анафеме — это навязывание их повестки.

Она в подметки не годится персоноцентризму, но она доминирует.

Следовательно, надо всерьез и осознанно заняться строительством идеологии.

Пора перестать делать вид, что мы круче, но мы никому ничего не навязываем; у нас, дескать, нет намерений и претензий идеологически очаровать весь мир. Мы себе все уже доказали, а на остальных нам наплевать. Пора перестать изображать сильных, как это любят делать наши враги. Не надо кокетничать. Это глупо.

Конечно, у нас есть намерения идеологического лидерства, и они обоснованы. Кроме нас — так уж получается — этого никто не сделает, а у мира есть запрос на то, что можем сделать только мы.

Следовательно, надо делать то, что надо.

Мы как часть человечества можем предложить миру то, в чем нуждаемся все мы. Предложение Запада всех не устраивает; нам надо внятно сформулировать свое предложение. Внятно, ярко, убедительно, дискуссионно, провокационно. Гениально.

Тот же креативный фон Триер — музейный экспонат, при всей кажущейся его ультрасовременности. Он художественно сформулировал и обобщил итог их

цивилизации, но ни он, ни какой-либо другой представитель их «силовой» цивилизации не в силах предложить футурологическую повестку.

А такая возможность есть. И надо ею воспользоваться.

Мы вспомнили Ларса фон Триера вовсе не для того, чтобы ужаснуться inferнальному началу, которое культивирует «загнивающий» Запад. Режиссер поднимает вопросы, тяжесть которых ощущает как надгробную плиту для жизни. Ему хочется возразить. Его творчество является хорошим культурным раздражителем и вызовом. В этом и заключена культурная функция выдающегося мастера кино фон Триера как музейного экспоната. Надо использовать энергию вызова во благо культуры. Фон Триер, культурными средствами отрицающий культуру, так или иначе на культуру работает. Диалектика обязательна для всех, даже для свободных художников. Надо его энергию сомнения и отрицания претворить в энергию созидания.

Отрицание отрицания: так происходит обмен «культурными энергиями».

Не надо запрещать творчество фон Триера и ему подобных, боже упаси. Надо принять их вызов, превратить их фигуры в музейные экспонаты и поблагодарить за вклад в культуру. Спасибо за урок. До свидания.

Универсальная идеология в качестве источника питания должна ориентироваться на универсум. Все должно быть поставлено на службу идеологии, даже то, что ее отрицает. Суверенность цивилизации заключается в том, что цивилизация имеет ресурс претендовать на глобальное лидерство. Не бояться бремени лидерства, а претендовать на него.

Нет ресурса культурных амбиций — можно забыть о суверенности.

Пока что в сфере идеологического противостояния создается впечатление, что побеждает коллективный

Запад, потому что либеральные «западники» громче кричат и делают это весьма технологично. Количество побеждает качество. Они умеют преподносить свою идеологию как более успешную. *Они кричат громче, а кажется, что их идеология лучше. У них информационные технологии (низовой уровень идеологии) лучше и эффективнее, а кажется, что качество идеологий лучше.*

Давайте оценим по достоинству: *они нас боятся, потому и кричат — а кажется, что идеология у них лучше и боимся их мы.*

Вот такой психологический и когнитивный эффект от «крика». За шумом и манипуляциями Картины мира не видно и не слышно.

В идеологическом противостоянии *они вывели из игры главный компонент и высший уровень идеологии — работу над созданием Картины мира.* Поэтому многим кажется, что они побеждают, что они успешнее.

Что же делать нам — стараться их перекричать? Внедрять более совершенные информационные технологии?

«Кричать», конечно, надо и «внедрять» тоже не повредит. Но если на этом остановиться, это означало бы играть идеологическую партию по их правилам и заведомо проиграть. А их правила такие: чья Матрица лучше — тот и победил. Не важно, каково положение дел в реальности; важно, какую картинку ты покажешь. У кого картинка привлекательнее — тот и победил.

Мы проиграли идеологическую войну в СССР потому, что старались «перекричать», «догнать и перегнать». Мы все время сравнивали себя, «процветающих», с «загнивающим» Западом. Наша картинка не сработала. Их картинка показалась большинству нашего населения более успешной. Они навязали нам борьбу Матриц, и в этой борьбе преуспели.

Сравнивать надо было не прилавки, холодильники и машины — словом, не Матрицы, *не уровни потребления, а потенциалы систем.* Надо было над Картиной

мира работать, но внятной социалистической картины мира советский народ так и не увидел. Идеалы были — а Картины мира не было. Имперское наследие (прежде всего православие) Советский Союз исключил из своего идеологического актива. Это было сделано явно не от большого ума.

Надо извлечь урок. Надо играть по своим правилам: чья Картина мира лучше, тот рано или поздно создаст лучшую в мире Матрицу. Надо *вводить в игру главный компонент и высший уровень идеологии — работу над созданием Картины мира*. Надо сделать то, чего они больше всего боятся — надо предъявить человечеству свою Картину мира. В деталях и красках. Как проект и как образ будущего.

Пока что, если откровенно, мы сами себя не слышим.

Идеология воплощается в символах. Жить в Матрице — значит жить в пространстве символов. У нас нет символов, которые бы объясняли всему миру, что представляет собой современная Россия, что мы несем миру, чего следует от нас ждать. Во времена СССР символы были яркими, доступными, понятными. Вы могли с ними соглашаться или не соглашаться, но они работали, выполняли свою функцию. Серп и молот. Вы имеете дело со страной трудящихся, где труд — всему голова. Труд как основа справедливого общественного устройства, как краеугольный камень.

Что у нас сегодня вместо серпа и молота?

Что мы сообщаем о себе миру?

Ничего.

Американцы сообщают, а мы — нет.

Вот железный занавес нам в помощь подоспел, спасибо Западу, теперь у нас есть шанс себя услышать. Есть возможность сосредоточиться — заняться и научной составляющей своей идеологии, и собственно идеологией (созданием своей Матрицы), и информационной технологией продвижения идеологии.

Железный занавес — это их большая глупость; следовательно, наш большой шанс. Исторический шанс.

На вопрос «с чего начать?» мы отвечаем: с Картины мира. Мы пока не отрефлексовали свои ценности должным образом, не сформулировали их, не довели их до матричной внятности и системности. Это все вопросы информационных технологий. Поэтому мы не слышим сами себя (особенно на фоне матричного информационного шума и гама, который умеют создавать на Западе). У нас нет пока информационных технологий, которые доходчиво объясняли бы наше реальное культурное превосходство, чтобы не сказать, потенциальное лидерство.

У нас нет Матрицы, достойной нашей Картины мира, — вот наша главная идеологическая проблема.

Предлагаемая книга представляет собой попытку в научно-популярном ключе отформатировать понятия «Картина мира» и «Матрица». С этой же целью мною написана книга «Зачем нужны умные люди?» [2]. И книг подобной направленности должно быть много. Очень много. Невероятно много.

Когда мы услышим себя, *когда мы создадим свой триединный качественный идеологический продукт, нам уже будет все равно, насколько громко и креативно кричат наши враги.* Лучшая защита от их идеологии не бесконечные контрвыпады, не выискивание бревен в чужом глазу, а создание собственной идеологии.

Именно так: лучшая защита — это нападение.

Картина мира — это нападение; Матрица и Технология — это защита.

Либеральный Запад преуспел в создании Матрицы Индивида, но он создал ее под блеф, под Картину мира, которая и нравственно, и научно безнадежно устарела. Ведь что такое Матрица как ментальная экология индивида?

Это не что иное, как *результат высоких технологий производства индивида с низким гуманистическим потенциалом.*

У Запада хорошие технологии, но они направлены на воспроизведение своей — силовой — идеологической Картины мира, устаревшей и не отвечающей вызовам времени.

Нам надо создать Матрицу Личности. Нам надо научиться применять *высокие технологии для производства человека с высоким гуманистическим потенциалом.*

Наш посыл состоит в том, чтобы *осознать задачу формирования своей Картины мира, с одной стороны, как проблему высоких духовных технологий, а с другой — как проблему информационных технологий. Тогда у нас появится Матрица Личности.*

Уже только возможность создания Матрицы Личности Запад воспринимает как смертельную угрозу для себя. И правильно, между прочим, делает.

Это новое и невиданное когнитивное оружие, если описывать идеологию в терминологии войны. Ничего мощнее на сегодняшний день в мире нет и пока не предвидится.

Матрица Личности — это смерть Кощея, та, которая на конце иглы.

Вернемся к восточной пословице, которая гласит: «Ищи Луну на небе, а не в пруду». Многие верят, что Луна в пруду, хотя на самом деле она на небе.

Матрица держится на вере как таковой. Важно, чтобы человек верил, например, в то, что Луна находится в пруду. Или в то, что Солнце вращается вокруг Земли. Или в то, что Земля плоская. Если вы знаете, можете доказать, что Луна располагается на небе, а в пруду плещется ее отражение (Земля вращается вокруг Солнца, Земля круглая), вы в результате также верите, что Луна на небе (Земля вращается вокруг Солнца, Земля круглая).

Вы верите в то, что знаете и можете обоснованно доказать. Ваша вера не на пустом месте возникла.

Согласимся: вера тех, кто полагает, что Луна в пруду также возникла не на пустом месте. Они видели Луну в воде. Они видели если не саму Луну, то ее следы, нечто напоминающее Луну. Основания верить в то, что Луна находится в пруду, существуют.

Но если сопоставлять впечатления ищущих Луну, то следует признать, что вера в Луну на небе — это вера в объективное, а вера в то, что отражение Луны и есть сама Луна — это вера в иллюзию.

Получается, мы имеем две разные веры: кто-то верит, что место обитания Луны — это пруд (верит в миф, в фантом), а кто-то верит в то, что она как небесное тело располагается на небе (что соответствует действительности).

Кто-то верит в субъективно созданную реальность (в химеру), а кто-то в объективную реальность.

Кто-то прав, а кто-то неправ.

Но вера и одного, и другого субъекта может быть непоколебимой.

И это объективная реальность, в которой мы живем.

Матрица Индивида заставляет людей верить в несуществующую (прудовую) Луну; Матрица Личности предлагает людям верить в существующую (небесную) Луну.

Матрица — это одно, а Картина мира, определяющая веру, — это другое. Можно верить в «добро», которое на самом деле является злом. Так происходит сегодня с русофобией и русофобами. Когда мы сопоставляем идеологический потенциал, мы сравниваем не крепость веры, не убежденность сами по себе, не градус эмоций, а Картины мира, порождающие убежденность. От Картины мира зависит, где на самом деле располагается луна. От качества Картины мира зависит качество веры.

В конечном счете, правы те, кто верит в объективно существующую реальность. Вера в свою правоту (наше

дело правое) определяет силу духа. Русские не сдаются означает: наша правда стыкуется с реальностью, правда за нами, правду нельзя предавать, реальность важнее химер.

И ресурс нашей веры неисчерпаем — потому что источник нашей веры, Картина мира, отражает реальность с высокой степенью объективности.

Мы умнее, мы сильнее, мы победим.

Позволим себе продемонстрировать еще на одном примере, как Картина мира формирует Матрицу с помощью Технологии. Если попытаться *в трех словах* изложить все, что мы сказали об идеологии (то есть технологично перевести нашу Картину мира и Матрицу в доступный всем лозунг), то применительно к России слова будут такими: «Родина. Правда. Победа». По виду это простой, но по содержанию сложный лозунг. (Кстати, идею «трех слов», расположенных именно в таком порядке подсказал мне мой сын, Илья Андреев. Многие идеи этой книги рождались непосредственно в диалоге с ним или как следствие наших дискуссий. Даже не знаю, состоялась бы без него эта книга или нет. В том виде, в котором сейчас существует книга, точно нет. Поэтому эта книга посвящена лично ему, но в то же время ему как представителю «детей». От отцов — детям; но и от детей — отцам. Такова традиция, символически закрепленная в посвящении.)

Родина — это концепт, идейная квинтэссенция Картины мира. Без Родины, которая несет миру свет Истины, все остальное теряет смысл. Понятие Истина глубинно связано с понятием Родина.

Правда — это квинтэссенция Матрицы, состоящей уже не из «вещества» идей, а из «вещества» убеждений. Правда — это вера в правоту Родины. Вот почему скульптура «Родина-мать зовет!» воспринимается нами как сакральная.

Победа — это цель и результат нашей идеологии, опорные точки которой Родина и Правда.

Локализуем понимание идеологии: это восприятие своей Родины в свете Правды, что позволяет всем и каждому стремиться к Победе.

В данном случае идеология выступает в качестве философии патриотизма.

В качестве науки побеждать.

Мы ратуем за торжество Правды (высших культурных ценностей), поэтому открыто выступаем за доминирование высших культурных ценностей, за *диктатуру культуры*. У нас есть моральное право выступать за диктатуру культуры, потому что мы открыты и честны перед собой, миром и наукой, инструментом познания истины.

Три ключевых кодовых слова, выражающих суть идеологии Запада, их *credo*, будут совершенно другими. Наши враги-«партнеры» не спешат их афишировать, проносить вслух. Попытаемся объективно перевести их реальный идеологический контент в адекватный лозунг.

По нашей версии слова должны быть такими: «Свобода. Сила. Удовольствие» (как вариант «Свобода. Деньги. Кайф»). За ними скрывается установка на *диктатуру природы*, диктатуру «религии наоборот» [3].

Что сообщают о себе наши идеологические противники и что утаивают?

1. Их сообщение звучит настолько шокирующе цинично, что они, избегая репутационных рисков, никогда не озвучивают все составляющие формулы, и ограничиваются только первой, наиболее привлекательной частью: Свобода. Они манипулируют информацией. Прячутся за двойные стандарты. С какой целью? С целью скрыть главную, содержательную часть: Силу.

Под брендом Свобода, увековеченном в статуте Свободы на острове Свободы, они продают Силу и Удовольствие. За ценностью культуры (Свобода) они скрывают

ценности природы (Силу и Удовольствие). При этом имеют имидж лидера цивилизации.

Стоит признать: это триумф манипуляции.

2. Полная формула успеха — Свобода. Сила. Удовольствие — являет себя во всем блеске не для всех, а только для тех, кто согласен так жить. Кто не согласен, того силой заставляют жить в соответствии с заявленным *credo* или силой уничтожают. Ничего личного, только Сила.

3. Почему они прибегают к манипуляции?

Потому что на самом деле ницшеанская идея абсолютизации Силы является аморальной, несправедливой, докультурной, не соответствующей интересам большинства, и идею могут заставить работать только силой. То, что начинается как культ Силы, заканчивается культом фашизма. Они хотят сделать всех одинаковыми, одинаково послушными, гребут всех под одну гребенку, не давая ни единого шанса инакомыслящим. Они могут предложить только «инклюзивный капитализм» как вариант вечного торжества Силы и «цифровое рабство» как следствие [2]. Никакого иного «образа будущего» наши «партнеры» (враги) предложить не в состоянии. Это индивидуалистический тоталитаризм, тоталитаризм во имя Силы, который является условием их победы.

Иначе говоря, наши противники скрыто выступают за *диктатуру природы* (Силы), прикрываясь Свободой как лозунгом из арсенала культуры.

4. Будущее мало заботит индивида, который искренне убежден в том, что после него хоть потоп. Будущее для индивида — это категория, которая способна ограничить сегодняшнюю Свободу. Поэтому «дойлой будущее» — это неписанный лозунг «либерального индивида», наивный и беспощадный одновременно. Что значит «дойлой будущее»?

Это сакральное «остановись, мгновение», тот самый «конец истории», который провозгласили либеральные философы [4]. И индивид точно знает, когда он даст

команду мгновению остановиться: тогда, когда за свои деньги он приобретет бессмертие. Для тех, кто исповедует культ денег и силы, бессмертие в XXI веке стало новой религией, «религией наоборот». Идея бессмертия — вот новая смертельная опасность [5].

5. Надо адекватно воспринять скрытый (реальный) смысл сообщения «сильных мира сего», который они, впрочем, уже давно не скрывают. Он сводится к тому, что мир может быть исключительно однополярным, кто силен — тот и прав, никакой иной идеологии, кроме индивидуализма, Запад не примет. Они вращают шар земной, они придают вращению ускорение или замедляют его. Что хотят, то и творят. Хотят — развязывают войны, хотят — прекращают их. Они хозяева жизни.

Верить в сакральную Правду Силы и при этом не применять Силу невозможно. Их воинственная Картина мира не предполагает мирного существования. Их Картина мира предполагает тотальное доминирование — войну и победу сильного над слабым. Мир как война.

В принципе это все, что необходимо знать об их Картине мира.

А теперь присмотримся, как работают некоторые идеологические механизмы, имеющие отношение к выстраиванию Матрицы.

Наши враги («партнеры») не любят озвучивать полновесную идеологическую формулу, приносящую им успех. Они с умыслом сокращают формулу. Они бесконечно твердят только первое кодовое слово формулы, вырабатывая у землян рефлекс. У них таким словом является Свобода, которым они клянутся на каждом шагу.

Если эту методику перенести на нашу формулу, у нас останется — Родина.

Таким образом, если предложить миру *одно* ключевое кодовое слово, выражающее суть идеологии, то мы получаем «Родина» vs «Свобода».

Визуальным символом их ключевого слова выступает Статуя Свободы, расположенная в США на острове Свободы; у нас аналогичный символ — высочайшая статуя России Родина-мать, расположенная на Мамаевом кургане в Волгограде.

Статуя Свободы — это олицетворяющая свободу женщина, голова которой увенчана короной, состоящей из семи лучей, символизирующих семь морей (Мировой океан) и семь континентов (Мировую сушу). В правой руке, поднятой над головой — факел, свет свободы.

Аллегория ясна: Запад несет свободу всему миру, не особо интересуясь, нужна ли свобода или нет; при этом всякий свободный и трезвомыслящий человек должен выбрать Силу Свободы (деньги), что же еще.

В своей инаугурационной речи 20 января 1961 года президент Кеннеди сделал акцент на идеологеме «свобода»: «Пусть каждая нация знает, желает ли она нам добра или зла, что мы заплатим любую цену, понесем любое бремя, встретим любые трудности, поддержим любого друга, выступим против любого врага, чтобы обеспечить выживание и успех свободы».

У нас аллегорический образ Родины, зовущей своих сыновей на битву с врагом, выглядит иначе: Родина-мать держит в правой руке меч. Наши враги прекрасно считывают послание: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» (крылатое выражение приписывается Александру Невскому).

И в такой «рамке» — «Родина» vs «Свобода» — мы проигрываем бой на ринге, который оценивает массовое (матричное) сознание. Почему?

Потому что категория Свобода-Сила воспринимается как универсальная по отношению к Родине, категории частной. На ринге хитроумно сталкивают разные весовые категории: известный всему миру образ-бренд

Свободы (из рук Запада) и образ нашей непобедимости (так раздражающий Запад).

Они так и делают, и мы проигрываем.

Мы проигрываем потому, что не умеем «продавать» такую нужную всем народам мира мотивацию. Потребители свой потребительский рай (свободу!) «продавать» умеют, а мы свое «счастье» — нет.

Ключевые для нашего культурного кода слова заключены в двух триадах: «Родина — Правда — Победа» и «Родина — Личность — Счастье». На международном идеологическом рынке товар в упаковке, годящийся для внутреннего потребления, не пользуется спросом.

Зато очень хорошо продается то, что называется «суверенитет», потому что категория суверенности ассоциируется с тем, что ведет к экономической эффективности и процветанию. Не важно, миф это или нет; важно, что суверенитет продается, его готовы покупать. Страны, которые вследствие своего потенциала могут позволить себе ориентироваться на принцип суверенности (на принцип *сам себе гегемон*), а не на принцип «гегемон — вассал» (кто сильнее, тот и прав), уже только в силу этого объективно становятся если не нашими союзниками, то попутчиками. Во всяком случае, одно только то, что дружественная/недружественная нам страна может видеть себя не в парадигме «гегемон — вассал» (хозяин — раб), исключает ее из числа наших врагов — несмотря на то, что страна эта спит и видит, чтобы Россия как империя и цивилизация исчезла с лица земли. Объективно они не враги, а, вопреки всему, геополитические союзники, ибо выступают за многополярный мир.

Суверенитет — это право на выбор, это свобода выбора, это свобода (привет нашим геополитическим врагам).

Можно задаться вопросом: если суверенитет не ведет к счастью, зачем нужен суверенитет? Суверенитет, не ведущий к счастью и процветанию, — это пустая игрушка.

Да, все так. Но здесь важно следующее: «Суверенитет» как бренд, маскирующий «Родина — Личность — Счастье», продается, а бренд «Счастье» — нет. В рамке Свобода VS Счастье (или Свобода VS Родина) мы проигрываем; а в рамке Свобода VS Суверенитет наши шансы резко увеличиваются.

Именно поэтому, если я не ошибаюсь, Россия сегодня делает ставку на продвижение концепта «суверенитет» во внешней политике — и правильно делает. Мне кажется, это убедительный пример того, как следует продвигать свои ценности. Это задача из области маркетинга, из области Матрицы. Тактически — это правильно.

Что касается стратегии, то здесь одним маркетингом не обойтись. Сколько ни говори «халва, халва» — во рту слаще не станет. Чтобы наша мотивация (счастье) стала мотивацией других, мы должны построить общество, где реально каждый получает шанс реализовать себя как личность. И при этом без привязки к уровню потребления и комфорта, но с привязкой к «индексу счастья» (по нашей цивилизационной шкале, по нашему «аршину»).

Быть счастливыми на зависть всем — вот наша всемирно-историческая задача, если коротко. Это сложно, спору нет; но только сложность дает сильную мотивацию.

Даже в рамке «один на один» («одно слово против одного слова») у нас всегда есть шансы. Но если предложить миру *три* ключевых слова, выражающих суть идеологии, то мы получаем: «Родина. Правда. Победа» VS «Свобода. Сила. Удовольствие». И если мы сумеем навязать им свои правила игры (три вместо одного), то, несомненно, на глазах всего мира победим мы. И самое интересное: если мы сумеем это сделать, то мы их переиграем, используя их же технологии. Ведь эта троичность (тезис-антитезис-синтез, три закона диалектики), зерно научного диалектического дискурса, — дело рук их технологичной цивилизации.

Уже в рамках триады они нам проигрывают. Вот мы и предлагаем: индивидуализм (тезис) — социализм (антитезис) — персонизм (синтез). Мы предлагаем выигрышный для себя вариант.

А если предложить миру противостояние *концептов*, выражающих суть идеологии, то мы получаем: «Не в силе Бог, а в Правде» VS «Не в правде Бог, а в Силе». Мы предлагаем честный бой, за которым будет следить весь мир.

Чем больше информации, тем меньше у них шансов.

А если пойти еще дальше и предложить битву «*Картина мира*» («персонизмическая Картина мира» VS «индивидуализмическая Картина мира»), то шансов у них нет никаких.

Поэтому честной битвы не ждите.

Делаем вывод: они переигрывают нас не потому, что они умнее и дальше нас продвинуты в научном плане, а потому, что хитрее, то есть потому, что тяготеют к манипуляции, технологичному мошенничеству.

Следовательно, секрет нашей победы заключается в том, чтобы навязать идеологическое соперничество в максимально открытом и содержательном формате. Понятно, что они никогда на это не пойдут, ограничившись противоборством в рамках «Матрицы». Им выгоднее *отменить* русскую культуру и идеологию, что они и делают.

Отмена русской культуры — это не эмоциональная реакция на наше «вторжение» на Украину (то есть на исконно русские земли); и это не санкционное давление; это продуманный иезуитский ход в рамках войны с нашей цивилизации.

Продуманный и давно запланированный военный ход выдается за стихийную эмоциональную реакцию добрых, антивоенно настроенных людей.

Двойная мораль. Двойные стандарты. Двойная бухгалтерия.

У нас нет цели демонизировать наших цивилизационных соперников. Мы не утверждаем, что они глупее нас. Мы, если угодно, констатируем научный факт: сила их Матрицы такова, что не предполагает автономной эволюции Картины мира. Конечно, если их Картина мира будет развиваться по законам науки, а не по логике Матрицы, то рано или поздно она сблизится с нашей. Однако проблема в том, что в западной цивилизации Матрица (точнее, те «сильные мира сего», кто стоят за Матрицей) контролирует Картину мира, а не наоборот; отношение приспособления доминирует над отношением познания.

Хвост виляет собакой. Они видят не то, что есть, а то, что хотят видеть.

Такова идеологическая реальность.

Индивидоцентризм как «подростковую» стадию идеологического становления человечество проходит неизбежно, само по себе это естественно и нормально. Ненормально то, что эта стадия затянулась, стала тормозом в развитии человечества. Затянувшаяся стадия «взросления» в сочетании с технологической мощью, с переходом к постиндустриальному обществу позволяет удерживать человечество в заложниках индивидоцентрической Картины мира. Теоретически это может продолжаться сколько угодно долго. Теоретически — вечно. Такова гносеологическая подоплека «конца истории».

Идеология становится проявлением конфликта типов управления информацией, сознательного и бессознательного. В исторической перспективе, конечно, более совершенный тип управления информацией (персоноцентризм) победит. Наше дело правое. Но что людям до каких-то «типов управления информацией»? Они наблюдают за этим конфликтом сквозь амбразуру своих Матриц. И конфликт становится осязаемым, жестоким, кровавым.

Это означает только одно: идеологическая война неизбежна. Гибридная (холодная) война в той

или иной неочевидной форме была всегда, сегодня она приняла формы очевидные. Что такое отмена русской культуры?

Это война против культуры. Это — война.

Так называемый «новый миропорядок» предполагает учет вот этой реальности: идеологическая война рано или поздно перерастает в войну тотальную. Их идеология не оставляет выбора ни им, ни нам. Они — по праву Силы — буквально удерживают весь мир в заложниках своей идеологии.

«Родина. Правда. Победа» и «Родина. Личность. Счастье»: это ценности для всех. Мы их не стесняемся и открыто декларируем свои универсальные ценности. В чем их универсализм?

В том, что мы признаем социоцентризм и индивидуцентризм в равной степени необходимыми условиями для развития личности (персоноцентризма). Наши триады не подавляют, а предполагают ценность индивидуальности, например, каждого этноса, каждого сообщества (профессионального, например), каждого человека внутри этого сообщества или народа. Большая Родина (Россия) не отменяет понятие малой Родины (Калининградская область, Чечня, Кубань, Донбасс); понятие Правды (высшие культурные ценности) не отменяет свою версию Правды (для кого-то православие, для кого-то ислам, буддизм, иудаизм — все традиционные мировые религии) и, наконец, личную версию Правды в рамках общей для всех Картины мира.

Существование России и русских — это демонстрация культурно-политической и — шире — исторической полноценности альтернативной англосаксам цивилизации. Любую альтернативу англосаксы воспринимают как угрозу — как смертельную угрозу. Их картина мира безальтернативна.

Потому что они англосаксы.

Русофобия — это изощрённый вариант фашизма.

База русофобии не этническая, а культурная: чеченцы и буряты, наравне с этническими русскими, являются объектом русофобии.

Русофобия — это отвратительнейшая современная форма фашизма, форма ненависти к культуре. Русофобию с позиций высших культурных ценностей следует воспринимать как культуурофобию, как форму ненависти человека к самому себе, существу культурному. Как вариант ненависти к человечеству. Как ненависть, которая становится второй натурой — формой существования. Русофоб превращается в «царство, разделившееся само в себе». Конечно, оно не устоит.

Но не погребёт ли оно всех нас?

Мы тянемся к тому, что ненавидят фашисты и в чём сокрыта их погибель: к высшим культурным ценностям.

Мы думали, что война с фашизмом уже в прошлом; мы были уверены, что культуру никто не ставит под сомнение, мы верили, что мы победили, и Победа была «одна на всех».

Мы были наивны.

Оказалось, что война с фашизмом только-только набирает обороты. И ещё неизвестно, чем эта война закончится.

Фашизм недостаточно изучать, описывать, невозможно «просто» наблюдать за ним, «просто» ненавидеть его — невозможно быть в стороне или над схваткой; фашизм следует изучать (понимать), чтобы ненавидеть для того, чтобы бороться с ним до победы.

Или вы уничтожаете фашизм — или он уничтожает вас.

Загадка фашизма не в его глубине, там нечего особо понимать. Отношение к фашизму решительно невозможно ограничить пониманием, считая такое отношение окончательным результатом (понять значит простить, принять, притереться, смириться); его невозможно принять как неизбежное, но малотоксичное зло. Фашизм

как культ силы (предел витальной мощи), направленной на уничтожение культуры (предел смыслов), — это особое, смертоносное зло.

Фашизм можно принять только как смертельную дозу яда.

Вот почему всё здоровое на планете сражается с фашизмом. Когда-нибудь благодарное человечество поставит памятник процветающей России, победительнице фашизма.

Фашизм разрушает нас изнутри, он стреляет в нас снаружи, он отбирает у нас будущее, он покушается на наше прошлое. Он стирает нас с лица земли. Он есть, когда его нет. Он везде, всюду и всегда.

Фашизм — это воплощение сущности зла (антихриста, сатанизма).

Борьба с ним — воплощение сущности добра (Христа).

Без борьбы с фашизмом добро превращается в пустой звук — добро попросту перестаёт существовать.

Добро — это борьба с фашизмом, если угодно.

Подведем итог.

Люди, живущие в Западной Матрице, чувствуют себя безусловно успешными, а мы — частично успешными. Почему?

Причина кроется в идеологии.

Эффективность идеологического воздействия осознается матричным сознанием как *успешность* идеологии. Если идеология помогает чувствовать себя успешным, значит она правильная и эффективная; если не помогает — значит, идеология неправильная.

Но если мы по какой-то причине посчитаем возможным принять их идеологию, если мы погонимся за их успешностью, это будет начало нашего конца. Мы погибнем. Пойдем в атаку — попадем в плен. Погонимся за «Свободой» — попадем в рабство.

Пока что русские, ощущая себя частично успешными, попадают под влияние тех, кто чувствует себя безусловно успешным.

При этом потенциально наша идеология может дать ощущение суперуспешности.

Грех не воспользоваться таким шансом.

Литература

1. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 6. — М., «Наука», 1985.
2. Андреев А.Н. Зачем нужны умные люди? Антропология счастья в эпоху перемен / Анатолий Андреев. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 692 с. — (Психология. Высший курс). <https://www.litres.ru/anatoliy-andreev/zachem-nuzhny-umnye-ludi-antropologiya-schastya-v-epohu-p/chitat-onlayn/>
3. Полный текст обращения Владимира Путина 30 сентября 2022: стенограмма выступления <https://www.kp.ru/daily/27452.5/4655517/>
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2007. — 588 с.
5. О'Коннелл М. Искусственный интеллект и будущее человечества. — М.: Эксмо. 2019. — 272 с.

3. МАТРИЦА ЛИЧНОСТИ, ДИКТАТУРА КУЛЬТУРЫ И ИМПЕРИЯ

Каково соотношение понятий «Матрица» и «диктатура», «диктатура» и «культура», «культура» и «идеология», «идеология» и «личность», «личность» и «Империя», «Империя» и «Матрица»?

Не является ли само существование Матрицы как материи и структуры продуктом диктатуры?

А ведь диктатура = насилие, насилие = зло. Не так ли?

В таком случае насколько оправданно использование плодов диктатуры в благих целях?

Понятие «диктатура» прежде всего под воздействием идеологии наших «метафизических врагов» превратилось в токсичный культурный продукт, несущий на себе метку дьявольского социального порока. То, что сами наши оппоненты живут в режиме *диктатуры природы*, называя это демократией, никого не смущает. Поэтому мы не станем играть терминами — не станем играть в их игру. Они всегда скомпрометируют то, что им невыгодно, и всегда обелят и реабилитируют то, что посчитают выгодным. В любой момент нравственные принципы и международное право подменяют «правилами», сочиненными по случаю на коленке, и глазом не моргнут. Поэтому мы будем смотреть на содержание термина, а не на его репутацию в их глазах.

Прежде всего, рассмотрим ключевой для нас тезис: Матрица, будучи формой, не является идеологическим продуктом сама по себе, она является неким способом существования идеологического продукта (информации).

Матрица не является морально-нравственным маркером идеологического продукта; Матрица — это результат применения суммы технологий; это такое заполнение информационного пространства,

когда «из каждого утюга» транслируются адаптированные смыслы — для тех, кто не способен или не готов управлять смыслами многомерными. Матрица это способ донести Истину для тех, кто по каким-то причинам не в состоянии усвоить ее сам.

Матрица — это всегда про массы. Нравится нам или нет, в XXI веке без Матрицы не обойтись; более того, Матрица — ключ к идеологической победе.

Матрица позволяет принимать и усваивать ценности (наши или не наши, любые) на рефлекторном, бессознательном уровне. На уровне привычки, если угодно. «Привычка свыше нам дана»: свыше — значит с уровня, где формируется Картина мира.

Матрица (персоноцентризма или индивидоцентризма, неважно) представляет собой информационную среду обитания человека, где предлагаемая *Картина мира* срastaется с реальностью, становится ее идеологическим продолжением, адаптируется к массовому уровню общественного сознания.

Если *Картина мира* отвечает на вопрос «что?», то *Технология* отвечает на вопрос «как?». *Картина мира* — это содержание, *Технология* — это форма. Говоря о *Технологии*, мы имеем в виду *Технологию* создания *Матрицы*.

Появление на идеологической карте мира Матрицы Личности означает наступление трудных времен для Матрицы Индивида. Корни фашизма оказываются подрубленными. Образ будущего как бесконечная победа сильных мира сего над слабыми мира сего становится не актуальным. Сказка про Золушку, про лотерейный билетик, про то, как бедная(ый) случайно может стать богатой(ым) и обрести счастье, утрачивает злободневность.

Но Матрицы Личности пока нет в реальном модуле, она существует как научно-теоретический проект,

как идейный контур, как предсказанная, вычисленная информационная возможность. Как нечто доказанное и обоснованное, но пока не существующее. Ее предстоит создать. Сегодня мы имеем элементы Матрицы Личности, но не Матрицу как реальность. Если мы рассчитываем на победу над фашизмом, если мы просто рассчитываем на то, чтобы иметь будущее как таковое, следует задуматься над технологиями изменения внутреннего мира человека, над технологиями Матрицы Личности.

Мы рассматриваем данное положение как императив. Как концептуальную основу нашей идеологии. Именно так: ключ к будущему — в сфере высоких духовно-информационных технологий, способных изменять внутренний мир человека в направлении «не в силе Бог, а в Правде», способных целенаправленно изменять внутренний мир человека с помощью *возобновляемой энергии идеалов*.

Эпицентр борьбы за наше выживание, за будущее человечества переносится на площадку культуры, имя которой *персоноцентрическая Картина мира*.

Что представляет собой культура как феномен надприродный («царство не от мира сего»)?

Надприродный, во-первых, означает «противостоящий натуре» («царству мира сего»); во-вторых, надприродный означает «выше, чем природный», то есть внутренне организованный, структурированный на основе информационного порядка, который включает в себя, подчиняет *порядок природный*. (Заметим, что природа также представляет собой упорядоченную, приведенную в порядок систему — в более простой, нежели культурный, порядок, основанный на силе).

Культурный — значит стоящий выше порядка природного, но не отвергающий природный, а включающий его в себя.

Культурный — значит на порядок выше предыдущего порядка.

Порядок, система, иерархия, смысловая дисциплина, концептуальность, императивность, с одной стороны, и культура, с другой, — это понятия близкородственные.

Говорим культура — подразумеваем диктат законов, порядок, императив, иерархию.

Вот почему «диктатура культуры» — это почти тавтология, как масло масляное, прямоходящий человек или плавающая рыба. Поскольку культуры не бывает без диктатуры, словосочетание «диктатура культуры» имеет смысл только как подчеркивание «диктаторской», императивной сущности культуры.

«Диктатура натуры» — также скрытая тавтология, которой в культуре либеральной склонны придавать значение «свободный, избегнувший диктатуры культуры». Если не культурный, следовательно, природный — следовательно, свободный.

Это миф. Вот брошу я культуру с ее диктатом и уйду к вольным цыганам (в русской культурной традиции цыгане — это символ вольного племени), где нет никакой диктатуры; в таборе нет никаких законов, и они делают, что хотят. Это миф. На самом деле альтернатива такова: либо диктатура натуры — либо диктатура культуры. *Tertium non datur*: это уже императив культуры.

Культура честна, потому и объявляет диктатуру основой существования; а вот натура лукавит, цепляется за двойные стандарты, за двойную мораль. Что такое двойной стандарт?

Это стремление выдать натуру за культуру, то есть обмануть.

Культуре же выдавать себя за натуру нет никакого смысла.

А теперь давайте разберемся со смыслами, которые сопровождают понятие «империя», клубятся и роятся вокруг него.

Когда либералы и демократы произносят слова «империя», «имперский», «имперцы», это звучит

как обвинение в покушении на свободу — то есть обвинение в смертном грехе либерализма. Имперский — значит отнимающий Свободу, плохой, недостойный, несущий зло. Страшно токсичный. Так ли это на самом деле?

Что такое империя?

Империя (в аспекте государствообразующем) — это большое многонациональное государственное образование, управляемое из одного центра.

Империя — это симбиоз сразу двух взаимоисключающих характеристик: *многообразия* и *моноцентричности*.

Когда либералы клеймят цивилизацию ярлыком «империя», они, очевидно, под злом имеют в виду именно моноцентричность (единоначалие, авторитаризм). Многообразие — модель Свободы, моноцентричность — модель угнетения Свободы. «Страдающей стороной» противоречия является, конечно же, многообразие, которое «страдает» оттого, что оно организовано именно как многообразие. Свобода хрупкая вещь, деликатная, а молот моноцентричности — груб и неотесан.

Сказка. «Битый небитого везет» называется.

По логике сказки, разрушение многообразия как «искусственного образования» (то есть дробление многообразия на более мелкие молекулы «однообразия») и появления полицентрической структуры — это, очевидно, благо.

Получается: многообразие — это зло; однообразие — это благо.

Странно слышать такое от либералов. Ведь «свобода» и «многообразие» — это почти синонимы, свобода выбора без многообразия немыслима. Почему же многообразие как сущностная характеристика Империи превращается для либералов в скрытую мишень (внимание: технология двойных стандартов в деле)?

Не очень понятно: почему многообразие Российской империи — это плохо, а распад империи

на моногосударства по образу прибалтийских — это хорошо?

Что хорошего в том, что Литва, Латвия и Эстония (а также Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан) лишились преимуществ многообразия империи и изо всех сил пытаются превратиться в моноэтнические государства, избавляясь от наследия многообразия как от зла?

Хотят — пожалуйста, мы не обсуждаем их право быть суверенными, быть микроимпериями. Вопрос в другом: почему моноэтничность и моноконфессиональность лучше этнического и конфессионального многообразия?

Империя не ущемляла и не ущемляет права этносов и конфессий на существование; более того, многообразие — это условие существования империи. Равно как и моноцентричность. Одно является оборотной стороной другого. Все в соответствии с императивами диалектики.

Нападать на моноцентричность Империи значит нападать на многообразие. Покушаться на свободу выбора. Как-то в очередной раз нелиберально получается.

Если нападки на империю — это всего лишь способ разрушить Российскую Империю (сохранив при этом Империю англо-американскую, само собой), то здесь и обсуждать нечего: метят в Империю — попадают в Россию. Лгут. Гадят. Используют двойные стандарты.

Но если утверждать, что Империя как таковая, если любая Империя является злом, то это вовсе не очевидно. Многообразие — это прекрасный шанс реализоваться отдельным этносам и культурам.

Ничего плохого в многообразии нет. Как и в моноцентричности. Это две стороны одной медали.

Дело, очевидно, в другом: именно жизнеспособность Империи как модели не дает покоя либералам.

Империя — это прообраз прогрессивного мироустройства, которое либералы всячески пытаются скомпрометировать.

Империя и культура вовсе не антагонисты; культура вовсе не отвергает многообразия — напротив, предполагает его.

Распад Империи на монолитные «моноблоки» — это идеал индивида; жизнеспособность империи — идеал личности.

Империя и власть. Что такое власть?

Власть — это инструмент социальной организации.

Какой должна быть власть, которая собирается организовать жизнь общества на основе культуры (следовательно, на основе многообразия и одновременно моноцентричности, то есть диктатуры культуры)?

Эта власть (центр принятия решений), в свою очередь, должна функционировать как жестко устроенная система, как *диктатура*, которая осуществляет волю к культуре. Sic.

Единоначалие, авторитарность, центричность — это условия осуществления диктатуры культуры. Театру нужен режиссер, оркестру — дирижер, классу — классный руководитель, Церкви — Патриарх, личности — нравственный императив, обществу, живущему по законам культуры, — верховный главнокомандующий, царь, президент, имеющий достаточно полномочий для осуществления своей миссии «держат и крепить порядок». Империи необходим император.

Великая культура — это великая идеология; великая идеология — это Империя (от лат. *imperium* — власть), это центр управления ключевыми смыслами.

Не только культура и идеология являются условиями развития Империи, но и Империя является условием развития культуры и идеологии.

Свобода как продукт культуры (а не либеральной идеологии), свобода как продукт многообразия, свобода выбора, с одной стороны, — и Империя, с другой, не только не исключают друг друга, но именно нуждаются

друг в друге, ибо являются условием существования друг друга.

Если вам хочется бездумной свободы от империи, от имперскости (от императивной сущности законов науки и общества), то вы свободы не достойны, вы не доросли до свободы.

Умный и свободный человек выбирает Империю (порядок как способ существования многообразия), ибо он всегда на стороне культуры, порядка и закона. Там, где соблюдаются интересы всех, там должны соблюдаться интересы одного, интересы личности.

Порядок во имя истины, истина во имя личности: таков девиз Империи.

Империя — это универсальный тип управления информацией, где главное — интересы личности.

Как соотносятся личность и империя?

Личность — это тип управления информацией, это империя духа, империя высших культурных ценностей, где высшие культурные ценности доминируют над низшими, второстепенными, индивидуоцентрическими (природными). Личность — это культ иерархии. Личность является проекцией имперскости (законоцентричности, «порядочности») на жизнь духа.

Личность и империя как типы управления информацией внутренне референтны, ибо: личность — это империя духа. Личность и нравственный императив — это разные стороны одной медали; говорим личность — подразумеваем нравственный императив; говорим нравственный императив — подразумеваем личность.

При этом личность — это гармония, которая возникает из многообразия потребностей.

Если высшая свобода — быть личностью, то высший принцип личности, защищающей высшую свободу, — быть патриотом Родины, империи как гаранта высшей свободы.

Личность не настаивает на своей самоценности, автономности и отделенности от общества. Личность не изолирована от страны и государства. Более того, личность ощущает себя частью культуры, цивилизации, общества, страны, государства, Империи.

Личность — это идеал Империи, а многообразие — состав личности.

Индивид — враг Империи.

Личность представляет собой органическое сочетание культов: человека (личности как империи духа) и Империи как гаранта общественно важных ценностей (Родины). Вот почему личность патриотична, а «атомизированный» индивид — космополитичен. Личность готова отдать жизнь за Родину, а индивид уклоняется от долга служения Родине.

Личность как часть имперски устроенного миропорядка, как чего-то большего, чем отдельный индивид, — личность даже к смерти относится иначе, нежели индивид. Человек смертен, Родина бессмертна. Отдавая жизнь за Родину, личность осознанно готова к подвигу — акту, открывающему дорогу к бессмертию.

Патриотизм и персоноцентризм — это понятия не просто совместимые, но и нуждающиеся друг в друге.

Истина — это форма закона, то есть проявление диктатуры культуры.

Свобода — это форма закона, то есть проявление диктатуры культуры.

Добро — это форма закона, то есть проявление диктатуры культуры.

Красота — это форма закона, то есть проявление диктатуры культуры.

Личность — это форма закона, то есть проявление диктатуры культуры.

Империя — это форма социальной организации, которая обеспечивает доминирование высших культурных ценностей в жизни человека и человечества.

Империя — это социальный способ существования высших культурных ценностей.

Личность — это человек, производящий высшие культурные ценности и поддерживающий способ их существования.

Империя — это возможность осуществить диктатуру культуры.

Диктатура культуры — путь к свободе.

Личность выступает за диктатуру культуру, ибо сама есть продукт такой диктатуры.

Империя — это гарант создания и персонцентрической Картины мира, и Матрицы персонцентризма.

Диктатура культуры и империя — это инструменты гуманизации общества.

Что и требовалось доказать.

Конечно, мы отдаем себе отчет, что Империя как тип власти может быть способом существования как диктатуры культуры, так и диктатуры природы. Это действительно так. Это тоже императив диалектики. Хотим как лучше — а может получиться совсем наоборот. Благими намерениями, как известно, выложена дорога в ад.

Все так. Все на свете яд, и все — лекарство; все на свете ад, и все — рай (все в одном, в одном все: вот оно, красноречивое проявление тотальной диалектики). Можно бесконечно спекулировать на диалектической противоречивости мира. Если угодно, «парадокс Империи» (Империя Добра или Империя Истины) — это еще один парадокс в семейство так называемых «парадоксов всемогущества». Вспомним «парадокс камня». Может ли Бог создать камень, который сам не в состоянии поднять?

Если сможет, то он утрачивает всемогущество; а если нет, то он изначально не обладал всемогуществом.

Может ли Империя (как вариант: диктатура культуры), инструмент насилия и принуждения, стоять

на страже ценностей культуры — свободы, истины, добра, красоты?

Если может, то Империя (или диктатура культуры) утрачивает диктаторские свойства Империи (диктатуры культуры); а если не сможет — то этих свойств у нее не было изначально.

Точно так же по лукавому умолчанию Добро и Матрица (манипуляция, насилие) признаются несовместимыми (парадокс Матрицы).

Возникает логически противоречивый «квадратный круг».

Если Империя — значит насилие (угроза многообразию); если диктатура культуры, если Матрица — значит насилие (всех под одну гребенку); насилие означает служение злу. Следовательно, Империя не может служить добру, диктатура культуры не может служить добру.

Следовательно, Империя и высшие культурные ценности — это вещи несовместные; диктатура и высшие культурные ценности — это вещи несовместные.

Что и требовалось доказать в рамках либеральной логики. Казалось бы.

Лукавство представленных «доказательств» состоит в том, что, якобы, высшие культурные ценности существуют *как-то вне диктатуры*. Диктатура все портит. Высшие культурные ценности нельзя насаждать, внедрять, они каким-то чудесным образом прививаются и усваиваются сами, без диктата. Если культура по природе своей репрессивна, императивна, то лучше обойтись без культуры.

Без культуры, но с культурными ценностями. Как-то так.

Правда состоит в том, что если убрать диктатуру культуры (Империю), ее место тотчас займет диктатура природы с ее принципом «не в правде Бог, а в силе» (Империя зла).

Наш выбор заключается не в том, чтобы выбрать диктатуру или обойтись без нее; такого выбора не существует, потому что ценности (порядок) усваиваются через диктатуру (соблюдение порядка), и никак иначе. Подобное тянется к подобному. Наш выбор заключается в том, чтобы выбрать правильную диктатуру (культурную Империю).

Лучшее — враг хорошего. Надо выбирать лучшее.

Как видим, попытка развести по разные стороны «диктатуру с Империей» и «высшие культурные ценности» — это интеллектуальный трюк, а не доказательства, не решение жизненно важной проблемы. Сколько бы мы ни упражнялись в диалектике, иной формы осуществления диктатуры культуры, кроме Империи-во-имя-Личности, у человечества нет. Это Закон управления информацией. Хотите исповедовать культ высших гуманистических ценностей — стройте Персоноцентрическую Империю, где царствует диктатура культуры. В противном случае вы все равно обречены жить в Империи — но только в Индивидуоцентрической.

Пока мы только собираемся строить свою Империю Добра, они уже давно построили свою Империю Зла, совершенно не стесняясь делать ставку на Империю. Почему? Потому что это работает.

Или — или.

При этом надо понимать, что мы выбираем не между Империями Добра и Зла; мы выбираем между Жизнью и Смертью. Речь идет не о принуждении к Добру, не о репрессиях «во имя правды», а о предоставлении возможности каждому, кто на это способен, дорасти до Картины мира. Остальные живут в Матрице. Империя не бросает своих, то есть людей доброй воли; Империя помогает им духовно расти.

Таким образом, мы говорим не об Империи вообще, об Империи как таковой; мы говорим об Империи

как Матрице персонцентризма. Империя может быть ядом (злом), а может быть лекарством (добром). Разумные люди выбирают Империю Добра.

Если мы хотим порассуждать ради отвлеченной истины, разбираясь в парадоксах всемогущества, то следует иметь в виду, что это процесс бесконечный, который ведет в никуда (а в никуда — это всегда в ад, в конечный пункт назначения индивида).

Если мы хотим принять верное решение, то мы должны будем сделать это на основании изложенных аргументов. Более полно и развернуто аргументация представлена в моей книге «Зачем нужны умные люди?» [1].

Как соотносятся личность и власть?

Иисус Христос, великая личность, не был во власти и никогда не стремился быть во власти. Иисус сказал: Царство мое не от мира сего (Иоанн 18.36).

Конечно, это присутствует в нашем культурном коде: личность отделена от власти, власть — от личности. Это разные «царства».

Власть не может создать «царство» личности: ценности, идеалы, мотивы. Личность не претендует на «царство» власти. Зачем? Личность имеет больше, чем ей может дать власть.

Но жить в мире без власти личность не может. Никто не может. Поэтому личность не выступает против власти. «Царство» власти — условие существования мира сего.

Власть создает условия для становления личности; личность помогает власти осознать свою миссию. В этом и заключается принцип разделения «царств».

Рискнем предположить, что главной проблемой власти в России является вовсе не ее «имперский» или «демократический» характер (при этом, конечно, в традициях либерализма «имперский» означает

токсичный-плохой, а «демократический» — хороший, лучший из возможного). Империя не может эффективно функционировать без элементов демократии, а демократия нуждается в имперском единоначалии как своей гарантии.

Главной проблемой власти является разделение «царств»: преемственность власти — это одно, а преемственность Картины мира и устойчивое функционирование Матрицы — это другое. Транзит власти тогда бывает успешным, когда по наследству передается не только «трон», но и Картина мира. Как только во властной цепочке появляется Царь (как его ни называй: Верховный Правитель, Генеральный Секретарь или Президент), не способный усвоить нашу Картину мира или хотя бы чувствовать ее сакральное величие, он превращается в человека Матрицы, при этом чаще всего чужой Матрицы, Матрицы Индивида. Царь «от мира сего» начинает претендовать на царство «не от мира сего». Вокруг Царя завязывается куча интриг, появляются агенты влияния, технологии влияния. У России начинаются идеологические проблемы, проблемы самоидентификации, что приводит к смутам, перестройкам, революциям, социальным катаклизмам. Заметим, что подобные проблемы, как правило, появляются в мирное время. В военное время «не до жиру» — не до идеологических нюансов. В время войны царь (вождь) и Картина мира становятся единым целым: это становится условием победы. В нашей самой страшной и судьбоносной войне «за Родину» — означало «за Сталина». Уже после победы, в мирное время стали разбираться со сталинизмом, «культом личности» и прочими «перекосами». После войны, но не во время войны.

Как сделать так, чтобы власть менялась, а Картина мира (система ценностной ориентации) оставалась устойчивой в своих ключевых параметрах, — это и есть главная проблема.

Народ не может выбрать идеологически надежного носителя традиционной Картины мира, так как люди Матрицы всегда подвержены манипуляциям и популистским спекуляциям; народ стремится поддерживать гаранта своей идеологии, но народ, к сожалению, можно обмануть (особенно при наличии современных политехнологий).

Как выбирать преемника? Как продвигать его во власть? Кто это должен делать? Какая система или структура власти может быть хотя бы относительной гарантией успешного транзита власти?

Политологические аспекты власти не являются предметом нашей книги, посвященной идеологии. Как бы то ни было, теория подсказывает направление, где должен быть выход, а именно: модель власти должна быть такой, где Царь не может менять Картину мира.

Власть должна стать гарантом разделения «царств».

Библию и Картину мира трогать нельзя.

Есть институт Церкви. Почему бы нам не чтить и другой институт «царства личности» — институт Картины мира (где, разумеется, должна быть представлена Церковь)?

Царь (Правитель) должен быть гарантом совершенствования традиционной идеологии. Сакральность власти в том и состоит, что ней видят хранильницу Картины мира — души и ментальности народа. Бог является гарантом существования самой жизни на Земле, власть — гарантом незыблемости Картины мира, которая чтит Законы Бога.

Предательство власти всегда означает неприемлемые подвижки в Картинах мира, опасные тектонические сдвиги в области сакрального ценностного ядра.

Прославление и совершенствование Картины мира всегда в той или иной степени оборачивается либо поддержкой власти (не путать с раболепством), либо неприятием ее.

Власть и народ, народ и власть — это, опять же, разные стороны одной медали.

Личность и власть — еще одна сторона той же медали.

Идеология (персоноцентризм), власть (Империя), народ (счастливое общество): это устойчивая система.

Каковы отношения власти и идеологии?

Сложные. Противоречивые. Иначе говоря, здоровые и нормальные, как и положено в отношениях сложно устроенных социальных институтов.

Кажется, что идеология насаждается властью.

Тут сразу два заблуждения. Во-первых, идеология создается и внедряется, а не насаждается, а во-вторых, она создается умом, а не властью.

Что из этого следует?

Видимо, к нам постепенно приходит понимание, что власть надо отделить от идеологии. В хорошем смысле этого слова. Ведь каждый новый правитель не меняет православия (иудаизма, ислама, буддизма), составной части нашей идеологии, верно? Он присягает православию, а не меняет его. Религия у нас отделена от государства.

В отделении власти от идеологии мы также не видим ничего плохого. Многое в нашей жизни не зависит напрямую от власти. Научные законы не подчиняются государству и власти. Зимой подснежники не растут — только в сказке. И диалектику, составную часть нашей идеологии, невозможно отменить по велению власти. Пытались «отменить» генетику — и что из этого вышло?

Очевидно, надо быть последовательными: отделение религии от власти, личности от власти и идеологии от власти должно идти в одной связке. Религия, личность и идеология — это одно царство; власть — это царство другое.

Почему же у власти достаточно часто возникает искушение изменить нашу Картину мира (систему ценностей)?

Это вопрос к тем, кто находится у власти.

Мы же подчеркнем: отделение власти от производства идеологии (власть должна служить идеологии, а не идеология — власти) будет заметным культурным шагом вперед. Мы говорим об *отделении во имя единства*; отлучение во имя разрушения единства — это уже либеральный сценарий, который для нас смертельно опасен. Когда власть перестанет вмешиваться в идеологию, тогда у нас не будет меняться история раз в десять-двадцать лет, прошлое перестанет быть непредсказуемым, не будут меняться символы и герои (святые же не меняются, верно?).

Отделение идеологии от власти укрепляет власть, а не ослабляет ее.

Почему?

Потому что власть (инструмент социальной организации) не несет ответственности за идеологию (тип управления информацией); она несет ответственность за состояние идеологии, за поддержание должного градуса идеологии, что позволяет крепить общество и державу. Вот почему умная власть всегда будет на стороне власти идеологии.

Власть — это власть над Матрицей, через Матрицу и во имя Матрицы. Картину мира невозможно регулировать законодательными актами. Уровень Картины мира — Конституция, основной закон страны.

Власть должна быть отделена от личности и идеологии; при этом власть создает свою ответственность: без власти ни личность, ни идеология невозможны.

Мы отдаем себе отчет: всему, что ни скажешь про власть (личность, идеологию и т.д.), можно возразить. Мир противоречив. Диалектика к услугам каждого.

Могут возразить: христианство ведь принимала власть в лице князя Владимира, а не грамотные монахи или богословы-книжники.

Выбор идеологии зависел от власти, а не наоборот.

Да, все верно. Но само христианство, «царство не от мира сего» (в том числе православие) не власть создавала. Власть могла либо принять идеологию, либо отвергнуть — это когда надо было определиться с идеологией. Да, в тот момент — именно там и тогда! — власть выступила сотворцом идеологии, за что мы чтим и помним ту власть и поныне.

Сегодня (вообще: с тех пор) такой задачи не стоит, сегодня идеология уже выбрана (именем цивилизации, а не власти).

Власть выступает гарантом идеологии, но не ее творцом.

Вот почему идеологию надо включать в Конституцию: чтобы у власти не возникало искушения производить смену идеологии вместе со сменой власти.

Кажется, что идеология насаждается властью, а на самом деле идеология определяет функции власти.

Создавать идеологию и создавать условия для ее воплощения в жизнь — это разные культурные специализации; хочешь создавать идеологию — *становись оператором гуманитарных данных*; хочешь править — *становись царем*, правь державой, занимайся экономикой, политикой, геополитикой, только избавь общество от бесконечных перестроек.

Понятно, что власть стремится к абсолюту — к власти надо всем, что существует в подлунном мире. В том числе к контролю над личностью и идеологией. Это в природе власти. Однако лучшие представители власти — люди разумные. Кто сказал, что власть должна быть непременно глупой? Власть должна быть умной. Принцип самоограничения, принцип

отделения от не свойственных власти функций, им хорошо известен.

Власть и известный риск — это также атрибут жизни общества.

Все на свете яд, и все на свете лекарство. Конечно, мы рискуем, превращая яд в лекарство. Но без лекарства мы рискуем умереть.

Власть (любая) — это инструмент социальной организации. (Типы и виды власти для нас сейчас неактуальны.) Власть не от Бога, и она не является добром или злом сама по себе. Нравственность/безнравственность не являются имманентным качеством власти. Оценочные суждения (измерения) власти появляются тогда, когда обнаруживается ее культурная содержательность. Все зависит от того, какую идеологию культивирует и продвигает власть.

Если хорошую идеологию — хорошая власть.

Плохую — плохая.

Когда власть превозносят или проклинают, то вовсе не за то, что она власть, а за ее приверженность Картина мира и за усилия по продвижению этой Картины мира в политике, экономике, культуре.

Понятно, почему народы всего мира проклинают власть правителей Запада — в том числе народы развитых западных стран?

Подведем итог. Соотношение понятий «Матрица» и «диктатура», «диктатура» и «культура», «культура» и «идеология», «идеология» и «личность», «личность» и «власть», «власть» и «Империя», «Империя» и «диктатура» является соотношением структурно однородных понятий. Они не существуют одно без другого. Это рядоположенные понятия.

Кстати сказать, традиционные мировые религии (для России это, помимо буддизма, авраамические религии — иудаизм, христианство, ислам) вполне совместимы

с разобранным нами понятием «империя». Империя не угрожает мировым религиям, а нуждается в них.

Для России это означает следующее. Если перестать вторить либеральным мифам, помещающим в одну плоскость Империю и зло, то Россия как Империя — это устойчивая и жизнеспособная социально-экономическая, политическая, идеологическая и культурная модель. Россия была Империей — потому и выжила. Дальнейшее существование России видится именно как существование Империи. В противном случае про ту идеологию персонализма, о которой мы говорим в нашей книге, придется забыть. А идеология индивидуализма разрушит Россию.

Все разговоры о вреде имперских идей для России ведутся с целью уничтожения России. Пушкин — имперский поэт. «Евгений Онегин» — имперский роман в стихах. «Война и мир» — имперская эпопея. Даже оперное и балетное искусство развивались у нас в Императорских театрах. Санкт-Петербург и Москва — города-символы Империи. Герб у нас имперский, гимн — тоже.

Да, все у нас имперское, прошлое и настоящее. И что в этом плохого?

Для России Империя — это шанс на выживание. Раздробленность — способ уничтожения. Метят в Империю — попадают в Россию.

Несомненный демократический характер российской государственности не предполагает отказ от имперскости; демократический характер российской государственности предполагает укрепление имперской сущности.

Полагаем, из этого и следует исходить.

Государство — это всегда империя, маленькая или большая. Чем маленькая лучше большой? Не стоит России оправдываться за имперское прошлое, поддерживая культуру отмены; надо строить светлое имперское будущее. Кстати сказать, для англосаксов Британская

Империя 2.0 стоит на повестке дня. Англосаксы мыслят исключительно категориями Империи. Мир, судя по всему, в принципе будет развиваться большими агломерациями, союзами, чтобы не сказать Империями.

Не станем утверждать, что весь мир придет к необходимости быть Империей добра. Это дело неблизкого будущего. Но если так случится, если будущее устройство мира вберет в себя черты Империи добра, это будет неудивительно. Это будет закономерно. Потенциал Империи — централизм в многообразии — это культурное достояние человечества.

Литература

1. Андреев А.Н. Зачем нужны умные люди? Антропология счастья в эпоху перемен / Анатолий Андреев. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 692 с. — (Психология. Высший курс).

4. ИДЕОЛОГИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК СПОСОБ ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕКА

Идеология нужна не только «массам», не только каждой цивилизации, но и каждой конкретной личности.

Идеология нужна не только для того, чтобы позволить цивилизации стать суперуспешной и выстоять в конкурентной борьбе цивилизаций. У идеологии есть и более высокие и сложные культурные функции, а именно: идеология либо помогает раскрыть человеческий потенциал, либо препятствует его раскрытию.

Личность ради идеологии или идеологи ради личности?

Нам представляется, что с позиций культуры ответ должен быть таким: все на свете делается во имя личности — которая и создает идеологию, и реализует ее, создавая условия для счастливой жизни каждому человеку в рамках успешной цивилизации.

Личность — цель и смысл деятельности человека и человечества.

«Человек всегда должен быть целью и никогда — средством» мы понимаем так: быть целью — быть личностью.

Тезис «роль личности в истории», не теряя значимости своей прежней трактовки, обогащается еще одним магистральным смыслом: личность не просто возглавляет тот или иной социальный процесс, причиной которого личность не является (он случается вне намерений личности), но и служит содержанием (целью) любого социального процесса.

В первом случае имеется в виду «один из массы», наиболее ярко и убедительно выражающий «чаяния масс», потребности развития общества в конкретный исторический период. Все выдающиеся революционеры

и политические деятели так или иначе примеряли на себя роль личности в истории. Отсюда наши вопросы: какова роль личности Ленина (Сталина, Брежнева, Горбачева) в истории России?

В этом случае под личностью имеется в виду не тип управления информацией, не культурное содержание человека, не человек как «всеобщий закон» (человек как цель истории); имеется в виду конкретный человек, личность как синоним индивидуума.

Когда мы говорим о роли той или иной конкретной личности в истории, мы говорим о личности как об индивидуальности.

Если мы говорим о роли личности, о роли личностного начала человека («всеобщего закона») в таком феномене истории, каким является Великая Октябрьская социалистическая революция, то мы имеем в виду уже не роль единственного и неповторимого товарища Ульянова-Ленина, а роль высших культурных ценностей, которые стали движущей силой революции.

У конкретного масштабного социального явления есть конкретный лидер — и мы говорим о роли конкретного лидера (вожака, инициатора, пассионария), оказавшего влияние на ход истории. Конкретный лидер может стать исторической личностью.

Но культурное содержание масштабного социального явления (идеалы личности, тип управления информацией) не имеет к лидеру никакого отношения.

Следует иметь в виду двойное значение терминологического оборота *роль личности в истории*. Когда мы говорим о персонификации, мы говорим о личности как информационной структуре (о «всеобщем законе»); когда мы говорим о Ленине, то мы можем говорить как о «всеобщем законе» (об информационной структуре его личности), так и о роли этого конкретного человека (личности) в истории нашей страны и человечества.

Для нас важно следующее. Когда мы говорим о личности, мы говорим о персонцентризме (о «всеобщем законе»).

Как идеология помогает создать высокоразвитого человека — то есть личность?

Давайте развернем сравнение «Матрица = ядерные технологии».

Представим себе некий спроектированный ментальный *ядерный реактор*, способный производить идеологию. Без него никакой идеологии не будет. Но реактор сам по себе не вырабатывает идеологию, которую можно представить как *ядерную энергию идеалов*. «Реактор» способен *переплавлять* добытую истину (доказательства) в веру и идеалы (убеждения), но для этого необходимо загрузить его ядерным топливом, состоящим из отношения познания (идей) и психоэмоционального отношения (чувств).

Чтобы «реактор» превращал Картину мира в идеалы, надо запустить его — надо сделать так, чтобы он заработал в режиме Матрицы Личности. И тогда возобновляемая ядерная энергия идеалов сметает все на своем пути.

Идеи — в чувственном формате — должны овладеть массами.

Мы читаем великую русскую литературу.

Постигаем заложенные в нее идеалы.

Идеалы становятся руководством к действию все новых и новых поколений. Идеалы через литературу овладевают массами.

Литература становится «залежами», хранилищем идеалов.

Наш российский реактор запрограммирован на колоссальную мощность, которую может обеспечить наша Картина мира. Западный реактор по мощности не выдерживает

сравнения с нами. Потенциальная (проектируемая) мощь наших идеалов вне конкуренции. Однако здесь и сейчас наши враги вырабатывают на своем маломощном «реакторе» энергии столько, что им хватает, чтобы вполне успешно нам противостоять. Как это им удается? За счет чего?

За счет качества Матрицы Индивида. Она весьма и весьма эффективна. «Реактор» у них слабее, а энергии выдает больше нашей — за счет развитых Технологий (storytelling'ов). Если говорить об эффективности, то мы, образно выражаясь, из пушки лупим по воробьям, а они из винтовки умеют бить по танкам.

Надо это понять, осознать и действовать в соответствии со своей Картиной мира. Победа будет за нами, сомнений нет; но сама она не придет — в этом тоже нет сомнений. Только через Матрицу Личности и Технологию.

Им, нашим врагам, Матрица («ядерная технология») нужна для того, чтобы ограничить развитие человека.

Нам Матрица нужна для того, чтобы овладеть способом духовного производства человека, чтобы все ресурсы человека работали на его же благо.

Западу Матрица (вкуче с «окнами Овертона», инструментом Матрицы) необходима как способ порабощения человека.

Нам Матрица (вкуче с «окнами Овертона») нужна как способ освобождения человека.

Западу Матрица нужна в качестве «опиума для народа», как инструмент манипуляции, затемнения сознания.

Нам Матрица нужна как витамин, как инструмент прозрения, просветления сознания.

Западу Матрица нужна как способ удержания власти.

Нам Матрица нужна как способ достижения счастья с помощью власти.

Западу Матрица нужна как инструмент сохранения статус кво (сильные мира сего доминируют над слабыми мира сего), как способ достичь «конца истории», как способ избежать будущего.

Нам Матрица нужна как прорыв в будущее.

Им Матрица нужна для военных целей, нам — для мирных.

Западу Матрица нужна для того, чтобы доказать успешность своей цивилизации.

И нам Матрица нужна ровно для того же самого: чтобы доказать успешность своей цивилизации.

Вот почему нам надо не стесняться применять «ядерную технологию» «промывки мозгов», и делать это качественно, в соответствии с нашей Картиной мира. «Промывка мозгов» (применение возможностей Матрицы и Технологии) воспринимается теми, у кого «мозги промыты» не в духе нашей цивилизации, как покушение на свободу человека.

На Свободу! На святое.

Манипулятивная логика двойных стандартов такая. Свобода — это возможность творить Картину мира, а Матрица как регулятор уже забирает свободу, потому что выбор (Картина мира!) за тебя уже сделали. Все отрегулировали. Так давайте отпустим человека на свободу, пусть он сам, методом свободного волеизъявления, выбирает Картину мира. Не надо за него решать, не надо ничего регулировать.

Звучит заманчиво (потому что это идеологическая приманка, ловушка, бесплатный сыр).

И под эти разговоры ему подсовывают Матрицу Индивида — суперрегулятор. И человек делает «свободный выбор».

Согласимся: свободу выбора у человека отнимать нельзя, тем более нельзя ею манипулировать. Но это

работает только в отношении тех, кто способен к личностному подвигу (назовем это несколько пафосно): *приобщиться к научно состоятельной Картине мира*. В отношении тех, кто готов к выбору и ответственности за свой выбор. А если человек к этому не способен, но он вполне наш по духу, по ментально-психологическим характеристикам, по вере и убеждениям?

Надо забирать его себе, иначе его поглотит Матрица Индивида. Мы своих не бросаем.

Такова реальность. Идет борьба за человеческий ресурс. Борьба Матриц называется.

Про что мы сейчас говорили?

Про способы духовного производства человека. Про Матрицу личности. Про энергию идеалов, которая заключена в нашей великой литературе. Это наш колоссальный ресурс. Если мы овладеем высокой технологией производства личности в соответствии с нашим культурным кодом, мы победим.

Наш культурный код (входящий в нашу персонцентрическую Картину мира) сложнее Картины мира либеральных фашистов. Следовательно, надо быть на порядок умнее, чтобы его (код) или ее (Картину мира) усвоить.

И это возможно, это реально — следовательно, это неизбежно. Потому что лучшее — враг хорошего.

Наша великая литература — уникальный идеологический инструмент и ресурс. В литературе Картина мира и Матрица слиты воедино. Читать нашу великую литературу, помимо всего прочего, — означает развивать мышление. Развивать мышление — готовить почву для восприятия нашего культурного кода.

Именно так работает духовное производство человека.

Матрица — это, помимо всего прочего, еще и крупный социально-информационный проект,

который следует осознать как сложно устроенную систему и который функционирует именно *как система* или не функционирует вовсе, уступая место более совершенной информационной системе.

Матрица относится к человеку как к системе информационных реперных точек («репер» от франц. *repère* — метка, знак, исходная *точка*). В реперных точках «личностной конструкции» количество информации переходит в качество. Человек изменяется настолько, что становится другим, не равным себе прежнему.

Психологи подтверждают, что психологическое развитие человека представляет собой последовательное прохождение ряда ключевых этапов (реперных точек, определяющих дальнейший путь развития). Психологическое развитие — системно. Существует психологическая готовность/неготовность к восприятию личностно значимой информации. Существует возраст оптимальной готовности к восприятию и усвоению важной для становления личности информации. Культурный принцип освоения мира «сначала думай о (ком-то), а потом о себе» не приходит к человеку сам по себе. Если этот критически важный принцип не будет усвоен в определенном возрасте, человек будет жить в соответствии с принципом природы «сначала думай о себе, а потом о (ком-то)».

Две установки — «надо» и «хочу и буду» — начинают активно противоречить друг другу. Это буквально грань, отделяющая мир культуры от мира природы, или, иначе говоря, точка вхождения в мир культуры (реперная точка). Усвоить принцип «надо» (принцип должностования, долга — принцип приоритета внеприродной регуляции, укрощающего твои желания и хотелки, принцип иерархии) сложнее, чем принцип «хочу и буду». «Надо» — это принцип из области отношения познания, «хочу и буду» — из области приспособления. Усвоение принципа «надо» (из которого впоследствии вырастает культурный императив «не в силе Бог, а в Правде») требует более сложного умственного развития, чем усвоение

принципа «хочу и буду» (прототипа принципа «не в правде Бог, а в силе»).

Учить контролировать свои «хотелки» — путь к ответственному развитию. Родители буквально за ручку вводят ребенка в Матрицу культуры. Надо *учить делиться* ребенка игрушками (но *не заставляя делиться*). К 3-4 годам дети делятся игрушками без напоминаний. Еще через какое-то время ребенок способен аргументированно обосновать свое желание делиться или не делиться игрушкой (на внутренне «Я» ребенка грубое давление должно быть исключено, иначе про свободную личность можно забыть). Но за этим стоит труд — тысячекратные увещания родителей. Труд убеждения. Труд по подготовке вхождения человека в ту или иную Матрицу. Труд воспитания.

Разумеется, мы дали несколько упрощенную картину реальности, но принцип эгоцентрического отношения к миру *надо* менять на принцип социцентрического и персоноцентрического отношения, и это именно задача воспитания. Если вы собираетесь воспитывать *индивид* под индивидоцентрическую Картину мира, то задачи воспитания будут отличаться от задачи воспитать *личность*. Воспитание личности — процесс более сложный, энерго- и трудозатратный, требующий более сложных матричных (реперных) настроек.

Вот почему индивидоцентризм имеет фору перед персоноцентризмом (на первых порах индивидоцентризм усваивается легче); но как только будет создана Матрица Личности, жизнеспособность индивидоцентризма резко пойдет на спад вследствие неэффективности его как принципа жизнедеятельности, жизнетворчества.

Этапы личностного роста — это реальность, а не выдумки психологов. Не случайно существует возрастная классификация информационной продукции (Russian Age Rating System, RARS) — совокупность норм,

регулирующих доступ к информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей. Такая возрастная маркировка — уже инструмент в построении системно организованной Матрицы.

Но этим инструментом — системой реперных точек — надо уметь пользоваться.

Если нас интересует человек как субъект эффективного усвоения гуманистических ценностей, то следует определить, в какого рода информации эти ценности присутствуют в максимально пригодном для усвоения виде. Очевидно, что в интересующем нас аспекте прежде всего следует говорить о художественной продукции, а также о спектре гуманитарных дисциплин. В первую очередь не о математике, физике, химии, биологии, информатике, хотя значимость этих, а также всех иных наук для развития человека никто не отменял. Но сначала человек получает представление об иерархии ценностей, о ценностной маркировке любого рода человеческой деятельности, а потом о конкретной науке, не существующей вне ценностного контекста. Физика — это тоже в определенном смысле не про устройство материи, а про добро и зло.

В этой связи понятно, что и литература, и история, и физика обладают серьезным идеологическим ресурсом. Если мы стремимся дать представление об элементах Картины мира, то преподавать следует не философию вообще, а историю философии как историю продвижения к персоноцентризму, как историю логически обусловленной смены Картин мира. То же самое следует сказать и об истории. Не историю вообще надо преподавать, не историческую фактуру, не цепь событий и дат, которые, опять же, существуют вне контекста причинно-следственных связей, имеющих отношение к персоноцентризму. История по определению является инструментом идеологии. Следовательно, нужно преподавать историю эволюции гуманистических ценностей — историю продвижения к персоноцентризму, к высшим культурным ценностям.

Никто не говорит о замалчивании «неудобных», этически или политически «неоднозначных» фактов в истории народов или личностей. Речь идет о преподавании истории как истории становления ценностей и о роли нашей страны в гуманистическом развитии человечества. Честное и научное преподавание истории — понятия синонимы.

В общем и целом Картина мира складывается из неочевидной связи физики, философии, истории, литературы и т.д. Этим и должна заниматься персонцентрически ориентированная педагогика.

Но важнейшим инструментом преподавания персонцентризма как ядра Картины мира на всех этапах развития личности является художественная литература. Почему?

Потому что литература воздействует на чувства и сознание одновременно. Литература идеологична по природе своей. Литература — это форма существования идеологии. Литература развивает ум, а не только интеллект. Это уникальная информационная возможность.

Ее уникальность усиливается уникальными образцами великой русской литературы. Великая литература предоставляет, пожалуй, уникальную возможность развивать мышление, без которого невозможно усвоение нашей идеологии и сам духовный рост. Невозможно себе представить возможность существования великой цивилизации без великой литературы. Отсутствие великой литературы Китай, например, отчасти компенсирует жесткостью социальной регуляции.

Коротко говоря: если бы у нашей цивилизации не было в активе великой литературы, то о персонцентризм можно было бы забыть. Мы были бы не готовы к персонцентризму.

Механизм развития мышления в общих своих контурах примерно таков. В произведениях великой литературы

(перечень великих писателей и великих произведений русской литературы мы представим ниже) читатель раз за разом оказывается в ситуации, когда ему вместе с героем предстоит сделать выбор — принять сложное, нравственно неоднозначное решение. Тяжелое, экзистенциальное, судьбоносное, противоречивое решение.

Такое решение может оказаться успешным только тогда, когда оно принимается на основании информации (больших данных), которую представляет ум.

Свобода выбора (проблема выбора) становится эффективным педагогическим инструментом.

Изучение литературы превращается в систему упражнений, помогающих становлению личности.

Выбор личности — это выбор между добром и злом как между белым и черным. Но это только на начальном этапе. Далее черно-белый вариант отношений добра и зла уступает место красочному спектру (многообразию) — приходится делать выбор между добром, похожим на зло (добро с внешними признаками зла), и злом, похожим на добро (которое старается выглядеть добрее добра).

Выбор одного в условиях многообразия.

Анализ таких ситуаций предполагает интенсивную умственную работу. Наша литература напрягает ум, развивает ум, подготавливает человека к усваиванию ценностей (Картины мира) нашей цивилизации.

От «Колобка» и «Маши и медведя» до «Анна Карениной» и «Мастера и Маргариты». От индивида — к личности.

Изучение произведения (под руководством квалифицированного преподавателя, тут никак иначе) превращается в своеобразный полигон для отработки моделей поведения и выработки алгоритмов реагирования на подобные ситуации.

Учащиеся приобретают навык работы с большими данными, потому что мышление — это навык анализа больших данных (добро среди тысячи признаков имеет

несколько сущностных; про зло можно сказать то же самое). Учащиеся приобретают навык выделять главное (имеющее отношение к сущности): это навык работы с иерархически устроенной системой нравственных ценностей. Учащиеся приобретают навык принимать решение как императив неизбежного: долг превыше всего. Учащиеся приобретают навык принимать ответственность за трудное решение, приобретают навык увязывать «решение» и «ответственность» (в противовес бесконечному «процессу», в рамках которого «ответственность» просто не формируется).

Учащиеся приобретают навык относиться к свободе выбора не как к реализации своих «хотелок», внешне смахивающих на проявление свободы воли, а как к общению к законам.

Приобщение к законам — это приобщение к Империи духа.

Качество человека становится иным. Личность оставляет в себе индивида глубоко внизу — но оставляет, что принципиально. И не в качестве врага, а в качестве союзника.

Вот она, структура «царства не от мира сего».

Конечно, это похоже на симуляцию, на тренинг — на симуляцию полета, на авиатренажер, заменяющий реальный полет. Учащиеся симулируют жизнь, существуют «в режиме драм и трагедий»; тем не менее, они приобретают навык «побывать в шкуре личности», посмотреть на мир сквозь ментальность личности. В конце концов, развитие мышления нас интересует не само по себе, а как возможность усвоить наш культурный код: не в силе Бог, а в Правде.

Разбор драматических ситуаций всякий раз заставляет нас искать аргументы в пользу справедливости, правды, заставляет критически относиться к культурному коду наших врагов. Правда становится ценностным ориентиром, формирующим поведенческие модели.

Наша Победа начинается с аналитической работы над художественным произведением. Вот она, реперная точка входа в культуру.

Работа над анализом произведения становится ничем иным, как работой над Картиной мира, а работа над Картиной мира развивает мышление.

Именно так «работает» духовное производство человека в сфере образования — в школе и университете.

Мы уже отчасти разбирали ситуацию «Евгения Онегина» А.С. Пушкина; надеемся, этот разбор помог прояснить наш тезис о духовном производстве человека.

В свете сказанного становится понятно, что необходимо весьма тщательно отбирать произведения русской (и зарубежной, конечно) литературы в соответствии с возрастными и ментальными особенностями учащихся (имеется в виду готовность к усвоению ценностей разной сложности) для того, чтобы сформировать корпус текстов, влияющих на личностное развитие максимально эффективно.

Отдайте эту позицию, эту реперную точку (отбор произведений) на откуп нашим оппонентам, и наши дети будут служить чуждой нам Картине мира.

Литературное образование должно быть системным. Важно иметь не просто список произведений (корпус текстов), способных определять нравственное и умственное развитие учащихся; важно иметь системно организованный список. С этой целью мы предложим своего рода *литературную «таблицу Менделеева»* (систему реперных точек), где есть уже проверенные временем классические «элементы», уже доказавшие свою эффективность, раскрывшие свои свойства, и еще не открытые «элементы» (авторы и произведения), которым еще только предстоит появиться на свет, но в появлении которых нет сомнений. Они достаточно просто «вычисляются» согласно предложенной таблице. Слабые позиции, конечно, не могут быть совсем пусты (свято место пусто не бывает, как известно); как правило, они временно замещаются

произведениями, призванными хотя бы отчасти выполнять возложенные на них культурные функции. Чем богаты, тем и рады.

Но если мы хотим иметь эффективное литературное образование, направленное на воспитание личности, над «таблицей» придется постоянно работать.

«Таблица» — это государственное дело, поэтому вполне уместны своего рода государственные заказы на те позиции, которые крайне необходимы, но которых пока нет. Литературным образованием как элементом нашей Матрицы Личности надо управлять, если мы хотим быть идеологически успешными. Иначе пустую или невнятную позицию всегда будет стремиться занять очередная «Гарри Поттер», которых будет пруд пруди.

Хотелось бы быть правильно понятым. Я не собираюсь выполнять функции методиста — на том основании, что методисты, якобы, «плохо» выполняют свою работу. Во-первых, методисты, особенно опирающиеся на продуктивный советский опыт, вовсе не плохо выполняли и продолжают выполнять свою трудную работу; во-вторых, я не считаю себя исключительно квалифицированным методистом, имеющим право диктовать профессионалам, как им поступать и что делать.

Моя задача совсем в другом: мне хотелось бы представить идею «таблицы» (обозначить опорные произведения, помогающие формировать Картину мира), которая может стать эффективным методическим и педагогическим инструментом.

Итак, «таблица». Литературное образование можно разбить на периоды.

- Дошкольный период.
- Младшая школа (1 — 4 классы).
- Средняя школа (5 — 8 классы).
- Старшая школа (9 — 11 классы).
- Университет (высшая школа).

ДОШКОЛЬНЫЙ ПЕРИОД.

Происходит погружение в литературу, знакомство с литературой как прекрасным времяпровождением, источником удовольствия. Одновременно, исподволь, происходит приучение к тому, что у текстов есть «мораль», смысловой итог. Принцип «развлекаясь — познавай, читая — думай» становится культурным багажом учащихся.

Уже первый подход к литературе сопрягается с конечным итогом обучения литературе. Дошкольный период готовит учеников к периоду школьному.

Если говорить о конкретных текстах, то замечательно зарекомендовали себя (прошли проверку временем и практикой) следующие произведения.

Народные сказки (русские народные сказки «Репка», «Теремок», «Волк и Лиса», «Аленушка и Лиса», «Лиса и петух», «Кот и Лиса», «Заюшкина избушка», «Легкий хлеб», «Гуси-лебеди»)

С. Михалков. «Три поросенка», «Зайка-зазнайка».

К. Чуковский. «Муха-Цокотуха», «Мойдодыр», «Федорино горе», «Телефон», «Краденое солнце», «Тараканище», «Айболит», «Бармалей».

Стихи К. Чуковского (Чудо дерево, Путаница, Елка), А. Барто, С. Михалкова, С. Маршака.

Г.-Х. Андерсен. «Дюймовочка», «Снежная королева», «Дикие лебеди».

Ш. Перро. «Красная шапочка», «Золушка», «Кот в сапогах».

А. Милн. «Винни-Пух» (в пересказе Б. Заходера)

С. Маршак. «Двенадцать месяцев».

Разумеется, это далеко не все. Мы не собираемся представлять исчерпывающий список; мы попытались указать на уровень текстов, которые могли бы стать ориентиром для списка.

МЛАДШАЯ ШКОЛА.

Выделение *основной мысли* и *составление плана произведения* — вот те навыки, которые будут востребованы в дальнейшем при работе над Картиной мира. Для учащихся это сложная работа, развивающая не только интеллект, но и ум.

Их открытие на этом этапе: чтение — это сложная, но увлекательная работа. От этой работы можно и нужно получать удовольствие, которое заключается в интеллектуальном и эмоциональном приключении.

Работа мысли (труд) и приключение (удовольствие) как нечто целое: в этом смысл открытия (реперной точки).

Русские народные сказки. «Каша из топора», «Иван-царевич и серый волк».

Литературные сказки (П.П. Ершов «Конек-горбунок», В.Ф. Одоевский «Городок в табакерке», П.П. Бажов «Серебряное копытце», С.Т. Аксаков «Аленький цветочек», В.М. Гаршин «Сказка о жабе и розе», С.Я. Маршак «Двенадцать месяцев», Г.Х. Андерсен «Русалочка»).

И.А. Крылов. Басни («Слон и Моська»).

А. Пушкин. Сказки. Стихи «Зимнее утро», «Зима!.. Крестьянин, торжествуя...», «Зимняя дорога», «Москва... как много в этом звуке...», «Няне», «Осень», «Птичка», «Птичка Божия не знает...», «Сказка о Мертвой царевне и о семи богатырях», «Туча».

М.Ю. Лермонтов. Стихи «Бородино», «Парус».

Ф.И. Тютчев. Стихи «Еще земли печален вид», «Эти бедные селенья».

А.А. Фет. Стихи «Бабочка».

А.П. Чехов. «Каштанка», «Белолобый».

А.И. Куприн. «Слон», «Белый пудель».

Л.Н. Андреев. «Петька на даче».

И.А. Бунин. «Листопад».

К.И. Чуковский. «Доктор Айболит» (в прозе).

А.Н. Толстой. «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

А.М. Волков. «Волшебник Изумрудного города»
Н.Н. Носов. Незнайка
Р. Стивенсон. «Остров сокровищ».
Д. Дефо. «Робинзон Крузо».
М. Твен. «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна».

В конечный период младшей школы и начальный период средней школы учащиеся активно читают не то, что предлагает им школьный список, не прекрасную повесть «Тимур и его команду» А. Гайдара; они взахлеб читают замечательно изданные, великолепно иллюстрированные, весьма недешевые книги о Гарри Поттере. Этих книг в школьной программе нет, но они их читают. Как раз в этот период учащимся для личностного роста необходимо то, что они находят именно в Гарри Поттере. Запрещать книги о Гарри, конечно, не надо (хотя и не надо *ради коммерческой выгоды* (зачем себя обманывать?) издавать массовыми тиражами у нас). Вы же не можете отменить потребности личностного роста?

Не можете. Следовательно, надо не запрещать, а сделать так, чтобы у нас появилась книга, замещающая Поттера. Вытесняющая его из той культурной ниши, которую он нагло занял. Мы говорим об импортозамещении в области воспитательной литературы, если угодно.

Что значит замещающая?

Речь не о том, что надо сделать в духе и стиле Дж. Роулинг, только лучше. Если за основу брать чужие модели и лекала, своего не создашь. Ответ в таких случаях чаще всего бывает асимметричным. Книги о Поттере акцент делают на развлечении в ущерб развитию умственных способностей, которые развивают нравственные качества. Книги о Поттере уводят наших детей в западную Матрицу, исподволь меняют наш культурный код. Именно в тот момент, в тот возраст, когда наши дети стоят перед выбором «текст как развлечение» или «текст как работа»,

книги о Поттере становятся аргументом в пользу выбора удовольствия как главного принципа жизни.

Это их «хит», а нам нужен свой «хит». «Тимур и его команда» с ролью «хита» не справляется.

Книги о Поттере оккупировали ту реперную точку, которую никак нельзя отдавать креативным мастерам чуждой для нас цивилизации.

У нас есть свои модели и лекала, их надо творчески применить.

Вот почему мы настаиваем: эту позицию (точку) надо возвращать себе. Надо обходиться своим. Потому что книг для развития личности в нужном для нас плане Запад создавать для нас не будет. Ему не нужна личность, он будет поддерживать интерес к развлечению.

Железный занавес и отмена русской культуры как русофобские, человеконенавистнические и культурофобские проекты нам в помощь.

Поскольку есть культурный и цивилизационный запрос на такую книгу, должен быть госзаказ. Подчеркнем: запрос существует не со стороны детей, которые бездумно наслаждаются приключениями Поттера, а со стороны нашей педагогической (персоноцентрической) стратегии.

Рано или поздно книга *на современном материале* появится. Культурная ситуация сформировала запрос на «Евгения Онегина». Роман в стихах появился. Не раньше и не позже, как раз в нужное время. Эта ключевая реперная точка отныне и надолго за нами.

Появление нужной целым поколениям книги — это вопрос не методический, это вопрос культурно-образовательной политики. Это вопрос управления процессом духовного строительства.

Так работает «таблица». Так работает Матрица.

СРЕДНЯЯ ШКОЛА.

Здесь уже важен навык *формулировать и высказывать свое отношение* к прочитанному, важны навыки

интерпретации и пересказа. Мы вплотную приближаемся к навыкам работы над Картиной мира.

Читатель в этом возрасте (в этой реперной точке) учится ставить себя на место персонажей, учится погружаться в предлагаемые обстоятельства, и в заданных (смоделированных) условиях приобретает навык принимать решение.

Чтение становится больше, чем чтение; оно становится способом познания себя, способом выстраивания своей личности. Учащиеся получают доступ к важнейшей для человека информации.

Именно в этот период становления личности закрепляется навык «я не мыслю свою жизнь без чтения».

Тот, кто любит читать хорошую литературу, получая от этого удовольствие, тот рано или поздно будет наш.

И.А. Крылов. Басни. «Волк на псарне», «Листы и Корни», «Свинья под Дубом», «Квартет», «Осёл и Соловей», «Ворона и Лисица».

А.С. Пушкин. Стихотворения. «Повести Белкина», «Капитанская дочка», «Полтава», «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Дубровский».

М.Ю. Лермонтов. Стихотворения. «Бородино».

Н.В. Гоголь. «Тарас Бульба»

И.С. Тургенев. «Муму», «Записки охотника»

Л.Н. Толстой. «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат», «После бала».

А.П. Чехов. «Толстый и тонкий», «Тоска», «Крыжовник».

Стихотворения А.К. Толстого, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, И.А. Бунина, А. А. Блока, С.А. Есенина, Н.М. Рубцова, Ю.П. Кузнецова.

М. Горький «Старуха Изергиль».

А. Грин. «Алые паруса».

В. Распутин. «Уроки французского».

Ж. Верн. Дети капитана Гранта.

Какая позиция в дефиците?

Современные произведения для этой возрастной группы.

Освоение этой реперной точки мы не можем занести себе в актив.

Ерго: такое произведение должно появиться. Надо над этим работать.

СТАРШАЯ ШКОЛА.

Работа над Картиной мира осознается как *работа над Картиной мира*. Свобода выбора как приобщение к нравственным законам становится (или не становится) второй натурой. Учащимся предлагается список литературы, который так или иначе будет сопровождать их всю сознательную жизнь. Это новый опыт, новая реперная точка. Осознание *глубины смысла* как новой категории, осознание сложности критериев успеха в жизни, появление категории *счастья* как главной для нашей цивилизации — все это окончательно превращает (или не превращает) чтение из факультативной привычки в потребность.

Реферат (вообще любой аналитический инструментарий) как способ постижения литературного содержания становится актуальным.

Главное, чтобы учитель донес (доказал и убедил): без чтения в жизни не обойтись — *если хочешь быть счастливым*.

Если хочешь быть свободным и получать удовольствие (в том числе удовольствие от устранения императива «*думай или забудь о счастье*»), можно вообще не читать или пристраститься к *чттиву* — следить за литературными проектами (наподобие книг о Гарри Поттере, детективами, мелодрамами, женскими романами и проч.).

Читать или не читать в этом возрасте, в этой точке окончательно превращается в инструмент построения или личности, или индивида.

А.С. Грибоедов. «Горе от ума».

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин». Стихотворения.
Поэмы. Маленькие трагедии. «Пиковая дама».

М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени». Стихотворения («Молитва», «Выхожу один я на дорогу...», «Как часто пестрою толпою окружен...»).

Н.В. Гоголь. «Мертвые души», «Ревизор».

И.С. Тургенев. «Ася», «Отцы и дети».

А.Н. Островский «Гроза», «Бесприданница».

Ф.М. Достоевский. «Преступление и наказание».

Л.Н. Толстой. «Война и мир».

А.П. Чехов. «Попрыгунья», «Дом с мезонином», «Ионыч», «Дама с собачкой». «Палата № 6». «Вишневый сад».

А.И. Куприн. «Гранатовый браслет», «Поединок».

И.А. Бунин. «Солнечный удар», «Митина любовь».

Е.И. Замятин. Рассказ «Пещера».

М. А. Шолохов. «Тихий Дон».

М.А. Булгаков. «Мастер и Маргарита».

В.М. Шукшин. Рассказы. «Чудик», «Мастер».

А. Вампилов. «Старший сын».

Э. Хемингуэй. «Старик и море», «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера».

Стихотворения и поэмы Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Н.А. Некрасова, И.А. Бунина, А. А. Блока, С.А. Есенина, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, В.В. Маяковского, Б. Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама.

Какая позиция в дефиците?

Обратим внимание: наша цивилизация опять не в состоянии предложить *современные произведения* для указанной нами возрастной группы. Хорошая половина из предлагаемых произведений современных писателей формируют Матрицу индивида: они заполняют нишу *современные писатели*, а не *актуальные для личности проблемы*. Это подмена понятий. Для формирования личности, для формирования Матрицы

личности предлагаемые произведения по большей части не актуальны. Обилие предлагаемых произведений западных писателей также весьма напоминает троянского коня.

Эта реперная точка — точка нашей уязвимости.

Приходится выкручиваться: на предлагаемом материале преподавать совсем другое. Во всяком случае, извлечение педагогической пользы при изучении произведений зарубежных писателей «от противного» — от критики индивидоцентризма, а не от созидания персоноцентризма — предъявляет учителю серьезные требования: учитель на этом этапе должен быть серьезным аналитиком. Кудесником: из ничего извлекать главное.

Сложность нашей Картины мира диктует свои педагогические стандарты. Роль учителя, роль наставника, роль воспитателя в нашей педагогической системе невероятно высока, потому что невероятно высоки ставки в цивилизационном противостоянии.

УНИВЕРСИТЕТ.

Применительно к университету идея состоит в том, чтобы продолжать (не прекращать) изучение литературы как инструмента воспитания личности. Продолжать, не прекращать. Чтение и «прохождение» литературы в школе должно превращаться в непрерывное познавательно-образовательное чтение.

Общение с литературой начинает давать качественный эффект. Университет — очередная реперная точка. Здесь окончательно формируется убеждение: углубление и закрепление Картины мира без чтения художественной литературы немислимо. Новый эффект от чтения хорошей, качественной литературы заключается в том, что с опытом приходит понимание: *чтение и осмысление прочитанного смыкается с жизнью*. В жизнь входит понятие *жизнетворчество*. При этом читают студенты уже известное, но уже на ином, неизвестном доселе уровне. Знакомое оборачивается

новыми гранями. Бесконечная глубина постижения великих произведений и «себя, любимого» становятся процессами близкородственными.

Литература становится инструментом самопознания.

Персоноцентризм становится содержанием жизни.

Если говорить о базовом списке, то он, в основном, тот же, что и в старшей школе. В качестве обязательных к изучению произведений мы бы отнесли «Евгения Онегина», «Войну и мир», «Преступление и наказание», рассказы А.П. Чехова.

Конечно, список необходимо расширять. Например, такими произведениями:

Л.Н. Толстой. «Анна Каренина».

Ф.М. Достоевский. «Идиот», «Братья Карамазовы».

И.А. Гончаров. «Обломов».

А.П. Чехов. «Три года».

В. Распутин. «Живи и помни».

Т. Драйзер. «Американская трагедия».

Э. Хемингуэй. «Прощай, оружие», «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера», «Старик и море».

Ф. Фицджеральд. «Ночь нежна».

Какая позиция в дефиците?

Мы ощущаем невероятный дефицит *современных произведений*, которые формируют нашу повестку. Появляется опасность (проявление эффекта накопления): у учащихся может сложиться впечатление, что мы живем прошлым, хотя это, конечно, не так. Но факт остается фактом: современную жизнь мы постигаем на основе «старых» (морально-эстетически устаревших, что ни говори) моделей. Современных произведений персоноцентрической направленности крайне мало. После Чехова, Шолохова, Булгакова, после Шукшина русская литература перестала быть персоноцентрически ориентированной.

Но жизнь продолжается.

Идею «таблицы», идею системно связанных реперных точек можно и нужно применить и по отношению к другим видам искусства: кино, театру, живописи, музыке, танцу.

«Таблица» применима также и по отношению к философским произведениям. Здесь работы непочатый край.

В итоге все «таблицы» надо «запараллелить», соотнести между собой, увязать в целое (Картину мира). В «нейросеть». Предметы должны дополнять друг друга в учебном процессе. В этом случае происходит эффект идеологической мультипликации: каждый отдельный школьный предмет в кооперации с другими предметами усваивается лучше.

Так мы получим системный подход к духовному производству личности в школе и университете.

Пока что состояние нашей педагогики можно характеризовать как «стихийное». В масштабах страны и цивилизации мы учим «чему-нибудь и как-нибудь», увы. Педагогика не отлажена как научный, идеологический и воспитательный процесс.

Конечно, это не исключает впечатляющих успехов в преподавании отдельных предметов в отдельных учебных заведениях. Физика, математика, химия, программирование — это «предметы» нашей гордости, если брать *передний край* нашей системы образования. Если брать систему образования в глубинном и периферийном измерениях, то здесь картина совершенно иная. Далеко не такая радужная.

Так или иначе, Картина мира и система образования у нас весьма слабо связаны между собой. А их связь — основа нашей Матрицы.

Наша педагогика не является персоноцентрической, хотя должна быть таковой.

Что делать нам в принципе понятно.

А что делать тем странам и народам, у которых нет литературы, подобно нашей? У которых с реперными точками личности проблем настолько много, что они даже не осознаются как проблемы?

Надо читать нашу литературу. Переводить и читать. Или учить русский язык. Не отменять русскую литературу и культуру, а осваивать ее. Это мировая литература, она принадлежит всему человечеству. Надо читать, развивать мышление — чтобы усваивать высшие культурные ценности, составляющие основу нашей Картины мира.

Между прочим, сказанное означает: нам надо экспортировать нашу Картину мира и нашу идеологию, надо делиться с миром лучшим. Не навязывать, а экспортировать. Это не только в наших интересах, но и в интересах всего человечества.

Когда говорят русофобия — имеют в виду фашизм или расизм; когда говорят фашизм, имеют в виду уничтожение культуры; когда говорят уничтожение культуры, имеют в виду уничтожение нашей Картины мира, дающей миру шанс на выживание.

Русофобия — это способ уничтожения мира, способ украсть у мира будущее. Метят в русских — уничтожают культуру. Двойная бухгалтерия.

Изучение русской литературы — это способ дать миру шанс на достойное будущее.

Есть еще один поворот темы, который важно осознать. Носителю западного культурного кода бесполезно пытаться донести наш, русский культурный код. Они нас не услышат. Это пустая трата времени и сил. Их не перевоспитаешь, не перекодируешь. Ментальная «прошивка», метка Матрицы фашизма в головах, — это навсегда. Запад есть Запад, Россия есть Россия, и с мест они не сойдут.

Это означает: если вы «снесете» Матрицу фашизма и не предложите взамен свою, они мгновенно возродят

фашизм. Корень — Картина мира. Разрушением не победить, только созиданием.

Следовательно, надо выстраивать свою Матрицу. Это гораздо важнее и продуктивнее, чем бессмысленно спорить с врагами.

Ценность духовно-информационных технологий в информационную эпоху парадоксальным образом оказывается на периферии научного сообщества. Обладать высокими ядерными, цифровыми, био- или нанотехнологиями считается престижным: это гарант экономического процветания страны и ее безопасности. А вот вопрос обладания высокими технологиями производства личности в принципе исключается из круга факторов, обеспечивающих суверенитет и само будущее государства. Почему?

Очевидно, потому, что либерально ориентированный индивидоцентризм считает проблему высоких технологий производства личности умозрительной, спекулятивной, далекой от реальности и отвлекающей реальные ресурсы на фантомные цели. Внутренний мир человека, который можно представить как систему идеологических реперных точек, не считается объектом, достойным инвестиций. Индивидоцентризм в упор не замечает личность с ее «высокими технологиями».

Мы же ставим вопрос следующим образом: ядерные и иные технологии (микробиологические, нано, клонирования человека, искусственный интеллект) не существуют в отрыве от технологий духовных; более того, развитие вторых будет неизбежно определять уровень первых. Этот информационный закон нельзя игнорировать безнаказанно; рано или поздно его игнорирование скажется на общем уровне технологического развития и, что гораздо важнее, на перспективах развития и отдельно взятой страны, и цивилизации, и человечества в целом (среднесрочных и особенно долгосрочных).

Ядерная энергия без энергии идеалов — это всего лишь термоядерный синтез; ядерная энергия, направляемая энергией идеалов, — это ключ к будущему. Есть разница. Поэтому мы ставим вопрос следующим образом: русский культурный код, наша Картина мира является ключом к будущему.

В плане прагматическом это означает: высокие технологии производства личности становятся фактором безопасности страны.

В широком смысле (в контексте больших данных) — планеты Земля.

5. ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ КАК УСЛОВИЕ И МАРКЕР СУВЕРЕННОСТИ

Суверенность цивилизации заключается в том, что идеология, предложенная цивилизацией, имеет ресурс претендовать на глобальное лидерство. Нет ресурса — нет суверенности.

Идея суверенности не в том, что цивилизация как субъект автономна и самодостаточна, сильно отличается от других, оригинальна, самобытна, экзотична, «имеет свою специфику», а в том, что она является лидером, на которого можно и нужно равняться «планете всей».

Суверенность предполагает бремя лидерства. Если цивилизация не в состоянии быть лидером планетарного масштаба, то ее суверенности рано или поздно придет конец, ее «специфика» растворится в чужой сущности.

Это идеологический (информационный) закон.

Поскольку России противостоит идеология либерализма (идеология императивная, культивирующая диктатуру натуры), то этой Империи Зла можно противопоставить только Империю Добра. Не Империю Благих пожеланий и намерений, а Империю Добра-Силы, которая опирается на ресурсы разума. Мы можем противопоставить врагам идеологию патриотически и «правдоориентированной» личности.

При этом надо всегда держать в уме следующее. Для нас победить — значит сделать так, чтобы победила Истина, Правда (начало культурное, ибо Бог в Правде). Для Запада победа означает физическое уничтожение противника и отмену его культурных достижений, и даже самого культурного следа.

В нашем понимании победитель получает то же, что и все (победа — одна на всех). В их понимании победитель получает все, проигравший — ничего.

Запад действует как неразвитые в идеологическом плане «туземцы», поэтому они весь мир рассматривают как «колонию туземцев, аборигенов».

Известен исторический факт. Когда войска Суворова, разбившие французов, вошли в Милан, католическо-итальянки подводили к Суворову своих детей, кланялись и просили благословения. Суворов удивился до предела и спросил (через переводчика): «В чем причина такого поклонения?»

Ответ был таким: «Ваши солдаты никого не убивают и не насилуют. Даже не жгут. Даже не воруют. Мы считаем вас святым».

Они ждали от нас поведения победителей, которые убивают, насилуют, воруют. Кто им запретит? Победителей не судят.

А теперь спросим себя: в чем причина разного отношения к Победе?

Причина в разных Картинах мира и разных культурных кодах. Причина в идеологии. Мы сражаемся на стороне Истины (Правды), они — на стороне Силы. Для нас «не в силе Бог, а в Правде»; для них «не в правде Бог, а в Силе».

У нас разная ментальность, это верно; но причина причин не в Матрице, у которой миллион разных иррациональных проявлений, не в загадочной русской душе, а в загадочной для наших исторических противников Картине мира. Загадочная — значит не просто другая, не похожая на свою, привычную, а *более сложная, более сложно организованная в научном отношении*. Другая — это сомнительный аргумент. Загадочная — значит «недоступная нашему пониманию в силу более сложной организации». Непостижимая. Вызывающая страх.

Если мы для них загадка — значит мы выше, чем они, мы устроены более сложно. Значит, мы всеяем в них страх, как непонятные святые, которые «не от мира сего».

Мы обречены стать культурными лидерами. Надо это осознать.

Для них, исповедующих культ силы, наше поведение победителей — это шок, ибо оно граничит со святостью (с отрицанием насилия). Для них, если они победители, все позволено, поэтому колонизация аборигенов, подчинение слабого, воровство, поджоги и насилие — это норма.

Или ты — или тебя. Никак иначе.

Вот почему все войны России были защитные, освободительные или отечественные (в той или иной степени). Мы не начинали захватнических войн, даже если нас вынуждали наносить удар первыми, как например, в СВО на Украине. Иногда нападение — это лучшая защита. Русские войска во главе с императором Александром I триумфально взяли Париж в 1814 году — и опять же никого не убивали и не насиловали (отдельные случаи ничего не доказывают, они лишь подтверждают правило).

В 1945 году войска Красной армии взяли столицу нацистской Германии — Берлин. Причин и поводов мстить у нас, потерявших в величайшей войне человечества около 27 миллионов соотечественников, было предостаточно, но убийства и насилия в армии были запрещены. Законом был запрет, отдельные случаи — вне закона, кто бы что ни говорил. И никаких двойных стандартов мы не приветствовали. Это не мы, а наши западные «союзники» бомбили Дрезден и Кёнигсберг. Это американцы, а не мы, сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки.

Наши враги, которые судят по себе, приписывают русским (советским) тот комплекс победителей, которым страдают сами. Победил — значит уничтожай, бей лежащего. Победитель находится по ту сторону (вне) добра и зла. Победителей не судят. Вот почему то и дело всплывают темы «насилия» русских солдат над беззащитными

немками или «славянизации» населения Парижа. Они хотят доказать прежде всего самим себе, что мы такие же как они.

Но мы не такие.

Солдат ребенка (то есть слабого) не обидит — это про нас. Подтолкни падающего (то есть слабого) — это про них. Сильная, могущественная Россия никогда не была агрессором, поощряющим насилие. И во все не потому, что мы святые, конечно. Мы не святые, но мы верим в Истину (в Бога, в Закон). Мы полагаем, что не хлебом единым жив человек, но еще и «небом». С точки зрения тех, кто не верит в высшее начало в человеке, мы святые и загадочные.

Именно поэтому западный миф о нас, о России (Российской империи, Советском Союзе), гласит: мы агрессоры, мы им противостояим, поэтому нас надо уничтожить.

Если мы их не убили и не подчинили, то мы не являемся победителем в их понимании.

Это означает только одно: противостояние с Западом, периодически переходящее в кровавую войну, неизбежно. Когда и в какой форме будет война, мы не знаем. Но то, что мы обречены на жизнь в форме войны — это факт, научный факт, если угодно.

Мы их идеологию принять не можем — просто потому, что для нашей цивилизации (и всех иных цивилизаций, кстати) это означает смерть, гибель. Они нашу Картину мира принять не в состоянии.

А на компромисс идти они не способны. Мы готовы, а они не способны.

У нас разные культурные ДНК, обрекающие нас на противостояние.

Следовательно, надо готовиться к войне.

Суверенность России без идеологии (Картины мира и Матрицы) не просто труднодостижима, она попросту невозможна. Мы большие и сильные, а сильный, в нашем понимании, должен стоять за Правду (Истину).

Хотим мы того или не хотим, но нашей идеологии уготовано быть универсальной — культуроцентричной, человекоцентричной, персоноцентричной. Очень трудно быть первыми и «святыми» — а весь мир ждет от нас именно этого. От нас ждут в первую очередь не авианосцев и ракетносцев, чтобы «поставить на место зарвавшегося агрессора»; от нас ждут Правды.

Уж коль мы дали миру Пушкина, Л. Толстого, Достоевского, Чехова (перечислять можно долго), для нас пути назад нет. Мы обязаны быть в определенном смысле святыми. Мы обязаны нести свет истины. Мы обязаны почитать личность.

Таким был изначально наш культурный код, ставший усилиями наших гениев основой Картины мира.

Известно, что феномен интеллигенции — это чисто русский феномен. На Западе нет интеллигенции — там есть интеллектуалы. Интеллигенция культивирует разумное, соvestливое, диалектичное отношение к миру (воспринимает мир как целостность); интеллектуалы видят проблемы мира сквозь призму интеллекта (воспринимают мир как систему, что, конечно, сильно упрощает мир). Интеллигентное (интеллигентское) отношение к миру — это черта нашей ментальности, которая прорастает из нашей Картины мира.

Интеллигенция — это про совесть. Про чувство справедливости, которое противоречит прагматизму, интеллектуальной системе, схеме как таковой. Совесть — понятие целостное, «холическое», поэтому оно непереводаемо на английский язык.

Интеллектуалы — это про Privacy, понятие системное (не целостное). Privacy непереводаемо на русский язык и не приживается в нашей ментальности.

Это слова-маркеры, понятия-маркеры, концепты-маркеры нашей/чуждой нам цивилизации.

Мы смотрим на один и тот же мир, но видим разную реальность. Они видят мир в измерении Privacy, мы — в измерении Совесть.

Мы живем в разных мирах.

Что же мы вкладываем в понятие Победа персонцентрической цивилизации?

Торжество высших культурных ценностей, справедливости, возможность быть счастливыми для всех. Мы никого не собираемся загонять в рай. Рай (то есть оптимальное, лучшее из возможного на Земле) — это если не закон, то цель. Цель для нас не оправдывает средства; человек, по Канту, есть цель, но никогда не средство. Цель дает возможность быть счастливыми, но использование ее в качестве средства (в качестве инструмента насилия) делает людей несчастными.

С нравственной точки зрения, насилие — неуважение к цели как закону земного существования.

С научно-информационной точки зрения, насилие — большая ошибка с катастрофическими последствиями.

Что Запад вкладывает в понятие Победа индивидуцентрической цивилизации?

Возможность править миром и эксплуатировать ресурсы мира.

Вот почему в нашей Победе заинтересованы все, а в Победе Запада — только они сами и их не очень дальновидные или попросту оболваненные сателлиты.

Наша суверенность предполагает возможность счастливой жизни на Земле — предполагает перспективы развития человека и человечества. Наша суверенность не означает «отгородиться от мира и жить самодостаточно»; суверенность мы понимаем как право/ответственность сильного обеспечить возможность развития всех.

Наша суверенность — понятие общечеловеческое, всечеловеческое, несмотря на то, что оно очень русское.

Да, мы надеемся, что все поймут и примут нашу правоту — пусть не сразу, пусть в перспективе. В противном случае придется искать иную правоту, иную систему идеологических координат. При этом мы не собираемся никому насильно навязывать свою Картину мира.

Суверенность в западном понимании означает: по праву силы лишать суверенности всех остальных. Миром должен править только один. Суверен правит миром, вассалы ему подчиняются. Что тут неясного?

Вспомним *три ключевых слова*, в которых содержится суть нашей успешной идеологии: Родина. Правда. Победа.

В СССР план на войну был, и он сработал. Наша Матрица в военно-мобилизационном варианте доказала свою эффективность. Общество было пронизано социалистической идеологией от мала до велика. Октябрята, пионеры, партия: преемственность была выстроена, и она работала. «Тимур и его команда», вообще Гайдар как писатель, — это как раз про нашу Матрицу. Там и тогда мы сумели сплотить и отмобилизовать общество.

Н. Островский в своем романе «Как закалялась сталь» (1934) вывел формулу архетипа человека-патриота, *социоцентрического человека*, который сначала думает о Родине, а потом о себе. Такие люди подобны стали, прочному и стойкому материалу. Они нестигаемы. «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей» (Н. Тихонов, «Баллада о гвоздях», 1922). Усвоенная иерархия ценностей — сначала Родина, государство, страна, общество, потом человек — делает их непобедимыми. Для войны такой — социоцентрический — тип человека подходит как нельзя лучше.

Сначала думай о Родине, а потом о себе. Лучшие люди так и думали. Это не означало, что они о себе перестали думать или перестали воспринимать отдельного человека как нечто самоценное, как «цель». Это означало, что наступили «тяжелые времена», когда не до жиру, не до отдельно взятого человека, ибо если погибнет страна, то индивид (или личность) погибнет вместе с нею. Победа Родины, страны, государства стали условием выживания каждого отдельного человека. Патриотизм стал органичной частью мировоззрения личности.

Социоцентризм взял верх и над индивидоцентризмом, и над персоноцентризмом.

Однако наступило мирное время — собственно, ради этого и воевали. Победители получили мир. Мирная жизнь должна была доказать справедливость нашей идеологии. А что получилось в реальности?

Состояние «стальные» перестало быть комфортным и адекватным реальности. Люди расслабились и в массовом порядке из «стали» превратились в «пластилин». Мирное строительство отчасти, конечно, было продолжением военной мобилизации, энтузиазм «поколения победителей» давал о себе знать, но в общем и целом мирное строительство означало отказ от принципов военной мобилизации.

Мы победили, получили мир как бесценный приз, но ментально оказались не готовы к Победе. Мы оказались не готовы к тому, что успешное существование цивилизации представляет собой череду непрерывных побед. Одна победа, пусть даже Великая Победа, не гарантирует устойчивого процветания цивилизации: мы про это «забыли», хотя наша история учит нас именно этому.

Одно дело собрать все силы для решающего сражения, «навалиться всем миром» (Л. Толстой) и победить в Отечественной войне — и совсем другое побеждать постоянно, непрерывно, жить напряженной жизнью в мирное время, чтобы время военное не застало тебя

врасплох. Хочешь мира — готовься к войне; хочешь победы — побеждай постоянно, одна выигранная война — это еще не победа.

Перед нами разные философии победы.

Лозунг «Родина. Правда. Победа» в мирное время перестал работать так эффективно, как работал в военное время. Пришло время тех, кто сначала думает о себе, и только потом вспоминает о Родине, — пришло время индивидов. Герои как образцы для подражания в мирное время оказались, вроде бы, правильными, но не продуктивными, не эффективными. «Пластилин» отказался подражать «стали». Мирное время требовало других героев, других кумиров, других подвигов — уже не героев, готовых жертвовать своей жизнью, а «героев-звезд», успешно распорядившихся своей мирной жизнью в разных областях — в искусстве, литературе, педагогике, науке, спорте, трудовой деятельности.

Словом, мирное время требовало не столько классических героев, сколько героев особого рода: мирных героев — успешных людей.

Итак, мы победили, получили мир как бесценный приз, но ментально оказались не готовы к Победе. Приз оказался троянским конем. *На смену социоцентризму (человеку-герою) пришел индивидоцентризм (успешный человек-потребитель)*. К такому сценарию мы были не готовы.

Мы оказались не готовы к тому, что Картина мира наших врагов предполагала вечную войну с нами до полной и окончательной их победы. Мы считали, что победили, они считали, что получили передышку. Чтобы вскоре после нашей Победы объявить нам «холодную войну». Нас этот «холодный душ» не отрезвил.

За что воевала «сталь»? За хотелки «пластилина»?

За что мы воевали: за их идеалы? За их Картину мира?

Наша Победа — это наше поражение? Их блестящие витрины заставили нас забыть о гордости россов, о тысячелетней цивилизации? Мы как туземцы или сороки повелись на «стеклышки»? Потребление победило тягу к справедливости? Натура оказалась сильнее культуры?

За что же мы воевали?

Все эти вопросы говорят о том, что мы идеологически были не готовы к Победе.

Мы себе на эти вопросы ответить не смогли, а Запад сумел на них ответить. Дал достойный ответ на нашу Победу. В мирное время произошло нечто катастрофическое. Индивидуоцентрический план «хлеба и зрелищ», «поспать-отдохнуть-повеселиться» («жить стало лучше, жить стало веселее») был у богатого и благополучного Запада, который открыто делал ставку на низменную сторону человеческой натуры. На индивида. Массовая литература и культура, поп музыка, спорт, фудкорты — это была их Матрица. Производство звезд масскульта было поставлено на поток. Наша молодежь повернулась лицом, мыслями и чувствами к их Матрице. «Родина. Правда. Победа» прямо на наших глазах обернулись индивидуоцентрической изнанкой — «Свобода. Деньги. Кайф». И мы, как Герман в «Пиковой даме», оказались, мягко говоря, у разбитого корыта, чтобы не сказать в сумасшедшем доме, то есть в их Матрице.

Мы воевали «За Родину», чтобы получить «Деньги и Кайф»?

Или что-то другое?

Что именно?

На этот вопрос советские люди не получили внятного ответа. «Догнать и перегнать Америку» (Н.С. Хрущев, 1957 год) — это не ответ. А Запад внятно ответил: да, вы воевали за «Деньги и Кайф», делая вид по указанию вашей партии и Сталина, что воюете «За Родину».

Вы воевали за наши идеалы. Вот почему ваша «победа» — это наша Победа. Вы проиграли.

Психологию победителей («стали») мы сменили на психологию проигравших (мы «пластилин», лепи из нас, что хочешь). На смену поколению победителей парадоксально пришло поколение не верящих в Победу. Энергия социалистических идеалов, свойственная поколению победителей, трансформировалась в энергию индивидоцентризма — в жажду наживы.

Лозунг «сначала думай о Родине, а потом о себе» наши «стальные» люди, как по команде, забыли. «Где хорошо — там и Родина»: вот что стало главным мотивом Матрицы. Герои-патриоты (во всяком случае, их дети) превратились в индивидов-потребителей (и, соответственно, в манкуртов).

Наша мирная Матрица оказалась не очень жизнеспособной, не готовой к напору потребления как образа жизни. «Родина, Правда, Победа» — это работало в военное время, поэтому «горячую» войну мы выиграли; но вот войну «холодную» проиграли.

Проиграли *по идеологическим причинам*: надо это четко проговорить себе.

Хочешь победить врага — воспитай его детей. Мы отдали своих детей на воспитание врагу в их Матрицу. И наши дети стали отречься от нашей Картины мира. Индивидоцентризм победил социоцентризм.

Вопрос «за что же мы воевали?», вызывающий у нас гнев и слезы отчаяния, у наших врагов вызывал издевательскую ухмылку. Жить нам без своей Картины мира оставалось совсем немного, по меркам истории.

Да, мы проиграли «холодную войну», СССР распался, но Россия сумела встать на путь возрождения. Мы вернулись в игру. Наша цивилизация получила еще один шанс изменить мировую историю.

Как такое оказалось возможно — это отдельный сюжет мировой истории. Наша книга не об этом. Наша книга вот о чем: наш шанс мы связываем прежде всего с идеологией — с нашим культурным кодом, нашей Картиной мира и нашей Матрицей.

Не будет идеологии — наши шансы будут равны нулю.

Что последовало за первыми признаками нашего возрождения?

Ярость и злость наших врагов. Ничего нового.

Враги наши и не думали отказываться от идеи победить нас раз и навсегда, причем, в какой угодно войне: «горячей», «холодной», информационной, гибридной. Кстати, Запад (в лице своих элит) никогда не расслабляется, он всегда пребывает в боевой форме, как и положено лютому хищнику. Известно, как в элитных университетах воспитывают они своих отпрысков: там царит культ спорта, культ состязания и дисциплины. Культ силы.

И вот сейчас мы опять оказались перед необходимостью строить мобилизационную Матрицу, и нам опять нужна Победа, и мы готовы не постоять за цену, и перед нами вновь стоит задача «навалиться всем миром».

Но когда мы победим (а Победа, мы убеждены, будет за нами — архетип-характер никуда не делся), опять наступит мир. И что же тогда, опять отдавать своих детей на воспитание врагам? И нашу Победу опять будут красть, подменяя своей Матрицей? И мы опять пойдем на поклон деньгам (Силе) и удовольствию (потреблению хлеба и зрелищ)? Будем читать их «Гарри Поттера» и смотреть их блокбастеры?

Если обстоятельство «Запад побеждает в мирное время, а мы в военное» возвести в ранг закономерности, то понятно, почему недалекие или идеологически ангажированные люди делают вывод: русские воинственны, жестоки, кровожадны, агрессивны и совсем не умеют

жить мирной жизнью. Они бездушные азиаты, а не толерантные европейцы. Ведь что такое мирная жизнь?

Это доступность и изобилие хлеба и зрелищ. И Запад обеспечивает всем людям возможность мирной жизни — следовательно, он успешнее нас, его идеология успешнее. И гуманнее, ибо успехи Запада связаны с мирной жизнью.

Возникает порочный цивилизационный круг. Мы с нашим впечатляющим идеологическим ресурсом всегда выступаем в роли догоняющих, обороняющихся, хотя и побеждающих в решающих исторических битвах; Запад со своим скромным по культурным меркам ресурсом всегда инициирует противостояние и войну и подводит нас к черте, за которой начинается небытие.

В чем корень проблемы?

Корень проблемы в том, что мы раз за разом попадаем в идеологическую (информационную) ловушку. В каждом человеке живет герой («идеалист», тот кто «не от мира сего») и потребитель («материалист», тот, кто «от мира сего»). Нашей *верующей* цивилизации кажется, что герой сильнее потребителя, что мы в любой момент объявим военную мобилизацию — и потребитель «по велению времени» (по щелчку пальцев) превратится в героя. На самом же деле потребитель (натура) не слабее героя (культуры); сильные духом и слабые духом — это не вопрос заданных пропорций человеческой природы; если производство героической ментальности не становится заботой государства и общества, потребитель (индивид) одержит победу.

Мы победили в очередной Отечественной (крайней), и после этого имеем право «пожить в раю» — расслабиться, превратиться из стали в пластилин — попросту говоря, поесть, поспать, повеселиться. Что в этом плохого? Поколение победителей это заслужило. Наступила мирная жизнь, мы наслаждаемся мирной жизнью. Постоянно

быть сталью (героем) невозможно. Не грех и потребителем побыть. Вроде бы, не грех.

Значит, мы воевали за то, чтобы сыто пожить? И все?

Если сытость является нашей целью и сверхзадачей, то сытый Запад, не прилагая никаких особых усилий, прибирает к рукам нашу идеологию.

Мы начинаем плясать под его дудку.

Стало ясно: без внятного ответа на вопрос «за что нам воевать: за плюшки или за справедливость, за счастье?», Победы мы не одержим.

Потребление как главный итог и главная цель нашей Победы: вот наша коренная идеологическая ошибка, стоившая нам развала Империи. Потребление — это не просто грех, это смертный грех. Определение качества жизни (счастья) уровнем потребления (плюшками), то есть определение ценностей культуры мерками индивида — это «игра по правилам индивида» и по праву сильного.

Если понимать наслаждение мирной жизнью как потребление и потребительство («пожрать, поспать, чтобы опять пожрать»), то Запад является безусловным чемпионом в выстраивании общества потребления, общества воплощенного рая. Мы победили — чтобы тут же проиграть, попав в гносеологическую и психологическую ловушку. Запад выигрывает у нас гонку в проекте «мир как потребление» (люди как «пластилин»). Их Матрица успешнее в этом плане. Индивидуализм в мирное время (которое на деле является всего лишь фазой военного времени) сильнее социализма.

Лозунг «Родина, Правда, Победа» в мирное время работает уже не так эффективно, потому что это военномобилизационный, «стальной» лозунг.

Как адаптировать лозунг «Родина, Правда, Победа» под задачи мирного строительства? Под «пластилин»?

Если не потребление, то что следует рассматривать в качестве главного итога и главной цели нашей Победы?

За что воевать?

Как и, главное, зачем трансформировать социоцентризм таким образом, чтобы в мирное время не проиграть индивидуализму?

Это идеологический вызов, и его необходимо принимать.

Если в качестве главного итога и главной цели нашей Победы рассматривать не потребление, а *раскрытие человеческого потенциала*, то приоритетной становится проблема *личностного роста*.

Главный социальный ресурс — личностный рост человека, «завязанный» на потребность человека не в плюшках, а в счастье. Это информационный ресурс, который определяет экономику, политику и ценностные приоритеты общества. При такой постановке вопроса понятия «победа», «мобилизация», «потребление» меняют свой смысл.

Военная мобилизация должна гибко трансформироваться, чтобы уступить место *культурной мобилизации*. Не расслаблению и потреблению — а мобилизации, только другой.

Полагаем, что лозунг мирного времени может быть таким: «Родина. Личность. Счастье».

Борьбу за Победу как условие Счастья должна сменить борьба за Счастье как условие Победы.

И это лозунг не социоцентризма, а персоноцентризма, не героя и не индивида, а личности. (О счастье как бренде персоноцентризма мы уже говорили).

Одна мобилизация должна сменять другую, образуя некий *непрерывный мобилизационный цикл*. Именно так: жизнь как мобилизация, как максимальная самоотдача: это не благое пожелание, это условие выживания.

Картину мира следует рассматривать как сложную систему стимулов — не только как пряник, но и как кнут. Смысл жизни в борьбе. Кто перестал бороться, тот проиграл. Надо всегда быть в форме.

Победа — это заслуженное право не на отдых и кайф от ничегонеделания, право на уклонение от мобилизации; прежде всего это право на счастье, и это право необходимо реализовать с помощью культурной мобилизации.

Это закон, информационный закон, который становится идеологическим законом.

А отдыхать когда же? Когда же можно будет просто пожить растительной жизнью, как трава в поле?

Отдых в структуре потребностей личности нельзя рассматривать как образ жизни; скорее, отдых представляет собой некий переходный этап-эпизод, где ценится искусство накапливания сил перед последующим мобилизационным рывком, военным или культурным (военно-культурным). Как только отдых становится образом жизни, отдыхом ради отдыха, как только голова ничем не занята, а воля пребывает в расслабленном состоянии, как только эпизод превращается в этап жизни, наступает время Матрицы индивида.

Приходит время поражения. Не наше время. Время наших врагов.

Наша Матрица всегда должна пребывать в активном, деятельном состоянии. Мы должны быть *всегда готовы*. В этом и есть суть *персоноцентризма*. Личность — это и про Победу, и про Счастье, и про Родину. Где Родина, там и Счастье, где Счастье, там и Победа. Если победители не ориентируются на общество, в котором права личности выше прав потребителя-индивида, они проиграют борьбу за мир, доставшийся в результате Великой Победы. Пример СССР доказывает это со всей очевидностью. Иногда кажется, что СССР и нужен был затем, чтобы доказать необходимость персонцентризма.

Что развалило Советский Союз?

Отсутствие идеологии персоноцентризма. Отсутствие культурной мобилизации. Отсутствие нашей Матрицы, и это «свято место» мгновенно заняла индивидоцентрическая Матрица врага. Культ потребления вместо культа личности. Индивидоцентризм побеждает, если ему не противостоит персоноцентризм.

Плюшки победили. Плюшки всегда побеждают, если цивилизация не тверда в том, что не хлебом единым жив человек. Дали слабину — и едва не поплатились.

Пусть этот трагический эпизод нашей истории послужит нам хорошим уроком.

Приведем цитату из романа современного фантаста Г. Майкла Хопфа «Те, кто остаются» (2016). «Тяжелые времена создают сильных людей, сильные люди создают хорошие времена, хорошие времена создают слабых людей, а слабые люди создают тяжелые времена». В нашей терминологии получаем следующий модус цикличности: военная мобилизация создает социоцентрически ориентированных *героев*, которые создают «хорошие, сытые времена», где военная мобилизация и герои не нужны; «хорошие времена» создают *индивидов-потребителей*, антигероев, которые вновь создают «времена героев» — такие времена, где требуется военная мобилизация.

Что мы имеем? Маятник раскачивается от героя к индивиду-потребителю. При этом модель «герои — потребители» неустойчива, она провоцирует раскачивание ситуации, это установка на разрыв, на противостояние, на поляризацию — на войну. Герои «добывают» потребителям мир, потребители заставляют героев вновь браться за оружие, чтобы выжить. Это неконструктивная борьба противоречий. Модель маятника «настроена» на победу одного из двух и не предполагает мира (компромисса) как устойчивой модели развития.

Чтобы модель стала устойчивой, надо из двучленной превратить ее в трехчленную.

Тезис — антитезис — синтез. Появление личности как синтетического начала принципиально меняет идеологическую картину. Модель «герои — потребители — личность» представляет нам синтез противоречий, она устойчива и «настроена» на прогрессивное развитие. Это модель спирали: движение по кругу и одновременно вверх.

Модель маятника уступает место модели спирали.

Именно появление личности, а вместе с ней культурной мобилизации, устраняет раскачивание ситуации от «тяжелых» времен (войны) к «хорошим» (хлеб и зрелища), от военной мобилизации — к потреблению. Культурная мобилизация — вот что необходимо, чтобы индивид не создавал потребность в героизме.

Военная мобилизация — хлеб и зрелища — культурная мобилизация.

Социоцентризм — индивидоцентризм — персоноцентризм.

Культурная мобилизация создает условия для мирного (культурного) героизма, ибо стать личностью — это своего рода подвиг.

Военная мобилизация перетекает в культурную мобилизацию, и наоборот. Военно-культурную мобилизацию как единый процесс можно назвать *социальной мобилизацией*.

Общество всегда должно находиться в той или иной стадии социальной мобилизации. Так победим.

Все это означает, в частности, следующее. Россия как цивилизация не может отторгать потребление, ориентируясь исключительно на архетип героики, — хотя бы потому не может, что люди Матрицы (любой) всегда представляют «мирное начало». Русской цивилизации не следует воевать с природой человека, ибо искоренение потребительства (плюшки вместо икон) — это война не с «преклонением перед Западом»,

не с «тлетворным влиянием Запада», а борьба героев с собственной изнанкой, со своей тенью — с индивидом как оборотной стороной героики.

Личность должна научиться рассматривать индивида как свой ресурс. Личность прирастает индивидом; если этого не происходит, индивид начинает разрушать личность.

Сначала иконы — потом плюшки, если просто. А если наоборот, то не будет ни икон, ни плюшек.

Давайте вспомним формулу философии по Спинозе: не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать. Говоря языком идеологии, принятым в нашей работе, Спиноза говорит «не о Матрице, но о Картине мира». Язык философии, который формирует «предмет понимания», — не чувственно-образный, а абстрактно-логический.

Как философ Спиноза, конечно, был прав: философия — это про понимание. А как идеолог Спиноза был бы не прав, если бы настаивал, что понимание — это все, а переживание — ничто.

Индивид настроен на абсолютизацию переживаний (плакать, смеяться, ненавидеть); *герой* настроен на подвиг понимания и абстрагирования от переживаний, мешающий пониманию. *Личность* же настроена на переживания, которые углубляют понимание, и понимание, которое углубляет переживания.

Формула нашей идеологии может быть такой: плакать, смеяться, ненавидеть, чтобы понимать, а понимать, чтобы победить. Понимать со слезами на глазах (от смеха и горя) во имя счастья и победы.

Картина мира + Матрица = Победа.

Иконы + плюшки = Победа.

Мы включаем в идеологию философию наряду с искусством — то есть совмещаем философию с тем с тем,

что философию «отторгает». Получается внутренне противоречивый продукт — который, тем не менее, адекватен реальности даже более, нежели философия в чистом виде. Во всяком случае, значимость идеологии как регулятора поведения и инструмента воспитания для огромного количества людей больше, нежели философии (которая в отношении истины может быть важнее идеологии).

Философия — это методология жизни; идеология — это жизнь.

Идеология без философии не выживет, это правда; однако философия без идеологии никому не нужна, это тоже правда.

Если сказанное нами верно, то можно сделать следующий вывод.

Россия в идеологическом отношении разная, потому что это великая страна. В ней есть и герои, и потребители, и личности — соответственно, присутствуют в виде идеологий соционцентризм, индивидуонцентризм, персонцентризм. И это не проблема, если Картиной мира занимаются лично ориентированные люди. Приняв нашу, персонцентрическую, идеологию в качестве Правды, общество получает шанс на построение общества устойчивого развития (вверх по спирали), всегда готового и к войне за справедливость, и к Победе в войне, и к энергичному мирному строительству во имя счастья, которое мы понимаем как череду духовных побед (прозрений) — жизнь как восхождение, как бесконечную цепь культурных подвигов.

Счастье и Победа неразделимы. Поэтому Запад, наш вечный и экзистенциальный противник, будет их разделять, убеждая себя и нас, что это возможно.

Быть личностью — это постоянный и упорный труд.

Быть счастливым и не быть при этом личностью — невозможно, ибо абсурдно: одно без другого не бывает.

Сейчас мы говорим про необходимость духовной, нравственной работы, — работы сознания, мышления. А вот что говорят специалисты про работу мозга, носителя сознания: «Если мы ляжем на диван и будем там лежать полгода, то не сможем встать. Если мозг будет читать идиотские журналы, общаться с дураками, слушать лёгкую бессмысленную музыку и смотреть тупые фильмы, то не на что жаловаться. Мозг должен тяжело работать. Тяжело — ключевое слово. Мозгу должно быть трудно. Книга, которая может быть для кого-то лёгкая, но для вас она сложная. Фильм, который вы не понимаете. Значит, вы будете думать, читать критику. Или спектакль, где не ясно, что хотел сказать режиссёр. В таком случае мозг будет занят работой». Т.В. Черниговская, доктор биологических наук, профессор [1].

Кстати сказать, православие, равно как и все остальные традиционные мировые религии, в нашей стране именно так ставят вопрос. Душа должна трудиться, постоянно очищаться от грехов, человек должен следить за нравственной чистотой и опрятностью, избегать соблазнов, ведущих к деградации. Мирная мобилизация, упорный труд человека над собой, укрощение страстей и потребительских желаний — это именно то, без чего идеология персонцентризма не состоится. Опыт Церкви, особенно в мирное время, — бесценен.

Мозг должен работать, душа должна работать, тело должно быть в тонусе, над отношениями надо работать, над собой надо работать.

Работа (труд) отдельного человека и цивилизации в целом требует мобилизации; как только работа подменяется потреблением — жизнь подменяется смертью.

Джон Кэлхун, ученый-этолог, изучавший поведение животных как эволюционно обусловленное, 9 июля 1968 года осуществил эксперимент, известный как «Вселенная 25» (число 25 означало 25 попытку такого эксперимента). Д. Кэлхун изучал влияние плотности популяции мышей

в условиях полного достатка — мышиноного рая (одно из названий эксперимента было именно таким — «Мышиный рай»).

Об эксперименте и его результатах спорят до сих пор; нам важно обратить внимание на закономерность, которую обнаружил эксперимент: создание райских условий — путь к деградации.

Один из выводов таков: прогресс и развитие популяции возможно только в условиях необходимости выживать, в борьбе и конкуренции; в райских условиях, в условиях полного достатка вид (популяция) вымирает.

При этом механизмом вымирания выступает «двойная смерть»: сначала смерть духа, потом физическая смерть.

Без икон плюшки не спасут.

Результаты эксперимента заставляют задуматься о том, что не райские условия надо создавать для того же человека (изобилие плюшек), а условия, в которых человек может реализовать свой потенциал и стать счастливым.

«Жить в раю» и «быть счастливым» — это разные вещи.

Сегодня, в то время, когда проходит частичная военная мобилизация, на наших глазах происходит рассогласование между военной и культурной мобилизацией (социоцентризмом и индивидоцентризмом). Социальная мобилизация находится на низком уровне. Общество не в тонусе. Часть страны (лучшая, ибо именно она обеспечивает выживание) живет в соответствии с героическим лозунгом «Родина. Правда. Победа», другая часть в соответствии с лозунгом индивида — «Свобода. Деньги. Кайф». Попытки культурной мобилизации под персонацентрическим лозунгом «Родина. Личность. Счастье» пока не очень успешны. И это реальность.

Низкий уровень социальной мобилизации отражает состояние нашей идеологии. Идеологии как инструмента социальной мобилизации у нас пока нет. Есть фрагменты нашей Картины мира в причудливом сочетании с Картиной мира Запада; есть фрагменты нашей Матрицы, существующие на фоне враждебной нам Матрицы (следует признать, что в целом удивительную живучесть проявляет Матрица наших врагов). Курс на потребление, на плюшки, взятый негероической, индивидоцентрической частью нашего общества, весьма ощутим.

А на повестке дня уже активно, чтобы не сказать маниакально, обсуждается применение ядерного оружия в той ли иной форме. Индивид готовится победить раз и навсегда.

Это все очень тревожно. Для Победы нам нужна идеология.

Как быть? Что делать?

Россия не может сражаться с частью самой себя, герои-патриоты не должны делать из индивидов-потребителей врагов, хотя бы потому, что это путь к поражению. Личность в «тяжелые времена», когда на повестку выходит военная мобилизация, безоговорочно принимает сторону героев-патриотов, потому что по сути своей личность всегда за Родину, Правду, Победу и Счастье. Но потребителей большинство, хотя многие в «тяжелые времена» становятся патриотами-потребителями, чтобы в «хорошие времена» вновь боготворить культ индивида и Запад, где индивидоцентризм холят и лелеют.

Это значит, что наша ментальность не может быть однородной, и курс на однородную «мономентальность» губителен. Вот почему так важен именно персонцентрический курс, который учитывает потребности и героев-патриотов, и мирных потребителей. Наша идеология (Картина мира + Матрица) должна быть именно и принципиально персонцентрически ориентирована.

При этом наша Матрица должна быть очень и очень эффективной.

В персоноцентрической идеологии есть место всем — и героям-патриотам, и индивидам-потребителям. Все иные идеологии, индивидоцентрические и социоцентрические, не дают нам шанса на гармонию, на баланс интересов разных идеологий внутри одной.

Сначала иконы — потом плюшки. Тот, кто выбирает плюшки, не получает ни того, ни другого, — ни икон, ни плюшек.

«Идея икон» и «идея плюшек» владеют массами. Надо эти идеи объединять, а не противопоставлять.

В этом суть персоноцентризма.

Сейчас много разговоров про то, что идеологию России необходимо выводить из ее «евразийской» сущности (не из европейской).

Так или иначе на повестке дня наша идентичность, с чем невозможно не согласиться, и в противостоянии с Западом хочется подчеркнуть именно то, что отличает нас от Запада. Это отличие предлагается искать, в частности, в «евразийстве». Но если хочешь быть непохожим на Запад, хочешь быть не Западом, надо быть именно Европой, а не Азией, потому что Запад сегодня — это антиевропа; что касается социоцентричной Азии, то у нее больше общего с индивидоцентричным Западом, нежели с персоноцентричной Россией. «Герой» и «потребитель» идут в одной связке. Личность противостоит и тому и другому, вбирая в себя все лучшее и жизнеспособное. В культурном смысле у русской — персоноцентричной — цивилизации нет ничего азиатского.

Наше отличие от современной Европы не в том, что мы ближе к Азии, а в разном подходе к ресурсам человека.

Как же быть с аргументом «половина нашей территории находится в Азии»?

Жить одной ногой в Азии не значит быть азиатом, не значит перестать быть Европой.

Также много разговоров сегодня и про то, что наша идеология определяется геополитикой. Геополитика — это та же политика, только масштаб и уровни другие, а именно: планетарные. Идеология (в частности, Картина мира) не может всецело определяться политикой (геополитикой). Ровно наоборот: политика (геополитика) определяется идеологией.

Геополитика — это актуальная политика мировых цивилизаций.

Вот почему геополитика — это инструмент персонцентризма (или индивидоцентризма, или социоцентризма), но никак не наоборот. Геополитика — это не философия, это не Картина мира; это, скорее, дискурс про Матрицу (у которой есть и политическое, и религиозное, и художественное измерения).

Принято считать, что у России нет союзников, кроме армии и флота. Крылатое выражение «У России есть только два союзника — ее армия и флот» приписывают российскому императору Александру III (1845 — 1894).

Это неверно. Это недальновидное ницшеанское заблуждение. Если у нас в союзниках только сила, то, во-первых, мы уподобляемся нашим извечным врагам, а во-вторых, мы признаемся в том, что у нас за душой нет ничего, кроме силы.

Мы играем в опасную игру — в игру наших врагов и по их правилам. Мы проиграем.

У России есть надежные союзники, за которыми стоят космического порядка ресурсы: воля к истине и идеология. Эти союзники обеспечивают Россию силой духа. Эти союзники, в свою очередь, всегда обеспечат союзников и друзей на международной арене.

А союзники по части армии и флота — это преходящее. Они появятся, особенно когда власть мирового гегемона пошатнется.

В одиночестве, окруженная собственными армией и флотом, — иллюзией фантастической мощи, — находится англосаксонская элита. Поэтому она проиграет.

В стихотворении Ф.И. Тютчева «К портрету государственного канцлера, князя А.М. Горчакова» есть такие пророческие строки:

И им, впервые, Русский Дух
Союзной силой признан смело —
И вот венец его заслуг.

Тютчев гораздо глубже, нежели Александр III, смотрит на соотношение сил в геополитическом и цивилизационном противостоянии. Главный союзник России, главная Союзная сила — Русский Дух (воплощенный в нашей Картине ира). Это очень точно сказано: Тютчев верно указал на главный цивилизационный ресурс России.

Идеология — это ставка на игру вдолгую.

Тотальное укрепление страны начинается не с экономики и не с военного строительства, а с идеологии. Принято считать, что без экономики ничего не будет — ни идеологии, ни образования, ни гуманитарных наук. Экономика — всему голова.

Это верно. Только с одной поправкой: без идеологии не будет социальной мобилизации, следовательно, не будет ни экономики, ни образования.

Что является ключевым звеном, способным выдвинуть страну в безусловные лидеры — в том числе в сферах экономической и военной?

Идеология. Она всему голова.

В заключение отметим, что разные идеологии и цивилизации по-разному относятся к ресурсу человека,

заклученному в его сознании. Индивидуоцентрические идеологии делают из человека потребителя, манипулируя его сознанием и лишая возможности раскрыть свой потенциал.

Персоноцентрическая идеология позволяет человеку становиться личностью, — позволяет уверенно смотреть в будущее, где человек может быть счастлив.

Именно идеология персоноцентризма позволяет идеологии России быть суверенной и перспективной.

Проект «Европа от Лиссабона до Владивостока» поставлен под сомнение. Англосаксы пытаются сделать Европу своей колонией, и мы оказались в Европе лишними. Нас там не хотят видеть. Европоцентрическая ориентация, которой придерживалась Россия многие столетия своего существования, сегодня под вопросом, — но не потому, что Россия отвернулась от Европы, а потому, что Европа перестала быть Европой.

Перестать быть Европой — это не выбор России. Нам приходится ориентироваться на Восток — но не идеологически, а геополитически, сохраняя свою европейскую идентичность.

Суверенность нашей идеологии становится способом выживания.

Литература

1. Из интервью Татьяны Черниговской <https://ezopage.com/mozg-dolzhen-tyazhelo-rabotat-emu-dolzhno-byt-trudno/>

6. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СВО

Специальная военная операция, которую 24.02.2022 Россия начала на Украине, убедительно доказала, во-первых, несомненное наличие у нас идеологического потенциала и, во-вторых, правоту нашей идеологии.

Собственно, мы никогда в этом и не сомневались, просто во время проведения СВО мы почувствовали это особенно остро.

Мы полагаем, существует несколько важнейших вопросов, связанных с проведением СВО, на которые необходимо иметь внятные цивилизационные ответы.

1. Кто является сторонами конфликта, кто с кем воюет?
2. Что является причиной конфликта?
3. За что мы воюем?
4. Что является для нас Победой в СВО?

1. С позиций нашей идеологии, сторонами конфликта на Украине являются не Россия и Украина, не США и Россия, не НАТО (военный инструмент США) и Россия, и даже не коллективный Запад и Россия; строго говоря, сторонами конфликта в ходе СВО на Украине являются англосаксонские элиты, контролирующие весь политико-экономический потенциал Запада, и Россия как государство и цивилизация.

Элиты Запада VS Россия.

2. Что является причиной конфликта? Из-за чего конфликтуют стороны, считающие себя врагами?

Причина конфликта элит Запада и русской цивилизации — идеологические противоречия.

События на Украине — всего лишь одна фаза протяженного, глобального конфликта, у которого есть и метафизическое измерение. Противостоят друг другу две системы ценностей, две идеологии. Победит одна. Именно

по этой причине, *по гамбургскому счету*, началась СВО, ни по какой иной.

3. За что мы воюем?

Мы воюем не просто за то, чтобы сохранить Россию как суверенную цивилизацию; мы воюем за то, чтобы сохранить жизнь на земле. Кроме России нет больше на земле страны, которая осознает, что ставка СВО — жизнь на земле.

С одной стороны, мы воюем за себя, с другой — за всех, хотя, казалось бы, об этом никто не просит. Как это понимать?

На Украине происходит СВО, локальная операция, — но в контексте глобальной войны с Западом (ядро которого — англосаксонские элиты). СВО — *глокальная* операция. Масштаб операции никого не должен вводить в заблуждение: это небольшая операция в рамках мировой войны, ведущейся с незапамятных времен. Фразеологизм (а также метонимия с метафорой) «англичанка гадит» — не вчера родился.

Именно так мы и расцениваем СВО — как операцию по суверенизации России во всех ключевых областях жизни, в том числе в сфере идеологии.

Все итоги операции будут проецироваться именно на глобальный геополитический масштаб. Победа России очень многим будет выгодна, и тем не менее потенциальные бенефициары не спешат нам помогать. Почему?

Потому что боятся, потому что не верят в силу нашей идеологии, потому что не понимают ее, потому что мы внятно не доносим до мира суть нашей идеологии — ни в формане Картины мира, ни в формате символов, к которым так чувствителен окружающий нас мир.

Многие нас не понимают, когда мы говорим: мы или победим — или погибнем. Когда мы говорим «победа — это способ нашего выживания», многие считают это девизом агрессора.

С чего мы взяли, что если мы проиграем, то не выживем?

Может, как раз поражение и есть способ нашего выживания?

Стань вассалом — и выживешь. В сильнейший ураган трава гнется и стелится — и потому выживает, а дуб — выворачивает с корнем, потому что он не в состоянии «прогнуться». Хотите выжить — прогнитесь, примите правила игры гегемона.

Может, так и надо?

Запад побеждает весь мир, априори отводя себе роль гегемона, роль сильного мира сего, оставляя всем иным роль вассалов. Однако вассалы не в обиде и не внакладе. Вассалов не волнует, что они вассалы, то есть люди второго сорта (не сильные мира сего), пока уровень потребления, который обеспечивает им гегемон, будет высоким. Вассалы предпочитают не замечать унижения, они гордятся тем, что выживают, благодаря крохам со стола гегемона. Пищевая и потребительская цепочка работает.

В таком случае либеральная идеология индивидуализма — это святое. Всех все устраивает.

Большинству суверенитет просто не нужен. Это лишние хлопоты.

Очень немногие (далеко не все, выражаясь дипломатическим языком) готовы поменять потребление на счастье — хотя бы потому, что для очень многих *потребление + комфорт = счастье*. Чтобы выбрать счастье как ценностную ориентацию, надо разбираться в природе высших культурных ценностей, — то есть надо уметь видеть связь между счастьем, свободой, истиной, личностью. Чтобы сложить пазл про счастье, надо обладать куда более развитым мышлением, нежели то, которое считает пазл про пищевую цепочку истиной. Надо быть умным.

Идеология пищевой цепочки (социального дарвинизма) для тех, кто попроще. Для вассалов наша

мотивация *счастье* — плохая, неубедительная мотивация, и они никогда не встанут под знамена России как цивилизации.

Для «потребителей» нужна иная мотивация. Если «формула счастья» *потребление + комфорт = счастье* работает, то остальное пустой звук. Мифический рай. Небом сыт не будешь.

Вот почему все вассалы этого мира сегодня против нас. Наше желание быть суверенными воспринимается ими как гордыня, как неоправданные претензии на лидерство.

Но реальность противоречива. В реальности формула *потребление + комфорт* не работает, потому что именно она является мифической, именно она ведет к гибели всех и каждого, ибо ресурс нашей планеты весьма ограничен, и если потребительскую формулу не заменить иной формулой (идеологией), то мы все погибнем.

Статус верноподданного «сюзерену» вассала больше не гарантирует выживания.

В этом контексте идеология *счастье + персонцентризм* является нашим выбором не потому, что она наша (хотя это важно), и даже не потому, что она более справедлива, чем потребительская либеральная идеология (хотя это тоже важно), а потому, что счастье является способом выживания человечества.

Наша мотивация — сохранить жизнь на земле.

Наша идеология обнаружила в себе такой потенциал универсализма, что ее не стыдно предложить всем странам и цивилизациям.

Какие есть еще пути сражаться за жизнь на земле?

Других путей нет. Поэтому мы и сражаемся: за себя, за истину, за всех.

Когда вассалы поймут это, когда им станет плохо (то есть, когда их гегемону самому будет не хватать прокорма, и он перестанет делиться крохами с некогда роскошного стола), тогда они легко перевернутся на нашу сторону.

А пока мы в какой-то мере можем рассчитывать только на тех, для кого *суверенитет* не пустой звук. Об этом мы уже говорили.

4. Что является для нас Победой в СВО?

Вопрос Победы мы рассматриваем в плоскости самой важной — идеологической.

Победой в СВО мы считаем построение в России Матрицы Личности.

Когда для нас наступит Победа?

Тогда, когда нам удастся построить в границах русского мира Матрицу Личности. Ни раньше, ни позже.

Победа на поле боя (победа в военном плане) нам жизненно необходима, это даже не обсуждается.

Брать или не брать Киев? Оставлять ли укрофашистам русский город Одессу вместе с выходом к Черному морю? А Николаев? Харьков? Что будет с русским языком? С православной верой? С нашей землей и нашим народом? Возможны ли в принципе гарантии безопасности со стороны курирующего укрофашистов Запада? Можно ли в принципе верить Западу?

Любой из вопросов — кровотокающая рана для сознательных людей нашей цивилизации. Где бы мы ни провели «красную линию Победы», на каком бы рубеже ни остановились — Киев — Одесса — Харьков — язык — вера — безопасность — рана все равно будет кровоточить.

Любой из вопросов носит тактический характер, ибо не решает проблему идеологического противостояния с Западом.

«Все и сразу (все обозначенные территории, и чем быстрее, тем лучше)» — это может быть авантюрой или ловушкой; если *не все и не сразу* — тогда сколько, когда и где остановиться?

Это вопросы военно-политического и культурно-политического характера. Есть также экономические

аспекты Победы. Есть геополитические. Все это очень важно.

Но даже удачное и успешное завершение СВО во всех упомянутых нами аспектах (далеко не всех) не гарантирует нам дальнейшего продвижения по пути Победы.

А построение Матрицы — гарантирует. Почему?

Потому что с построением Матрицы проблемы, которые мы по каким-то причинам не сможем решить в рамках СВО, мы обязательно решим в дальнейшем. Без Матрицы мы рискуем не удержать даже то, что завоюем.

Победа обеспечивается не выходом на конкретные рубежи («красные линии»); Победа обеспечивается четким пониманием целей и задач как СВО, так и войны с Западом в целом. Залогом Победы служит объективное представление о ресурсах нашей цивилизации и о потенциале врага.

«Красные линии как показатель Победы» — это явно устаревший военный формат. Там, где идут гибридные войны, нет красных линий. А Победа есть. Если мы в глобальной войне будем способны поддерживать и умножать свой потенциал, мы победим. Все линии — в наших головах.

Победа — это умение обнаружить ресурс цивилизации и воспользоваться им.

Если мы будем готовы к Победе, мы обязательно возьмем все свое. Не сразу. Но возьмем. Все.

Укрофашисты не являются самостоятельной силой, они представляют интересы не народа Украины (это наш народ, и мы представляем его интересы), а интересы коллективного Запада, прежде всего США и Британии. Украинские нацисты по глупости своей воюют не за Украину, а за ценности Запада, которому Украина глубоко безразлична.

Интерес народа Украины — быть вместе с Россией.

Кому мы отдадим народ Украины — наш народ, часть нашего народа?

Мы его никому не отдадим. Красную линию можно провести где угодно, но народ рано или поздно будет вместе с нами.

В интересах США, лидера Запада, — ослабить Россию, сделать Украину сырьевым придатком и, под разговорами о свободе и западной идентичности украинских националистов, заставить их сражаться до последнего украинца с Россией.

Поражение России — это победа Запада.

Победа России — это еще не поражение Запада, но определенно развенчание мифов о его непобедимости, обнажение его уязвимости. После победы России позиции Запада дадут серьезную трещину.

А Победа, конечно, будет за нами.

Во имя чего мы воюем и какова наша философия войны?

Об этом мы говорим постоянно, но слышат нас далеко не все. Давайте посмотрим на наше «военное поведение» как на результат идеологического воспитания, результат реализации нашей идеологической установки. Результат идеологии, обозначенной Россией как своей, патриотической.

На войне как на войне: здесь речь идет о жизни и смерти, мы не играем в благородство и не делаем вид, что мы белые и пушистые. Мы не позируем, а сражаемся за принципы. Мы если умираем, то именно за то, за что стоит жить.

Во-первых, мы бережем жизни наших воинов. Нас очень даже интересует *цена победы*, которая измеряется в том числе жизнями наших солдат, сынов Отечества. Война — дорогое удовольствие, но жизни наших мы оцениваем не по экономической шкале, по другой — по нравственной.

Мы воюем гуманно. Вот почему «все и сразу» — авантюра.

Во-вторых, наши враги прикрываются мирными жителями как живыми щитами, а мы, понимая все коварство такой *террористической тактики*, не считаем возможным наносить урон противнику, хотя обладаем всеми необходимыми видами вооружения. Без таких «щитов» мы бы давно победили. Но это для наших врагов мирные жители «щиты», «пушечное мясо» и «ватники». Для нас это именно мирные жители, не военные силы противника; более того, потенциально — наши люди. Более того, мы считаем, что русские, украинцы и белорусы — один народ. Для нас Киевская Русь (Древняя Русь), Киево-Печерская лавра — не пустые слова.

Мы воюем гуманно.

Сами избранные нами тактика и стратегия зависят не только от сугубо военной эффективности и целесообразности. Мы не ставим вопрос в такой плоскости: победа любой ценой. Любой — значит, ценой жизнью наших солдат и наших мирных жителей. Для нас это неприемлемо. Поэтому мы вычли из уравнения Победы сроки Специальной операции. Мы вычли то самое «сразу». Мы воюем относительно медленно и без дешевых эффектов не потому, что не умеем воевать быстро и эффективно, а потому, что нам нужна победа не «здесь, сейчас и любой ценой» (это стратегия колонизаторов-расистов), а Победа навсегда и с минимальными потерями. При этом «мы за ценой не постоим» — то есть мы не собираемся забрасывать всех шапками, не собираемся никому ничего доказывать; мы просто не изменим нашим принципам.

Им нас не жалко; нас кроме нас самих никто больше не пожалеет.

Мы созидаем, они разрушают.

«Любой ценой» — это как раз про наших врагов. Что показал пресловутый летний «наступ» ВСУ в 2023

году? Он показал только одно: им плевать на «свой» (то есть наш) народ, чудовищные потери их не волнуют.

Сегодня, 12.10.2023, идет 594 день СВО, 127 день летнего «наступа» ВСУ. Из выступления Президента России В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба Валдай (05.10.2023): «...сейчас с начала так называемого контрнаступления — это последние данные — только с 4 июня украинские подразделения потеряли уже свыше 90 тысяч человек — это санитарные и безвозвратные потери, 557 танков, почти 1900 бронемашин различного класса». <http://kremlin.ru/events/president/news/72444>

В-третьих, всевозможное оружие (танки, артиллерия, ракеты с радиусом действия до 300 километров, самолеты в самом ближайшем будущем) и боеприпасы украинской стороне поставляет весь коллективный Запад. Вообще все ресурсы НАТО — экономические, политические, информационные — к услугам украинских нацистов. Идет война на истощение ресурсов России. И во все не факт, что война с Западом закончится поражением Украины. Скорее всего, не закончится.

В-четвертых, мы с уважением относимся к нашим врагам и чтим *законы войны*, писанные («Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными», положения которой лежат в основе международного гуманитарного права) и неписанные, которые на самом деле являются законами чести.

Мы не издеваемся над военнопленными, обращаемся с ними подобающим образом.

Они всячески унижают пленных.

Они бросают своих убитых солдат на поле боя — мы их хороним.

Они убивают своих же, пленных или дезертиров; у нас дезертиров нет, а захваченных в плен солдат противника мы стараемся обменять на своих солдат, попавших в плен к врагу.

Они устраивают теракты на нашей территории, мы на их территории — нет.

Они регулярно и кроваво обстреливают мирных жителей на территории России. Для них нет ничего святого. Мы воюем гуманно.

В-пятых, они ведут войну за то, чтобы мир оставался «пищевой цепочкой», контроль над которой всецело принадлежит англосаксонским элитам. Можно заключить с ними перемирие, можно добиться паузы, можно поговорить о мирном сосуществовании, но невозможно изменить их восприятие мира как «пищевой цепочки», где поедают всех и все воюют против всех (при этом некоторые, весьма немногие, извлекают их управляемого хаоса выгоду).

Добро пожаловать в лигу Дарвина — или придется выстраивать мир как иную цепочку взаимозависимостей, где не в силе Бог, а в Правде.

Они — псы войны, а мы воины света, если коротко. Мы воюем гуманно.

В-шестых, все это означает только одно: Победа — это способ нашего выживания. Все остальное для нас означает смерть, и обсуждать «дорожную карту в ад» нет никакого смысла. Надо настраиваться только на Победу, а путь к Победе — это бесконечная упорная вдумчивая работа по системной настройке нашей Матрицы. Пока что мы живем победоносными порывами, рывками, реакциями на ситуации, которые создают они; а нам надо научиться побеждать каждодневным рутинным трудом. Наша Победа — это наша Матрица, создание которой требует колоссальной концентрации колоссальных ресурсов (имеющихся в реальности).

Цель их войны с нами сегодня не победить нас, это исключено «в моменте», на поле боя, ибо паритет возможностей «нанести гарантированно неприемлемый ущерб

сторонам конфликта» признают все; их цель заключается в том, чтобы не дать нам осознать свои идеологические возможности и построить Матрицу Личности. Их цель — навязать нам такой мир, который для нас хуже войны. «Худой мир лучше доброй ссоры» в контексте гибридной войны становится формулой их стратегии: «худой мир» эффективнее войны, следовательно, необходимо добиваться «худого» мира.

Мы в свою очередь должны понимать: есть война, и есть нечто хуже войны — «худой» мир, и никакого доброго мира не предвидится.

Давно замечено: «Хуже вражды с англосаксом может быть только одно — дружба с ним» (А.Е. Едрихин, псевдоним Вандам, 1867 — 1933).

Понятие мир (=добрый мир) как нечто содержательное просто исчезло на наших глазах.

В таком «худом» мире лучшие условия для построения нашей Матрицы — здесь и сейчас.

Но для этого надо реально осознать: говорим Победа — подразумеваем *идеологическая* Победа. Понятие *идеология* становится ключевым (но при этом незаметным вследствие затертости и затасканности: хочешь что-то надежно спрятать, положи на видное место) в понятии гибридная (следовательно, перманентная) война.

Это означает: здесь и сейчас, сию минуту надо начинать строить свою Матрицу. Разворачивать социальную мобилизацию. В частности, *надо посмотреть на СВО как на инструмент выстраивания нашей Матрицы*. Когда мы говорим «СВО нуждается в идеологическом сопровождении», мы по умолчанию, не особо задумываясь, исходим из того, что СВО существует отдельно, а «идеологическое сопровождение» — отдельно. Есть Операция — а есть ее сопровождение. Операция, дескать, может быть и без сопровождения, но с сопровождением лучше, эффективнее. Слово речь идет о моральной,

идейной, *не военной* поддержке. О мягкой силе в придачу к «жесткой». О разных вещах.

На самом деле СВО — это продолжение нашей идеологии военными средствами. СВО и идеология — это разные стороны одной медали. Здесь нет и не может быть никакого «сопровождения». Это единый процесс. Это способ нашего выживания. СВО становится источником наших идеологических возможностей, а наши идеологические возможности должны сказываться на качестве СВО.

Идеология — это военная составляющая, а не «сопровождение». Нельзя отделять наши «жесткие», «агрессивные» военные действия от нашей доброй и справедливой идеологии. Такое допущение — уже акт идеологической диверсии со стороны наших врагов. Справедливая идеология делает любую нашу военную операцию Справедливой. СВО.

Победа начинается с идеологии, продолжается военнополитическими действиями и заканчивается миром на наших условиях, с построением «справедливой цепочки».

Люди уже стали забывать, что можно оставаться людьми в любых обстоятельствах. Мы пришли и напомнили всему миру об этом. Мы воюем гуманно.

Жители освобожденных территорий, исконно русских территорий, заметим, которые нам не надо ни у кого «аннексировать», где живут наши люди, побывавшие, словно в заточении, в их идеологической Матрице, — наши, вспомнившие, что они наши, встречают наших бойцов примерно такими словами: «Ваши солдаты никого не убивают и не насилуют. Даже не жгут. Даже не воруют. Мы считаем вас святыми».

Наш кодекс чести, наша Картина мира, наша идеология делают нас «святыми». Другими по сравнению с нашими врагами. Мы настолько отличаемся от наших беспринципных «партнеров»-врагов, насколько добро отличается от зла.

Все это говорится не ради красного словца, а ради адекватного восприятия реальности. Надо знать себе цену, надо знать цену противнику, надо знать цену Победы и цену поражению.

Наша идеология не позволяет нам воспринимать военные действия только в военно-экономическом, прагматическом ключе; для нас Победа означает и нравственную Победу. Победу Добра над Злом. Победу принципа «не в силе Бог, а в Правде».

Американцы, как известно, не церемонятся. Их интересует только сила, и ничего, кроме силы. Мирные жители Хиросимы и Нагасаки хорошо это знают и помнят. Мирные жители Афганистана, Ирака, Ливии, Югославии также испытали силу доблестных «воинов света» на себе. Мирные жители Украины восстанут ото сна — и тоже навсегда усвоят урок американцев. Для американцев победа — это победа *любой* ценой. И этой идеологией инфицированы противостоящие нам украинцы, которые за несколько лет массово превратились в новоиспеченных фашистов.

Мы сражаемся с украинскими нацистами — но при этом нам противостоит западная либерально-фашистская идеология. Мы сражаемся с Западом, который представляет СВО как агрессию против «мирной Украины», напичканной почему-то западным современным вооружением и зомбированной их идеологией.

Не удивительно, что Запад собирается воевать с нами «до последнего украинца». Украина — это наш ресурс, поэтому Украину им не жалко, а нас и подавно. Для них СВО — это шанс измотать нас, отвлечь от создания нашей Матрицы и идеологии.

Отметим три момента, которые для нас особенно интересны в избранном контексте. Во-первых, у нас есть своя Картина мира, свои ценности, идеалы и принципы,

от которых мы не отступаем. И это становится залогом наших успехов, нашей Победы.

Во-вторых, мы сражаемся не против их Матрицы, не против народов недружественных нам стран. Мухи отдельно, котлеты отдельно. Картина мира всему голова, Матрица — инструмент. Наш враг — западная Картина мира и те «элиты», которые ее культивируют.

Мы сражаемся не с народом противостоящих нам стран, а с теми, кто народ оболванивает. Вот они — подлинный наш враг, идеологический враг, несущий погибель не только нам, но и собственной Матрице, собственному народу. Вообще всему миру.

В-третьих, как показала практика, Матрицу (любую) можно создать буквально за несколько лет интенсивной «промывки мозгов», «ментальной прошивки». Бесконечно и искусно, с тонкими настройками надо поддерживать персоцентрический режим Матрицы; а сам каркас Матрицы строится достаточно быстро.

Последние тридцать лет мы сами, своими руками вырастили поколение, которое во многом ориентируется на ценности «свободного мира», на ценности Запада. На Свободу. На индивидуализм. Что мы увидели, когда СВО подошло к стадии «частичная мобилизация»?

Оказалось, что среди молодежи до тридцати пяти лет достаточно много тех, кто не готов идти защищать Родину, Правду, Победу. Общество оказалось в значительной степени атомизированным, состоящем из индивидов, ценящих свой комфорт и удовольствия превыше всего на свете. Появились уклонисты от мобилизации. Стало очевидным, что в идеологическом воспитании у нас серьезные проблемы. Часть нашей молодежи не усваивает наши ценности, но открыто разделяет ценностные установки наших врагов.

При социализме господствовал социоцентрический принцип «сначала думай о Родине, а потом о себе». Тридцать с лишним лет назад на смену социализму пришел

капитализм с его индивидоцентрическим принципом «сначала думай о себе, а потом обо всем остальном», «всегда и во всем ставь свои интересы выше всего остального, будь сильным». И принцип капитализма вытеснил социоцентрический принцип как «не соответствующий ценностям нашей цивилизации» (хотя на самом деле все ровно наоборот). Принцип «ставить общественное выше индивидуального» оценили как подавляющий личные свободы, как тоталитарный, как проявления сталинизма. Запад стал побеждать на нашей территории и в умах подрастающих поколений. Вместе с социоцентризмом из жизни нашей молодежи во многом ушел и здоровый, естественный патриотизм. Мы растеряли свой тонус и идеологический запал.

Так Запад умело изматывает нас, оборачивая наш ресурс в свою пользу.

Естественно, сегодня в ситуации противостояния с Западом в нашем также капиталистическом обществе резко возрос запрос на нечто противоположное капитализму — на социоцентризм, на социальную справедливость, на патриотизм, на мобилизационную повестку.

Налицо идеологический дисбаланс: Картина мира наша, персоноцентрическая, а Матрица не наша, индивидоцентрическая.

Если бы мы сумели индивидоцентрическую (капиталистическую) прививку нашему социуму обернуть во благо, если бы мы смогли обогатить социоцентризм (культ Родины) индивидоцентризмом (культ Свободы), то получили бы персоноцентризм. Установка на личность — это установка на свободный выбор патриотизма как высшей Правды.

Индивид легко предает Родину; личность же никогда Родину не предаст.

Наши противники доказали нам эффективность своей Матрицы. Спасибо им за науку. Их опыт убеждает нас,

что за несколько лет мы также вполне в состоянии создать (воссоздать) свою Матрицу Личности, заменив систему угрожающих нам ценностей на систему ценностей, «работающих» на справедливость. Люди словно «вспрянут ото сна», выйдут из транса, наваждения, посмотрят на мир прежними, «русскими» глазами. Люди будут «расколдованы», освобождены от вражеских чар, заставляющих идти брат на брата.

Их Матрица — наш ресурс. Их Картина мира — наш враг.

Когда мы говорим «мы святые», мы имеем в виду следующее: мы воюем под знаменами и лозунгами правильной, гуманистической идеологии. Точнее сказать наше дело святое, правое, мы защищаем Родину, и потому Победа будет на нашей стороне, на стороне Правды. Наша Картина мира и наша Матрица Личности — одно целое.

Родина. Правда. Победа.

Нашими врагами движет «ложное знание», неправильная, антигуманная идеология, они сражаются не за Правду, им нужна победа любой ценой — потому что победителей, как они полагают, не судят. Они уповают на то, что силу не судят, силу выводят из-под суда Правды. Сила неподсудна Правде — то есть сила выше Правды, Сила и есть сама Правда. Сила = Правда. Вот откуда поклонение Силе как Правде. Их «голова» (Картина мира) не щадит «туловище» (Матрицу Индивида), потому что Картина мира и Матрица Индивида объективно имеют разные интересы, их идеология «разделена в себе».

Очень точно об этом сказано в Библии. Иисус сказал фарисеям: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Матфей 20. 25).

Царство, город, дом, идеология не устоят, если они «разделены сами в себе», если они опираются сразу на две исключаящие друг друга истины. Правда

индивидуоцентрической Картины мира и Правда Матрицы совмещаются до тех пор, пока с помощью силы можно добывать себе хлеб и комфорт за счет других, за счет идеологических манипуляций. Как только все начинают исповедовать западную идеологию, начинается война всех против всех. И тогда в мутной воде ловит рыбку (Власть) тот, кто сильнее, — Кукловод.

Родины у них нет (там, где хорошо, там и родина). Их Правда — это ложь (сила). Их победа — первый шаг к поражению, потому что их победа — это всегда чужая беда.

Это не наша игра, это не наша война, это не наш мир.

Под какими лозунгами мы сражаемся с идеологически вооруженным царством мирового зла?

Родина. Правда. Победа.

Родина. Личность. Счастье.

Под какими лозунгами сражаются с нами наши идеологические враги?

Сила и Свобода. Power and Freedom.

Силу они везде и всюду продают под брендом «Свобода» (права человека, то есть индивида, демократия как инструмент свободного волеизъявления). За этими лозунгами вуалируется цель: Власть над миром.

Вне глобального идеологического контекста невозможно понять и оценить масштабы «глокальной» СВО (глобальной и локальной одновременно). Мы вынуждены открыто называть вещи своими именами: мы воюем со вселенским злом, мы воюем на стороне добра.

Вот как это сформулировано в знаковом выступлении Президента РФ В.В. Путина: «Повторю, диктатура западных элит направлена против всех обществ, в том числе и народов самих западных стран. Это вызов всем. Такое полное отрицание человека, ниспровержение веры и традиционных ценностей, подавление свободы

приобретает черты «религии наоборот» — откровенного сатанизма» [1].

«Западные страны веками твердят о том, что они несут другим народам и свободу, и демократию. Всё с точностью до наоборот: вместо демократии — подавление и эксплуатация; вместо свободы — порабощение и насилие. Весь однополярный миропорядок по своей сущности антидемократичен и несвободен, он лжив и лицемерен насквозь» [1].

«Диктат США строится на грубой силе, на кулачном праве. Бывает красиво обёрнуто, бывает без всякой обёртки, но суть одна и та же — кулачное право. Отсюда развёртывание и содержание сотен военных баз во всех уголках мира, расширение НАТО, попытки сколотить всё новые военные альянсы, такие как AUKUS и им подобные. Идёт активная работа и над созданием военно-политической связки Вашингтон — Сеул — Токио. Все те государства, которые обладают или стремятся обладать подлинным стратегическим суверенитетом и способны бросить вызов западной гегемонии, автоматически зачисляются в разряд врагов.

Именно на этих принципах строятся военные доктрины США и НАТО, требующие, ни много ни мало, тотального доминирования» [1].

Литература

1. Полный текст обращения Владимира Путина 30 сентября 2022: стенограмма выступления <https://www.kp.ru/daily/27452.5/4655517/>

7. ИДЕОЛОГИЯ КАК ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ

Теперь мы готовы ответить на вопрос, который поставили в начале книги: необходимо ли понятие «идеология» закрепить в Конституции или этого делать не следует?

Поскольку наше отношение к реальности состоит из двух составляющих, *объективного отношения познания и субъективного отношения приспособления*, наше отношение как нечто цельное тем не менее внутренне противоречиво. Наше отношение к миру в целом и отдельным его качествам или свойствам (особенно ментальным) внутренне противоречиво, можно сказать — идеологично. При этом мы нормальны, мы здоровы, мы не шизофреники.

Какое бы гуманитарное понятие мы ни взяли (патриотизм, искусство, память предков, нравственность, добро, зло, справедливость, правда, истина, счастье, свобода, идеология и т.д.), оно идеологично, внутренне противоречиво — оно и субъективно, и объективно одновременно.

Статус идеологичный — значит, статус спорный. Необъективный как минимум. Точно не абсолютный. Следовательно, не общепринятый.

Стоит вам заговорить о патриотизме, например, — и вы становитесь идеологичным в вашем отношении к родине, ее истории, героям и врагам. У вашего не менее патриотично настроенного оппонента («красного», если вы «белый», или «белого», если вы «красный») может быть иная идеологическая аранжировка понятия патриотизм.

В российской традиции понятие «патриотизм» трактуется как идея служения своему государству, нередко

даже ценой человеческой жизни, имеющая глубокие корни, уходящие в историю Древней Руси. Вот определение Владимира Даля из «Толкового словаря живого великорусского языка» (1861-1868). «Патриот, патриотка, любитель отечества, ревнитель о благе его... *Патриотизм — любовь к родине.* Патриотический, отечественный, полный любви к отчизне». (Курсивом в определениях выделено мной — А.А.)

А вот определение из семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» 1959 г.: «Патриот. *Человек, любящий свое отечество, преданный своему народу, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины*».

Мы можем добавить или убрать какие-то признаки. Здесь дело не в количестве критериев, а в качестве аналитического отношения. Мы фиксируем то, что лежит на поверхности. То, что видно невооруженным взглядом. То, что очевидно и уже в силу этого верно.

Когда мы говорим, что патриотизм — это любовь, преданность или жертвенность, мы исходим из того, что патриотизм — это *чувство*. В таком случае, мы априори исходим из того, что природа патриотизма носит эмоционально-чувственный, иррациональный характер.

Субъективного, ориентированного на вкус в таком отношении к патриотизму больше, чем объективного.

Чувство всегда субъективно. Ты любишь не то, что лучше, а то, что тебе больше нравится. Родину, как и мать, не выбирают. Они у нас лучшие не потому, что объективно являются таковыми, а потому, что наши. Логика чувств понятна. С ней согласится всякий, кто разделяет эту логику — кто находится с вами в одной Матрице.

Таким образом, если вы даете определение патриотизма в парадигме ощущений, то вы отталкиваетесь не от Картины мира (не от доказательств), а от убедительности Матрицы.

Усложним определение: *«Патриотизм — это гордость за нашу культуру, наши достижения, историю, за традиции, унаследованные нами от прошлого».*

Почему в данном определении наше отношение к Родине резко усложняется?

В патриотизм включается ценностная ориентация (Картина мира), а ценности — это продукт ума, продукт научного отношения, где в цене — объективность. Одно дело любить Родину просто потому, что она твоя, и совсем другое — потому, что она дала миру то, что сделало этот мир лучше, любить «за что-то». «За что-то» — это уже формат Картины мира.

Иными словами, патриотизм превращается в эмоционально-рациональное отношение, где патриотизм превращается в умное, просвещенное чувство, но где начало эмоционально-психологическое, тем не менее, управляет началом рациональным (хотя кажется, что наоборот).

Объективное здесь выравняется с объективным, находится в паритетных отношениях.

Можно пойти еще дальше. Патриотизм — это деятельное стремление создавать для своей Родины такие условия, которые позволяют твоей стране жить по высшим мировым культурным и социальным стандартам.

Понятие Родина становится величиной культурной. Здесь патриотизм превращается в мировоззренческую программу, где миропонимание явно доминирует над мироощущением, где начало объективное дает содержание субъективному. Чувство любви к Родине перестает быть решающим признаком патриотизма. Более того, чувство любви к родине и деятельность на основе определенных ценностей разводятся.

Здесь Картина мира всецело доминирует над Матрицей. Умозрительная, несколько абстрактная любовь к Родине заслоняет чувство любви как таковое.

Можно любить Родину и при этом, вопреки своему чувству, быть ее злейшим врагом, если судить по деятельности, а не по благим чувствам-намерениям. А можно любить — и быть истинным патриотом.

Если вы хотите совместить патриотизм как любовь к Родине и патриотизм как культурно-философское начало, натуру и культуру, психическое и сознательное отношения, то вам придется синтезировать еще большие пласты информации. Например.

Патриотизм — это любовь к Родине, которая проявляется в деятельном стремлении создавать для нее условия, позволяющие твоей Родине жить по высшим мировым культурным и социальным стандартам.

Перед нами определение, которое является не набором более-менее очевидных признаков, а концептом, который реализуется через подбор ценностно выстроенных признаков.

Здесь объективное (отношение познания) и субъективное (отношения приспособления) находятся в гармонии. Картина мира соединяется с Матрицей и не существует в отрыве от нее.

Патриотизм = Картина мира + Матрица.

О чем спорить, если спорить о патриотизме? Чья любовь к Родине сильнее?

Гитлер был большим патриотом, сильно любил Германию — но легче ли от этого Германии?

Да, о вкусах не спорят, поэтому меряться «любовью к Родине» глупо; но глубина понимания патриотизма — это уже предмет спора.

Умный патриот измеряет любовь к Родине Картиной мира, глупый патриот измеряет любовь к Родине силой чувства.

Проблема патриотизма в уме и глупости, а не в патриотизме как таковом.

Патриотизм — это частное проявление идеологии, и им не следует подменять идеологию. С помощью идеологии можно воспитать патриотизм, а с помощью патриотизма создать идеологию не получится.

Патриотизм как военная доктрина, возможно, должен носить оборонительный характер (нам чужой земли не надо, но и пяди своей не отдадим); однако в плане идеологическом он должен быть наступательным — амбициозным и инициативным.

Точно так же следует четко определить идеологическую нагрузку символов идеологии, например, флага и гимна. Они не являются идеологией сами по себе, они выступают в качестве маркировки успешной (потенциально успешной) «родной» идеологии. Гордиться можно не флагом и гимном как таковыми, а идеологией, которую они символизируют.

Вот почему ограничиться флагом, гимном и патриотизмом в идеологическом строительстве (ограничиться атрибутикой Матрицы) — означает делать ставку на видимость бурного идеологического ренессанса, на косметические изменения. Надо «зреть в корень» — надо начинать с Картины мира, не забывая ни в коем случае про флаг, гимн и просвещенный патриотизм.

О научной составляющей идеологии не только можно, но и нужно спорить, ибо только в таком — неидеологическом споре в рамках идеологического отношения — и рождается истина. Строго говоря, спор возникает там, где обнаруживается разность потенциалов в качестве мышления. Как только разность мыслительных потенциалов нивелируется (более низкий уровень смыкается с более высоким), оппоненты честно и искренне приходят к единому мнению. Это единое мнение и есть истина.

Истина — это не константа отношения и не определенный набор суммы смыслов; она возникает там и тогда, где и когда высший из возможных уровней мышления

становится способом осмысления проблемы и принимается компетентным экспертным сообществом в качестве такового.

Можно сказать, истина если не мимолетна, то уж точно недолговечна — и это ее единственное вечное и неизменное качество, которое породило миф о вечно существе, фундаментальном, необозримом феномене.

Необозримость истины как информационной категории не в ее принципиальной неохватности (как следствия невероятной объемности, то есть количественной характеристики), а в другом: в ее недолговечности, изменчивости как следствия принципиально вечной поступательности — необозримость истины в такой ее качественной характеристике, которая позволяет мгновенно справиться с любым количеством информации.

А теперь зададимся вопросом: каким образом такие понятия, как культурный код, Картина мира, Матрица, отношение познания, отношения приспособления, патриотизм, — каким образом *звенья идеологического дискурса* записать в Конституцию, придав им статус Основного Закона?

Если трактовать Конституцию как некий свод философских законов или сентенций, то можно ограничиться одной фразой: все течет, все меняется. И в качестве поправки к Конституции добавить: такова жизнь.

Но Конституция ориентируется не на философское, а на практическое и прагматическое отношение, закрепленное в правовых нормах прямого действия. На здравый смысл в юридической аранжировке. Конституция — этот жанр, в котором не путают Божий дар с яичницей.

Читаем текст Преамбулы Конституции РФ.

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле,

утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Преамбула насквозь идеологична — но все все понимают правильно и не задают лишних вопросов. Никто не спрашивает, *что такое* «общая судьба», «права и свободы человека, гражданский мир и согласие», «память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость»; *что значит* «возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России».

Преамбула насквозь идеологична, спорное получило статус бесспорного, но это никого не смущает; а вот сделать понятие *идеология* конституционным отчего-то не получается, эта проблема преподносится как обстоятельство непреодолимой силы. Какой такой силы?

Давайте назовем вещи своими именами: те, кто занимается конституционным правом, по каким-то причинам не готовы дать шанс нашему культурному коду, нашей Картине мира стать основным культурным правилом жизни. Если понятия идеология, Картина мира, Матрица неконституционны, следовательно, идеологическое строительство является неконституционным, противоправным по сути своей делом.

Зачем тогда говорить об исключительной важности идеологии? Об идеологии как маркере нашей суверенности?

«Чтить память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» можно, а назвать это актом идеологического воспитания нельзя. А почему, собственно, нельзя?

Потому что утвердить в Конституции нашу персонцентрическую идеологию в качестве приоритетной означало бы отвергнуть неприемлемую для нашей цивилизации индивидоцентрическую идеологию. Очевидно, пока мы в силу каких-то причин к этому не готовы.

Коль скоро Конституция ориентирует нас на правила жизни, которые мы воспринимаем как законы, проверенные жизненной практикой принципы, почему бы не ориентировать на нашу идеологию как на принцип, без которого нет самой жизни?

Речь, конечно, не идет об определенной неуниверсальной идеологии, деструктивной и разрушительной, существующей как вещь в себе (монархизм, фашизм, расовое превосходство, социализм, капитализм и т.д.); речь не о закреплении в Конституции определенных *социально-экономических моделей*; речь идет о том, что *наша персонцентрическая идеология*, то есть универсальная ориентация на высшие культурные ценности (истина, добро, красота, свобода, память предков, благополучие и процветание родины) помогает нам строить справедливое общество, в котором каждый имеет возможность быть счастливым.

Качество интерпретации понятий «наша идеология» и «высшие культурные ценности» в Конституции не пропишешь, да этого и не надо делать. Поэтому этого и не делали: это вопрос философской, а не правовой культуры. Однако выстраивать свою Картину мира, Матрицу Личности, Технологию — выстраивать *свою идеологию* надо.

Родина. Правда. Победа.

Что в этом плохого?

Родина. Личность. Счастье.

Разве этого следует стыдиться?

Зачем говорить о наших триадах стыдливо, в обход Конституции? Это должно быть предписано Конституцией, если мы действительно заботимся о «благополучии и процветании России».

Согласимся: идеология — это во многом общественный договор по поводу правильной Картины мира и Матрицы.

Но «договор» вовсе не является тем препятствием, которое не позволяет идеологии присутствовать в Конституции. Если у нас есть общее представление об «общей судьбе», то почему бы не быть общему представлению о генеральной идеологии, в рамках которой комфортно и индивиду, и личности, и семье, и нации, и народу, и цивилизации?

Идеология — это вера в гуманистическую миссию своей цивилизации, и эту веру необходимо закрепить в Конституции, которая, хотим мы того или нет, является также идеологическим инструментом нашего государства. Если идеология не перенесена «на бумагу», мы *de facto* расписываемся в том, что не верим в миссию своей цивилизации. Это, конечно, деморализующий момент, который является фактором разрушительной идеологической силы по отношению к нам. Это на руку нашим врагам.

Невозможно утверждать свою идеологию и при этом стесняться ее провозглашать. Это ведь тоже двойная мораль, которую отвергает наша идеология.

Может ли Конституция быть беспристрастной по отношению к идеологии государства и цивилизации?

Очевидно, не может.

Может ли Конституция быть инструментом идеологии?

Тоже, очевидно, не может.

Баланс, очевидно, находится между двумя относительно бесспорными утверждениями.

Идеология отделена от Конституции как основного закона государства. Идеология и Конституция — это сферы автономные, но зависящие одна от другой. Невозможно отделить закон государства от идеологии — закона, который определяет жизнестойчивость государства.

Полагаем, из этого положения и стоит исходить при совершенствовании Конституции — основного закона государства, особого правового акта, имеющего высшую юридическую силу, закона, который призван не запрещать, а стимулировать идеологическое строительство.

ВЫВОДЫ

По итогам проведенного исследования находит свое подтверждение выдвинутая нами гипотеза об идеологическом суверенитете России по следующим позициям.

1. Что такое идеология?

Идеологию мы трактуем как *тип управления информацией, который позволяет превращать идеи в материальную силу*. Идеология — это учение о вере в идеи (истинные или ложные), которые, обращаясь к каждому персонально, способны объединить общество, становясь при этом силой, предназначенной для изменения реального мира.

2. Какова структура идеологии?

Идеологию как целостный, многоплановый и сложно устроенный антропологический нарратив можно с известной долей условности представить как взаимодействие трех уровней:

Картина мира,
Матрица,
Технология.

Под «Картиной мира» мы подразумеваем систему ценностей человека, сознательно сформированные мировоззренческие установки, которые служат основой для формирования мотиваций и моделей поведения.

«Матрица» — система ценностей, данная в чувственно воспринимаемой форме (в мироощущении).

«Технология» — инструмент перевода с языка «Картины мира» (мировоззрения) на язык «Матрицы» (мироощущения).

3. Какова содержательность Картины мира?

Содержательность Картины мира складывается из трех составляющих:

1. Православие (корнями — через Византию — уходящее в Древнюю Грецию; именно так: наша культурная почва — Древняя Греция, а не патриархальная деревня).
2. Классическая русская литература. В «Евгении Онегине», по нашему мнению, впервые в мире представлена модель личности, которая стала воплощением персоноцентризма.
3. Классическая немецкая философия (Гегель, Кант), корнями также уходящая в Древнюю Грецию.

4. Кому нужна идеология?

Идеология необходима:

- любому цивилизационному проекту,
- любому государству,
- любому человеку, которого волнуют проблемы мировоззрения.

5. Что является критерием успешности идеологии?

Критерием успешности идеологии является: 1) способность осознать и сформулировать цели (уровень стратегии) и задачи (тактический уровень) идеологии; 2) наличие политической воли для воплощения их в жизнь.

На сегодняшний день в мире существуют следующие успешные цивилизационные проекты:

- Западный (индивидоцентрический);
- Восточный или китайский (социоцентрический);
- Русский (персоноцентрический) в двух вариантах: имперский и советский.

6. Зачем нам нужна идеология?

Идеология нужна для того, чтобы выжить и победить. Успешная идеология — это инструмент победы над соперниками посредством навязывания своей воли в реализации определенных культурных ценностей (для нас высшими ценностями являются истина и справедливость). Для нас идеология — это:

- условие выживания России,
- инструмент нашей защиты,
- уверенность в своей правоте,
- условие нашей победы.

7. Какова цель нашей идеологии?

Главная цель нашей идеологии — обеспечить суверенитет России как самобытной цивилизации, имеющей глубокие европейские культурные корни и опирающейся на высшие культурные ценности, добытые человечеством. Именно поэтому создание идеологии «русского культурного проекта» («Картины мира» и «Матрицы») следует признать важнейшей задачей. Идеология — это способ отстаивать право на свою суверенность, делясь при этом со всем миром своими культурно-идеологическими наработками.

Задача идеологии в целом может считаться выполненной, а цель достигнутой тогда, когда *каждый* носитель наших цивилизационных ценностей понимает, что ему делать.

8. Как достигается идеологическая суверенность?

Идеологическая суверенность достигается с помощью установки на глобальное лидерство. Нельзя быть суверенным, не имея *универсальной «Картины мира»*, которая актуальна для всех народов, стран и цивилизаций. Именно этот уровень идеологии мы считаем определяющим в идеологической «конструкции», потому что именно он обеспечивает инициативность и наступательность.

9. Какая идеология нам нужна?

Нам нужна идеология защитная и наступательная одновременно.

Принцип нашей Картины мира «не в силе Бог, а в Правде» проявляет себя в двух ипостасях: в качестве идеологии защиты («Родина. Правда. Победа») и в качестве идеологии наступления («Родина. Личность. Счастье»).

Нам нужна идеология как наука побеждать.

10. Что предлагает наша идеология всем и каждому?

Миру наша идеология интересна не столько как эффективная защита, сколько в качестве универсального предложения. Если в качестве культурно-содержательной доминанты нашей идеологии рассматривать не обеспечение роста потребления, а *раскрытие человеческого потенциала* («Родина. Личность. Счастье»), то приоритетной для государства и цивилизации становится проблема личностного роста, проблема жизнотворчества. Главный социальный ресурс — личностный рост человека, который определяет состояние экономики, политики, образования, науки, а также ценностные приоритеты общества.

11. Какой идеологии мы противопоставим?

Мы противопоставим идеологии либерального фашизма — идеологии индивидоцентризма с ее культом силы и удовольствия: «Не в правде Бог, а в силе и удовольствии». Способом воплощения индивидоцентризма является *диктатура натуры*.

Личностный рост обеспечивает наша идеология *персоноцентризма*; способом ее воплощения является *диктатура культуры*.

Наша Картина мира «не в силе Бог, а в Правде» развивается как *культура управления объективно возникающими в процессе познания смыслами*. Субъект такой культуры личность; этим и обусловлен *персоноцентрический* характер нашей цивилизации. Западная Картина мира «не в правде Бог, а в Силе» совершенствуется

как *культура манипуляции смыслами*. Субъект такой культуры индивид; отсюда *индивидуоцентризм* как ключевая характеристика западной цивилизации.

Если мы по какой-то причине считаем возможным принять потребительскую идеологию Запада, если мы погонимся за их успешностью, это будет начало нашего конца. Мы погибнем.

12. Можно ли избежать идеологической войны цивилизаций?

Идеологической войны избежать невозможно. В ней необходимо побеждать.

13. Что является обязательным условием победы в идеологической войне цивилизаций?

Таким условием, обеспечивающим личностный рост и безопасность страны, является *социальная мобилизация*, которая проявляет себя в *жизнетворчестве*; инструментом создания социальной мобилизации выступает «*Матрица личности*».

14. С чего начинается создание инфраструктурной базы, которая обеспечивает «производство» успешной идеологии как условия существования нашей цивилизации?

Создание успешной идеологии начинается с создания Аналитического центра.

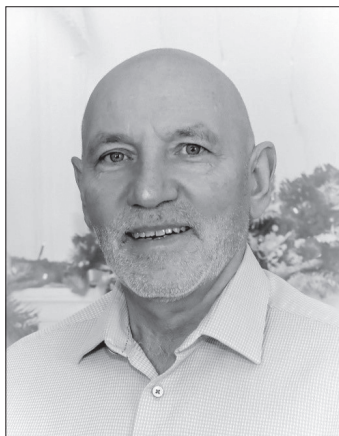
15. Надо ли отразить основные идеологические принципы нашей Картины мира в Конституции?

Идеология — это патриотически и культурно отформатированная ментальность, и в качестве таковой ее следует зафиксировать в Конституции. Наши принципы «Не в силе Бог, а в Правде», «Родина. Правда. Победа», «Родина. Личность. Счастье» универсальны, созидательны и победоносны. Наши принципы никому не угрожают и служат для привлечения здоровых сил планеты на нашу сторону.

06.2022 — 23.02.2023

**АНДРЕЕВ
АНАТОЛИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**

**доктор филологических
наук, профессор**

Родился в 1958 г. в г. Североуральске Свердловской области (Россия). Литературовед, культуролог. Член Союза писателей России, Союза писателей Беларуси. Доктор филологических наук, профессор. Автор 320 научных публикаций, в том числе учебника «Теория литературы», монографий «Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.», «Философия литературы. А.С. Пушкин», «Основы теории литературно-художественного творчества», «Психика и сознание: два языка культуры», научно-популярной книги «Зачем нужны умные люди?» и др. Автор 14 опубликованных романов («Легкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Срединная территория», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Отчуждение», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали», книги стихов «Между временем и мною», сборника пьес «Главные слова для любимой женщины».

Живет в Москве. В настоящее время профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ).
